Изданіе Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА
Н. И. ПИРОГОВА

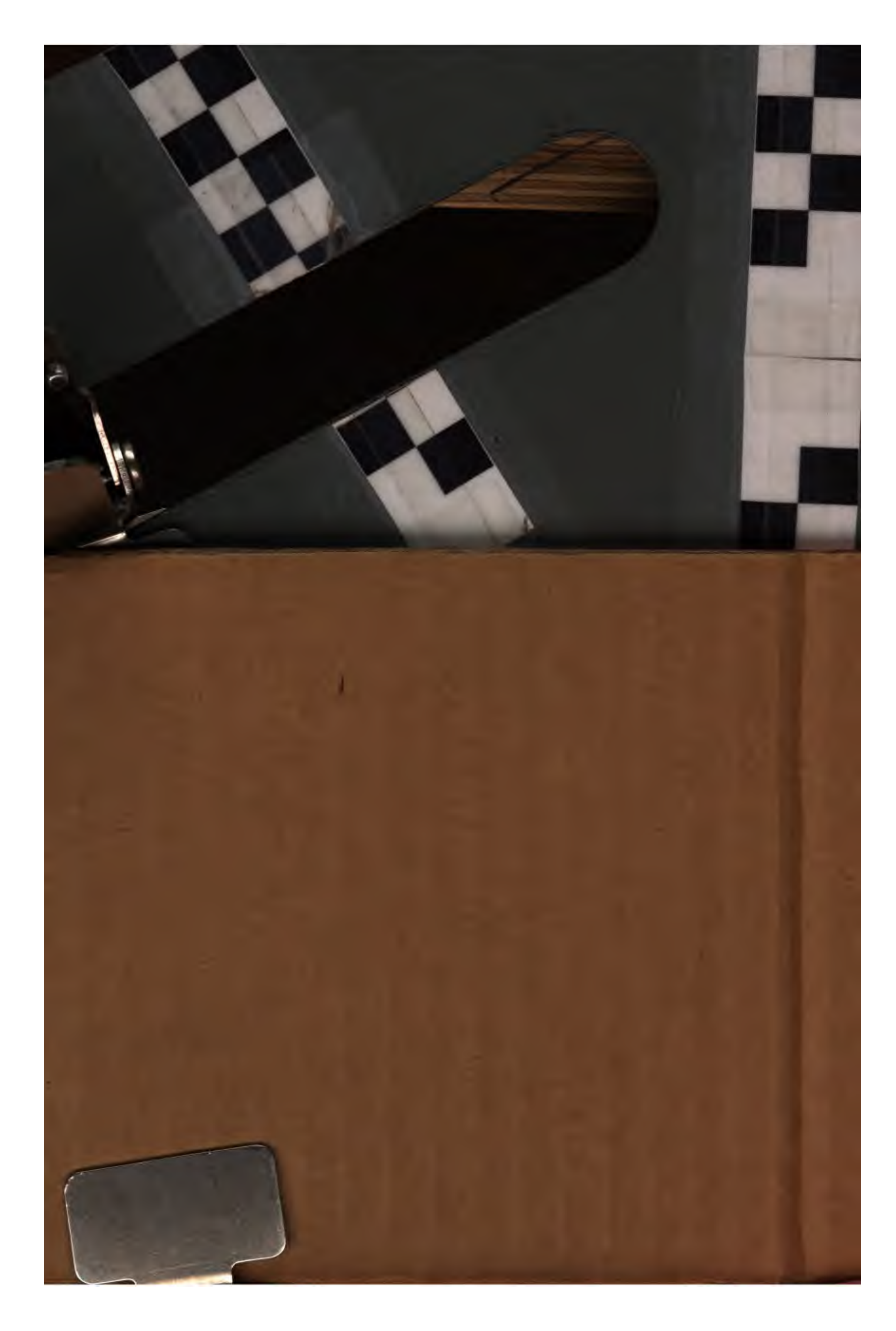
1854—1855.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

Ю. Г. МАЛИСА.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8
1907.

Изданіе Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА Н. И. ПИРОГОВА

1854—1855.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

Ю. Г. МАЛИСА.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8
1907.

Сборникѣ» за 1856 г. Наконецъ, всему этому предпосланъ составленный нами очеркъ дѣятельности Н. И. Пирогова въ Севастополѣ.

Къ книжкѣ приложены портретъ Н. И. того времени и семейная группа—Н. И. съ своими обоими сыновьями,—воспроизведенная съ дагерротипа. Оба эти снимка предоставлены въ наше распоряженіе глубокоуважаемымъ Владиміромъ Николаевичемъ Пироговымъ. Остальными приложеніями являются группа сестеръ милосердія, репродуцированная изъ «Русскаго Художественнаго Листка» Тимма, видъ Севастополя и планъ окрестностей Севастополя, перечерченный спеціально для настоящаго изданія. Наконецъ, приложено также и fac-simile одного изъ писемъ.

«Севастопольскія письма» освѣщаютъ личность Пирогова съ двухъ сторонъ. Прежде всего мы видимъ предъ собою врача-гражданина, беззавѣтно преданнаго интересамъ своихъ больныхъ и съ неукротимой энергіей борющагося за эти интересы. Какъ защитники Севастополя грудью отстаивали осажденный городъ, такъ и Пироговъ грудью отстаивалъ жизнь и здоровье защитниковъ Севастополя. Съ другой стороны, въ каждой строкѣ этихъ писемъ виденъ образцовый семьянинъ, глубоко любящій своихъ близкихъ.

Рядомъ съ крупной фигурой великаго врача-севастопольца въ «Письмахъ» ярко вырисовывается скромный, глубоко симпатичный и свѣтлый образъ «севастопольской сестрички», какъ воплощеніе всѣхъ лучшихъ сторонъ русской женщины.

Ю. М.

С.-Петербургъ,
13-го ноября 1906 г.

Н. И. ПИРОГОВЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Къ началу Восточной войны 1854—55 г.г. мы застаемъ Н. И. Пирогова въ Петербургѣ на каѳедрѣ госпитальной хирургіи въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, куда онъ перешелъ изъ Дерптскаго Университета. Это былъ самый блестящій періодъ его научно-практической дѣятельности. Н. И. занималъ созданную имъ же каѳедру госпитальной хирургіи, завѣдывалъ громадной хирургической клиникой, состоялъ также консультантомъ большихъ петербургскихъ больницъ: Обуховской, Маріи Магдалины и Петропавловской, и, наконецъ, имѣлъ первую хирургическую практику во всей столицѣ. Кромѣ того, онъ несъ обязанности директора анатомическаго института, учрежденіемъ котораго Медико-Хирургическая Академія была всецѣло обязана Н. И. Пирогову.

Еще до Крымской кампаніи Н. И. Пироговъ заявилъ себя, какъ выдающійся военно-полевой хирургъ, участвуя въ Кавказской экспедиціи 1847 года, гдѣ онъ первый съ успѣхомъ примѣнилъ анестэзированіе на полѣ сраженія при подачѣ первой хирургической помощи раненымъ.

И вотъ, какъ только эхо пушекъ, громившихъ Севастополь, болѣзненно разнеслось по всей Россіи, Н. И. Пироговъ тотчасъ же заявилъ о своей готовности «употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ». Поданная имъ въ этомъ смыслѣ просьба, однако, все странствовала по разнымъ инстанціямъ, а

желанный отвѣтъ все не приходилъ. Въ то время, какъ въ Севастополѣ раненые гибли тысячами, первый хирургъ во всей странѣ, европейская знаменитость, Н. И. Пироговъ долженъ былъ просить, какъ милости, чтобъ его послали на театръ военныхъ дѣйствій. Дѣло, видимо, тормозили и онъ уже начиналъ отчаиваться въ успѣхѣ своей просьбы. Но совершенно неожиданно дѣло приняло благопріятный для него оборотъ. Н. И. Пироговъ получилъ приглашеніе явиться къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая тотчасъ объявила ему, къ великой его радости, что взяла на себя разрѣшить его просьбу. Затѣмъ великая княгиня объяснила знаменитому хирургу свой гигантскій планъ организовать женскій уходъ за ранеными и больными на полѣ битвы. Великая княгиня задумала не болѣе не менѣе, какъ собрать сестеръ милосердія и отправить ихъ на поле сраженія и въ военные госпитали. Въ заключеніе великая княгиня Елена Павловна предложила Н. И. Пирогову самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всѣмъ дѣломъ на себя. Къ вечеру того же дня великая княгиня прислала ему собственноручную записку съ извѣстіемъ, что просьба его удовлетворена.

Чтобы правильно оцѣнить всю ту массу добра и благодѣянія, которую долженъ былъ принести несчастнымъ севастопольскимъ страдальцамъ проектъ великой княгини Елены Павловны, нужно знать, что такое умѣлый женскій уходъ за больнымъ со стороны сестеръ милосердія. Объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто знакомъ съ дѣятельностью сестеръ милосердія не по наслышкѣ только. Каждый врачъ, которому приходилось работать съ сестрами милосердія, долженъ преклониться предъ ихъ дѣятельностью. Здѣсь ярко выступаютъ всѣ лучшія стороны женской натуры: «сестричка» окружаетъ больного атмосферой нѣжной заботливости, проникнутой сердечнымъ сочувствіемъ къ его горю и страданіямъ, она умѣетъ угадывать и предупреждать желанія больного, она терпѣливо выслушиваетъ его безконечныя жалобы и всегда находитъ въ своемъ женскомъ лексиконѣ слово утѣшенія, она умѣетъ внушить ему бодрость и заставить его забыть его безпомощность и оброшенность. Таково

благотворное нравственное вліяніе сестры милосердія на ввѣреннаго ея попеченіямъ больного. Съ другой стороны, мягкость движеній при манипуляціяхъ надъ больнымъ, прирожденная ловкость движеній, чистоплотность, аккуратность и исполнительность дѣлаютъ такой женскій уходъ за больнымъ идеальнымъ. Сестра милосердія является благодаря этому незамѣнимой помощницей для врача, въ особенности для хирурга. Къ этому присоединяются еще поражающія каждаго наблюдателя выносливость и неутомимость въ работѣ сестры милосердія, какъ выраженіе эластичности женской натуры. Личность врача, подъ руководствомъ котораго работаютъ сестры, играетъ, конечно, немаловажную роль. Знающій и любящій свое дѣло врачъ встрѣчаетъ въ сестрѣ милосердія неутомимую помощницу.

Женскій уходъ въ больницахъ существовалъ тогда уже и въ Европѣ (діакониссы), а также и у насъ (сердобольныя вдовы въ Маріинской больницѣ, Свято-Троицкая Община). Но доставить раненымъ и больнымъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ лазаретахъ, ближайшихъ къ полю сраженія, благодѣянія женскаго ухода,—объ этомъ никто и не помышлялъ. Эта смѣлая и совершенно новая мысль возникла въ Крымскую кампанію у великой княгини и великой женщины Елены Павловны. Императоръ Николай Павловичъ сомнѣвался въ успѣхѣ задуманнаго великой княгиней предпріятія, но, уступая ея просьбамъ, согласился допустить такой неслыханный экпериментъ. Великая княгиня обратилась тогда съ воззваніемъ къ патріотизму русскихъ женщинъ и собственной рукой въ госпитальной клиникѣ Пирогова наложила повязку на оперированнаго съ цѣлью доказать, что подобнаго рода помощь ближнему не можетъ имѣть ничего предосудительнаго. Русскія женщины откликнулись на призывъ великой княгини и изъ всѣхъ слоевъ общества явились желавшія самоотверженно принять на себя высокія и трудныя обязанности сестеръ милосердія. Такимъ образомъ, великой княгиней Еленой Павловной была основана «Крестовоздвиженская община сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ». «Первымъ Крестовоздвиженскимъ се-

страмъ,—говоритъ Н. И. Пироговъ.—пришлось прямо итти въ огонь страшной Крымской войны». Ему и предложила великая княгиня вести ихъ въ этотъ огонь и руководить ихъ дѣятельностью. Принимая это предложеніе, Пироговъ «принужденъ былъ признаться, что онъ только разъ въ жизни, и то лишь поверхностно, въ свое пребываніе въ Парижѣ, посѣщая госпитали, увидѣлъ тамъ женскую службу, и болѣе по инстинкту, нежели по опыту, онъ былъ убѣжденъ въ великомъ значеніи женскаго участія». Съ другой стороны, Пироговъ былъ также *a priori* убѣжденъ, что нравственный контроль сестеръ милосердія, благодаря женскому такту, ихъ чувствительности и независимому отъ служебныхъ условій положенію, гораздо дѣйствительнѣе можетъ вліять на отвратительныя злоупотребленія госпитальной администраціи, чѣмъ разнаго рода оффиціальныя комиссіи. А какова была эта администрація въ Крымскую кампанію и что творилось въ госпиталяхъ Севастополя въ началѣ войны,—это намъ достаточно полно рисуетъ одна маленькая фраза, сказанная впослѣдствіи Пироговымъ казанскому профессору Н. О. Ковалевскому и приводимая послѣднимъ въ его юбилейной рѣчи: «Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, — говорилъ Н. И.,—корпіей этой перевязывали англичанъ, а у насъ была только солома».

Новое, вызванное великой княгиней къ жизни, учрежденіе было встрѣчено соотвѣтствующими административными сферами не особенно сочувственно. Люди стараго закала предвидѣли, что этимъ можетъ быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администраціи. Какъ единственный аргументъ противъ новаго института, эти «старые грѣшники», по выраженію Пирогова, позволяли себѣ дѣлать различные двусмысленные намеки. Но вскорѣ самоотверженная дѣятельность сестеръ заставила всѣхъ преклониться предъ ними. «Я защищалъ—читаемъ мы въ «Письмахъ», — мысль введенія сестеръ въ военныхъ госпиталяхъ противъ дурацкихъ нападеній старыхъ колпаковъ и моя правда осуществилась на дѣлѣ». Всѣ дѣйствія сестеръ въ отношеніи госпитальной администраціи и попеченія о больныхъ были

таковы, что самые лживые языки и злѣйшіе враги новизны не могли рѣшительно ни къ чему придраться. И если вначалѣ лица изъ высшаго военнаго круга позволяли себѣ хотя и невинныя шутки вродѣ того, что «голубая лента на шеѣ сестры и ея голубые глазки напоминаютъ о небѣ», то впослѣдствіи они стали относиться къ сестрамъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ. Безукоризненное во всѣхъ отношеніяхъ исполненіе своихъ непосильныхъ обязанностей всѣми сестрами категорически требовало подобнаго уваженія. «И замѣчательно—говоритъ Пироговъ,—что самыя простыя и необразованныя изъ нихъ выдѣляли себя болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей». Одна изъ такихъ сестеръ посѣщала по собственному желанію наши форты и была извѣстна, какъ героиня. Она помогала раненымъ на бастіонѣ подъ самымъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Многія сестры были контужены и ранены.

Первый выборъ бо̀льшей части сестеръ не могъ быть, конечно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, вполнѣ удачнымъ. Поэтому, роль руководителя молодой общины, взятая на себя Пироговымъ, была не изъ легкихъ. Сестры преимущественно были набраны въ Петербургѣ, при томъ съ большой поспѣшностью. Одна изъ сестеръ, довольно образованная, «отличалась невыносимымъ талантомъ къ смутьянству и сплетнямъ»; начальницы отдѣльныхъ отрядовъ, старшія сестры, различныя по своимъ характерамъ, не могли уживаться рядомъ и надо было такъ распредѣлить сестеръ, чтобы устранить возможность столкновеній. Первая главная начальница Общины А. П. Стаховичъ испортила не мало крови Пирогову. «Темный невѣжда и злой интриганъ-монахъ былъ данъ въ священники и духовные отцы сей женской Общинѣ». При такихъ условіяхъ, понятно, что Пирогову приходилось входить въ различныя женскія дрязги, устранять столкновенія, мирить и проч. Община сестеръ милосердія—замѣчаетъ справедливо Пироговъ—«почти, можно сказать, была съимпровизирована бѣдствіями военнаго времени и поэтому имѣла свои слабыя стороны; но, несмотря на то, она отличалась въ уходѣ за ранеными и больными, пре-

зирая всѣ злоупотребленія администраціи, всѣ опасности войны и даже самую смерть». Въ общемъ Пироговъ съ восторгомъ отзывается о дѣятельности сестеръ. «О самоотверженной дѣятельности сестеръ милосердія въ Крымскихъ госпиталяхъ,—читаемъ въ письмѣ Н. И. къ Зейдлицу,—надо спрашивать не меня, такъ какъ я не безпристрастенъ, ибо горжусь тѣмъ, что руководилъ ихъ благословенной дѣятельностью, но самихъ больныхъ, которые пользовались ихъ уходомъ».

Такой же отзывъ даетъ о дѣятельности сестеръ и кіевскій профессоръ Гюббенетъ, авторъ «Очерка медицинской госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 гг.», который, впрочемъ, тоже «не безпристрастенъ», потому что не особенно благоволитъ къ Пирогову и въ Крыму сталъ почти въ оппозицію къ нему. «Только очевидецъ,—пишетъ Гюббенетъ,—могъ составить себѣ вѣрное понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ (сестеръ милосердія). Съ рѣдкимъ мужествомъ переносили онѣ не только тяжкіе труды и лишенія, но и явныя опасности. Онѣ выдержали бомбардированіе съ геройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому солдату. На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталѣ онѣ продолжали дѣлать перевязки раненымъ, не трогаясь съ мѣста, не смотря на то, что бомбы то и дѣло летали кругомъ нихъ и наносили присутствующимъ тяжелыя раны».

Въ октябрѣ 1854 года Пироговъ съ отрядомъ врачей выѣхалъ въ Крымъ. Непосредственно за нимъ былъ отправленъ первый отрядъ сестеръ милосердія (I отдѣленіе) въ составѣ 28 сестеръ съ главной начальницей всей Общины А. П. Стаховичъ. Впослѣдствіи уже, кромѣ сестеръ милосердія, въ Крымъ были отправлены императрицей Маріей Александровной сердобольныя вдовы, которыя тоже были отданы въ вѣдѣніе и распоряженіе Пирогова.

Назначеніе Пирогова въ Крыму состояло, по словамъ профессора Гюббенета, главнымъ образомъ въ томъ, чтобы устроить надлежащимъ образомъ хирургическую часть, чтобы сортировать и отдѣлять разнородные случаи ранъ, чтобы высказать свое мнѣніе на счетъ важнѣйшихъ недостатковъ и несообразностей въ дѣлѣ призрѣнія боль-

ныхъ и своимъ авторитетомъ и неутомимой дѣятельностью поднять и довести его до возможной степени совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругъ его обязанностей входила научная и наставническая дѣятельность по отношенію къ молодымъ военнымъ врачамъ. Тутъ представилось его дарованіямъ и опытности широкое поле для введенія новыхъ цѣлесообразныхъ способовъ операцій, тутъ открылась для него возможность уяснить значеніе многихъ явленій при леченіи ранъ, распространить и провести въ жизнь свои воззрѣнія на счетъ показаній къ операціи, на счетъ хирургической терапіи и послѣдовательнаго леченія. Такой вполнѣ правильный взглядъ на назначеніе Пирогова въ Севастополѣ явился уже послѣдовательно, какъ вытекающій изъ его разносторонней и кипучей дѣятельности, проявленной имъ въ Севастополѣ, какъ результатъ этой дѣятельности.

Оффиціально же собственно Пироговъ былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ распоряженіе главнокомандующаго «для ближайшаго наблюденія за успѣшнымъ леченіемъ раненыхъ». Это создало Пирогову совершенно особое положеніе среди военной и военно-врачебной администраціи. И тѣмъ не менѣе какую войну, непрерывную и безуспѣшную съ этой самой администраціей пришлось ему вести, какую борьбу утомительную и безплодную вынести.

12-го ноября 1854 года Пироговъ прибылъ въ Севастополь.

«Я никогда не забуду,—разсказываетъ онъ въ своихъ «Началахъ общей военно-полевой хирургіи»,—моего перваго въѣзда въ Севастополь; это было въ позднюю осень въ ноябрѣ 1854 года. Вся дорога отъ Бахчисарая на протяженіи 30 верстъ была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; больные и между ними ампутированные лежали по двое и по трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди и животныя едва двигались въ грязи по колѣна; падаль валялась на каждомъ шагу; изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались въ то же время и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями

слетавшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ. Поневолѣ приходилось задуматься о предстоящей судьбѣ нашихъ больныхъ; предчувствіе было неутѣшительно. Оно и сбылось».

Теперь посмотримъ, что происходило за это время на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Крыму и подъ Севастополемъ. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Севастополѣ, подъ стѣнами котораго разыгрывалась вторая Иліада.

Прекрасный портовый городъ, Севастополь расположенъ по обѣимъ сторонамъ своей бухты. Большая бухта раздѣляетъ такимъ образомъ городъ на двѣ части — на Сѣверную и Южную стороны. Въ свою очередь, Южная сторона раздѣлялась глубоковрѣзывающейся узкою Южной бухтой, расположенной недалеко отъ входа съ Севастопольскій рейдъ, перпендикулярно къ Большой бухтѣ, тоже на двѣ части: на Городскую сторону къ западу отъ Южной бухты и на Корабельную сторону къ востоку отъ Южной бухты. Самый рейдъ до начала обороны защищался 8-ю батареями, изъ которыхъ 5 были расположены на Южной сторонѣ: батарея № 10, Александровская, № 8, Николаевская и Павловская (на Павловскомъ мыскѣ, на Корабельной сторонѣ), и 3 батареи на Сѣверной сторонѣ: Константиновская, Михайловская и батарея № 4.

Противъ этого-то порта, какъ главнаго пункта Крымскаго полуострова, союзники направили всѣ свои силы. Съ 2-го по 6-е сентября 1854 года союзныя войска въ числѣ свыше 62,000 человѣкъ высадились на крымскій берегъ близъ Евпаторіи и направились къ Севастополю. При Альмѣ (8 сентября) непріятели были встрѣчены нашей арміей. Послѣ проиграннаго нами Альмскаго сраженія (потеря съ нашей стороны болѣе 5,000 человѣкъ) всѣ ждали быстраго штурма Севастополя съ Сѣверной стороны. 11 сентября произошло знаменитое потопленіе 7 кораблей Черноморскаго флота. Вмѣсто предполагаемаго штурма, непріятель сдѣлалъ обходное движеніе, подступилъ къ Южной сторонѣ и повелъ правильную осаду. Въ короткій промежутокъ времени, отъ перехода непріятеля на Южную сторону до начала осады, Севастополь былъ

приведенъ въ оборонительное положеніе знаменитымъ Тотлебеномъ при безпрерывной работѣ днемъ и ночью всего города, не исключая женщинъ и дѣтей. 5 октября непріятельскія осадныя батареи и корабли открыли свои дѣйствія противъ Севастополя — началось такъ называемое первое бомбардированіе Севастополя (убыль 2,000 человѣкъ). За этимъ быстро послѣдовало дѣло при Балаклавѣ (9 октября) и сраженіе при Инкерманѣ (24 октября)—убыль около 11,000 человѣкъ.

Вся масса раненыхъ отправлялась изъ Севастополя главнымъ образомъ въ Симферополь, составлявшій узловой пунктъ всѣхъ дорогъ отъ осажденнаго города. Госпитальныхъ помѣщеній Симферополя не хватило на огромное количество раненыхъ и послѣдніе были размѣщены въ оставленныхъ казенныхъ зданіяхъ и частныхъ домахъ. Несчастные, наполнявшіе дома, были лишены почти всякаго ухода. Многіе валялись безъ матрацовъ, въ грязнѣйшемъ бѣльѣ, на грязномъ полу, безъ всякаго разбора и присмотра. Воздухъ здѣсь былъ страшно испорченъ; раны смрадны и воспалены. Недоставало ни умовъ, ни рукъ, чтобы хоть немного привести этотъ невообразимый хаосъ въ извѣстность и порядокъ. Для того, чтобы упорядочить положеніе этихъ несчастныхъ и уходъ за ними, Пироговъ оставилъ первую партію сестеръ въ Симферополѣ и ихъ попеченіямъ поручилъ раненыхъ и больныхъ, размѣщенныхъ здѣсь.

По пріѣздѣ въ Севастополь, Пироговъ немедленно представился главнокомандующему князю Меньшикову. Описаніе его первой встрѣчи съ «судьбою Севастополя», какъ Пироговъ называетъ Меньшикова, дышетъ ироніей и сарказмомъ. Фигура Меньшикова, этого прославленнаго остряка, совершенно непригоднаго къ возложенной на него роли, стоитъ предъ нами, какъ живая.

Пироговъ первоначально поселился на Сѣверной сторонѣ на батареѣ № 4, и въ виду наступившаго затишья въ осадѣ, занялся разборкой раненыхъ подъ Инкерманомъ, находившихся въ севастопольскихъ госпиталяхъ въ числѣ около 1,500 человѣкъ. Втеченіи этого времени онъ упорядочилъ положеніе этихъ раненыхъ, распредѣлилъ больныхъ по отдѣленіямъ и произвелъ также не мало по-

слѣдовательныхъ операцій, въ особенности резекцій локтя. Здѣсь онъ впервые сталъ примѣнять свою гипсовую повязку для иммобилизаціи поврежденныхъ конечностей, которыя можно было надѣяться спасти и сохранить, не прибѣгая къ ампутированію.

Въ январѣ 1855 года осада стала ожесточеннѣе, число раненыхъ стало увеличиваться, а перевозка ихъ съ Южной стороны на Сѣверную черезъ бухту при 6 — 10° мороза, безъ теплой одежды, чрезвычайно вредно вліяла на раненыхъ. Тогда Пироговъ принялъ на себя завѣдываніе главнымъ перевязочнымъ пунктомъ въ Севастополѣ, на Городской сторонѣ, и временными лазаретами, устроенными также на Городской сторонѣ, въ Николаевской батареѣ и въ частныхъ домахъ, и переселился со своимъ отрядомъ на Южную сторону. Здѣсь онъ организовалъ правильную помощь раненымъ.

Отрядъ врачей, во главѣ котораго находился Н. И., «его штабъ», какъ онъ выражался, состоялъ изъ шести человѣкъ, прибывшихъ сюда на средства великой княгини Елены Павловны, а именно: Тарасова, Каде, Пабо, Беккерса, Реберга и Тюрина, изъ двухъ, прикомандированныхъ къ Н. И. изъ петербургскихъ госпиталей—Обермиллеръ и Хлѣбникова, и двухъ, прикомандированныхъ изъ полковъ — Доброва и Пастухова. Кромѣ того, въ отрядѣ находился лекарскій помощникъ Калашниковъ, сопровождавшій Пирогова на Кавказъ и бывшій съ нимъ подъ Салтами, и фельдшеръ Никитинъ.

Къ этому времени въ Севастополь прибыли 2 партіи сестеръ милосердія — 2-е Отдѣленіе—со старшей сестрой Меркуровой и 3-е Отдѣленіе—со старшей сестрой Е. М. Бакуниной, о которой Н. И. говоритъ съ восторгомъ.

Уже съ перваго момента личность великаго «хирурга-мыслителя» и его отношеніе къ дѣлу произвели на сестеръ неотразимое впечатлѣніе. Страстная и кипучая дѣятельность Пирогова, проникнутая беззавѣтнымъ желаніемъ облегчить страданія раненаго и больного «человѣка», должна была неизбѣжно и невольно увлекать каждаго. «Нельзя было не послѣдовать его великому примѣру — пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ Крымской войны» одна изъ сестеръ милосердія, А. М. Крупская:—

какъ родной отецъ о дѣтяхъ, такъ онъ заботился о больныхъ, и примѣръ его человѣколюбія и самопожертвованія сильно на всѣхъ дѣйствовалъ; всѣ одушевлялись, видя его; больные, къ которымъ онъ прикасался, уже какъ бы чувствовали облегченіе». Въ воспоминаніяхъ другой сестры, столь отличившейся въ Севастополѣ, Е. М. Бакуниной, мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «И вотъ собрались доктора и, разумѣется, первымъ явился неутомимо работающій, живой, одушевленный и возбуждающій и въ другихъ одушевленіе и ревность къ труду, Николай Ивановичъ Пироговъ».

Съ самаго начала осады главный, такъ называемый I перевязочный пунктъ, былъ устроенъ въ прекрасномъ по архитектурѣ и положенію на берегу залива севастопольскомъ домѣ Дворянскаго Собранія. Просторный, изящно-отдѣланный танцъ-залъ, буфетъ и билліардная комната Собранія были превращены въ операціонныя и перевязочныя. Первое время здѣсь не оставляли раненыхъ за исключеніемъ выдающихся оперативныхъ случаевъ, а потомъ стали оставлять оперированныхъ и тяжело раненыхъ. Послѣднее обстоятельство привело къ тому, что здѣсь стали развиваться рожа, гангрена и проч., между тѣмъ, какъ вначалѣ ничего подобнаго не было. Поэтому Пироговъ прежде всего распорядился очистить Дворянское Собраніе, а оперированныхъ и больныхъ перевелъ частью въ Николаевскую (казематированную) батарею, частью въ два новыхъ помѣщенія для нечистыхъ ранъ (дома купцовъ Гущина и Орловскаго), гдѣ Пироговъ и устроилъ гангренозное отдѣленіе. Дворянское Собраніе чистилось и провѣтривалось втеченіи 6 недѣль. Главный перевязочный пунктъ былъ перенесенъ на это время въ Инженерный домъ (Инженерный дѣловой домъ, у самой Артиллерійской бухты). На всѣ эти лечебные пункты Пироговъ распредѣлилъ извѣстное число врачей и сестеръ милосердія. «До этой минуты,—разсказываетъ Н. И.,—мнѣ не случалось почти совсѣмъ быть въ столкновеніи съ оберъ-медиками; но когда я взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталяхъ, сейчасъ же начались разныя контры между мною и администраціей. Теперь (писано въ 1876 г.) ни-

кто не можетъ себѣ представить всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго оффиціальнаго администрировавшаго медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведетъ учрежденный мною нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями госпитальныхъ порядковъ. Дѣла эти поручены были мною сестрамъ-женщинамъ и моимъ собственнымъ помощникамъ. Это смутило г.г. администраторовъ и они стали громко роптать на превышеніе власти (съ моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманію генераловъ Сакена и Васильчикова я обязанъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ интриги, за сестрами былъ удержанъ весь надзоръ за госпиталями. Е. М. Бакунина вела всѣ дѣла присмотра за уходомъ больныхъ съ такимъ тактомъ, энергіей и совѣстливостью, что полученный успѣхъ оказался блестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать, но Бакунина, пунктуально исполняя мои и другихъ медиковъ предписанія, настоятельно вытребовала недоданное. Не удивительно, что подобное вмѣшательство и такая дѣятельность женщинъ не могли быть пріятны г.г. командирамъ и оффиціальнымъ инспекторамъ».

Въ каждомъ отдѣльномъ лечебномъ пунктѣ Н. И. раздѣлилъ сестеръ, чтобы придать стройность ихъ работѣ, на три группы: на сестеръ перевязывающихъ, аптекаршъ и хозяекъ. Сестры перевязывающія помогали врачамъ при операціяхъ и перевязкахъ, а также совмѣстно съ фельдшерами занимались приготовленіемъ перевязочнаго матеріала. На рукахъ сестеръ-аптекаршъ находились всѣ необходимыя лекарства, приготовленіе которыхъ не терпѣло отлагательства. Онѣ обязаны были наблюдать за правильной раздачей лекарствъ и контролировать дѣйствія фельдшеровъ. Сестры-хозяйки надзирали за чисткой бѣлья, за дѣйствіями служителей и вообще за содержаніемъ больныхъ.

Пироговъ въ Севастополѣ выработалъ первый прекрасную систему сортировки раненыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они поступали на перевязочный пунктъ сотнями. До того на перевязочныхъ пунктахъ господствовали страш-

ный безпорядокъ и хаосъ. «Желая помогать всѣмъ разомъ,—говорилъ Н. И., — и безъ всякаго порядка перебѣгая отъ одного раненаго къ другому, врачъ теряетъ, наконецъ, голову, выбивается изъ силъ и не помогаетъ никому». Система Пирогова состояла въ томъ, что прежде всего раненые раздѣлялись на 4 главныя категоріи. Первую группу составляли смертельно раненые, безнадежные, которые поручались священнику и сестрамъ милосердія; этимъ страдальцамъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертныя утѣшенія. Во вторую категорію входили раненые, требующіе безотлагательной оперативной помощи тутъ же на перевязочномъ пунктѣ. Третья категорія обнимала собою тѣхъ раненыхъ, которые подлежали операціямъ на слѣдующій день или позднѣе, а пока, слѣдовательно, должны были быть отправлены въ госпиталь. Наконецъ, четвертая категорія заключала легко раненыхъ, которыхъ перевязывали и отправляли обратно въ части. Благодаря введенію такой простой и весьма разумной сортировки, рабочія силы не разбрасывались, и дѣло помощи раненымъ шло быстро и толково. Многіе врачи, бывшіе ученики Пирогова, работавшіе въ отрядахъ войскъ, расположенныхъ кругомъ Севастополя, познакомившись съ этой системой, приняли ее также.

Идея сортировки раненыхъ представляетъ видную заслугу Пирогова въ военно-полевой хирургіи. «Я горжусь этой заслугой,—писалъ впослѣдствіи не безъ горечи Пироговъ, — хотя ее и забылъ сочинитель «Очерковъ медицинской части въ 1854—1856 г.г.» Дѣйствительно, проф. Гюббенетъ, авторъ только что названнаго сочиненія, описывая сортировку раненыхъ на севастопольскихъ перевязочныхъ пунктахъ, ни разу не обмолвился, что эту сортировку ввелъ Пироговъ.

Во второй половинѣ февраля 1855 г. произошла смѣна главнокомандующаго. Мѣсто князя Меньшикова заступилъ князь Горчаковъ.

Какъ только новый главнокомандующій прибылъ въ Севастополь, Пироговъ тотчасъ же подалъ ему докладную записку, въ которой доказывалъ, что «мы теперь также мало приготовлены принять и устроить большое число раненыхъ, какъ и въ началѣ осады послѣ Инкерманскаго

сраженія», и предложилъ двѣ главныя и по его убѣжденію единственныя мѣры для предупрежденія подобнаго неустройства. Первою мѣрою должна была служить совершенная эвакуація (опорожненіе) городскихъ госпиталей путемъ безпрерывной транспортировки раненыхъ и больныхъ. Второй необходимой мѣрой являлось устройство госпитальныхъ палатокъ на безопасномъ мѣстѣ на Сѣверной сторонѣ. Николаевскую батарею, какъ единственное въ городѣ безопасное помѣщеніе, казематированное и блиндированное, могущее принять 800 больныхъ, Пироговъ совѣтовалъ предоставить исключительно для подапія первой помощи раненымъ, которыхъ уже немедленно слѣдовало отправлять въ кроватяхъ и на пароходахъ на Сѣверную сторону и тамъ размѣщать въ госпитальныхъ палаткахъ. Госпитальныя палатки, числомъ около 400 съ 20-ю койками каждая, тоже не должны были принимать болѣе 2,000 больныхъ, а прочія койки должны оставаться пустыми на случай нужды. Какъ только число больныхъ превыситъ 2,000, излишекъ долженъ быть сейчасъ удаленъ постоянной транспортировкой. Далѣе въ докладной запискѣ Пироговъ указываетъ на отсутствіе вина, хинина и т. п. и вообще изображаетъ то безотрадное медицинское положеніе нашей арміи, которое достигало геркулесовыхъ столбовъ неустройства. Такъ напр., на требованіе хины и хинина, отправленное въ Херсонъ въ декабрѣ 1854 г., не было еще никакого отвѣта въ мартѣ 1855 г.! Въ декабрѣ 1854 г. при сильномъ морозѣ и самой дурной погодѣ перевозили больныхъ и раненыхъ въ татарскихъ арбахъ въ Симферополь и Перекопъ, непокрытыхъ, безъ шубъ, оставляя ночевать подъ открытымъ небомъ. Такія транспортировки продолжались отъ 10 до 12 дней. Въ войскахъ господствовали тифъ, «крымская лихорадка» и были спорадическіе случаи холеры.

Между тѣмъ военно-медицинская администрація находила все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ и генералъ-штабъ-докторъ Шрейберъ, «хотя уже сѣдой и рябоватый, видѣлъ все въ розовомъ свѣтѣ».

Втеченіи февраля мѣсяца были заложены наши передовые редуты: Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій. Это давало поводъ къ очень жаркимъ ночнымъ стычкамъ.

Въ виду важности Камчатскаго люнета, находившагося впереди Малахова кургана, было нѣсколько кровопролитныхъ дѣлъ у него. Поэтому 4 марта главный перевязочный пунктъ былъ снова перенесенъ изъ Инженернаго дома въ очищенное и провѣтренное Дворянское Собраніе.

«Это прекрасное строеніе, пишетъ Бакунина,—гдѣ прежде веселились, открыло вновь свои богатыя краснаго дерева съ бронзой двери для внесенія въ нихъ окровавленныхъ носилокъ; большая зала изъ бѣлаго мрамора съ пилястрами изъ розоваго мрамора чрезъ два этажа, а окна только вверху. Паркетные полы. А теперь въ этой танцовальной залѣ стоитъ до 100 кроватей съ сѣрыми одѣялами и зеленые столики; все очень чисто и опрятно. Въ одну сторону большая комната; это—операціонная, прежде бывшая билліардная; за ней еще двѣ комнаты; въ другую сторону еще двѣ комнаты съ прекрасными съ золотомъ обоями и въ нихъ тоже койки»... [1]).

Въ Инженерномъ домѣ, откуда теперь вынесенъ былъ перевязочный пунктъ, оставляли и туда переносили изъ другихъ пунктовъ трудныхъ ампутированныхъ. Николаевская батарея, превращенная въ это время въ огромный госпиталь, заключала въ себѣ 600 раненыхъ, которыхъ приносили туда съ главнаго перевязочнаго пункта. Въ домахъ Гущина и Орловскаго помѣщалось гангренозное отдѣленіе подъ завѣдываніемъ лекарскаго помощника Калашникова. Сюда направляли тѣхъ страдальцевъ, раны которыхъ испортились отъ антонова огня, или состояніе которыхъ сдѣлалось не только безнадежнымъ, но и вреднымъ для другихъ».

«Кто знаетъ, — говоритъ Н. И., — только по слухамъ, что значитъ это memento mori—отдѣленіе гангренозныхъ и безнадежныхъ больныхъ въ военное время, тотъ не можетъ себѣ представить всѣ ужасы бѣдственнаго положенія страдальцевъ. Огромныя вонючія раны, заражающія воздухъ вредными для здоровья испареніями; вопли и страданія при продолжительныхъ перевязкахъ, стоны умирающихъ, смерть на каждомъ шагу въ разнообразныхъ

---

[1]) Бакунина, Е. М. Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской Общины. Вѣстникъ Европы 1898 г. 3—5.

ея видахъ: отвратительномъ, страшномъ и умилительномъ,—все это тревожитъ душу даже самыхъ опытныхъ врачей, посѣдѣвшихъ въ исполненіи своихъ обязанностей». Неудивительно поэтому, если сестры находили, что на дверяхъ дома Гущина должна быть та же надпись, что и на дверяхъ ада Данта: „Lasciate ogni speranza, voi chi'ntrate“.

Въ это время Пирогову приходилось и жить и работать подъ пушечными выстрѣлами въ буквальномъ и ужасномъ смыслѣ этого слова. Крыша дома, гдѣ онъ жилъ, была пробита бомбой. Въ домикъ напротивъ Артиллерійской бухты, гдѣ квартировалъ Пироговъ, вскорѣ послѣ его отъѣзда, влетѣла бомба и отбила весь уголъ, гдѣ стояла его кровать. Одну изъ боковыхъ комнатъ Дворянскаго Собранія пробило бомбой изъ непріятельской канонерской лодки, близко подошедшей ночью. «Если уже въ обыкновенной жизни,—писалъ Пироговъ изъ Севастополя,—человѣкъ можетъ преспокойно умереть каждую минуту, т. е. 1440 разъ (въ сутки), то возможность возрастаетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, до 36,400 разъ въ сутки (число непріятельскихъ выстрѣловъ)». Эта сторона дѣла не имѣла, однако, никакого вліянія на расположеніе духа Пирогова; напротивъ, онъ былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ бесѣдамъ и шуткамъ, чѣмъ болѣе кровавой и утомительной была работа на перевязочномъ пунктѣ. «Кровь, грязь и сукровица,—писалъ Н. И.,—въ которыхъ я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали дѣйствовать на меня, но вотъ что печалитъ меня, что я не вижу утѣшительныхъ результатовъ, не смотря на всѣ мои старанія и самоотверженіе, хотя я безпрестанно твержу моимъ младшимъ товарищамъ по наукѣ, которые еще болѣе меня упали духомъ, чтобъ бодрились и надѣялись на лучшія времена и результаты».

Наступили грозные дни второго бомбардированія Севастополя (съ 28 марта по 8 апрѣля). Пироговъ со своими помощниками переѣхалъ на постоянное жительство въ Дворянское Собраніе. Все это время Пироговъ и его помощники, не раздѣваясь, оставались безпрерывно на перевязочномъ пунктѣ. «Нельзя не удивляться выносливости Пирогова въ эти незабвенные и ужасные дни,—говоритъ

въ своихъ воспоминаніяхъ Каде. Когда мы (ассистенты) послѣ краткаго отдыха въ платьяхъ рано утромъ являлись на перевязочный пунктъ, я помню, что неоднократно уже заставали Н. И. оперирующимъ при помощи фельдшера, сторожа и сестры милосердія».

Во время этой бомбардировки число раненыхъ, прошедшихъ черезъ руки Пирогова, доходило до 5,000 человѣкъ. Ниже читатели найдутъ, какъ онъ самъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго описываетъ (1856 г.) главный перевязочный пунктъ въ Дворянскомъ Собраніи и «неусыпную» дѣятельность медицинскаго персонала на немъ.

Нѣкоторое наглядное представленіе о той «неусыпной» дѣятельности, которую проявилъ Пироговъ въ Севастополѣ, можно себѣ составить, если принять въ соображеніе, что однѣхъ ампутацій произведено было Пироговымъ лично или подъ его наблюденіемъ до 5,000, тогда какъ безъ его участія сдѣлано было всего только около 400. Но, конечно, не въ оперативной дѣятельности лежалъ да и долженъ былъ лежать центръ тяжести пребыванія Пирогова въ Севастополѣ. «Кто думаетъ, — читаемъ мы въ «Письмахъ», — что я поѣхалъ въ Севастополь только для того, чтобы рѣзать руки и ноги, тотъ жестоко ошибается: этого добра я ужъ довольно передѣлалъ». Обладая выдающимся организаторскимъ талантомъ, Пироговъ имѣлъ въ виду, стремясь на театръ военныхъ дѣйствій, поставить тамъ правильно все дѣло помощи раненымъ и больнымъ, внести порядокъ и систему въ этотъ хаосъ, обусловленный съ одной стороны «беззаботностью славянской и непредусмотрительностью», а съ другой—недобросовѣстностью, интригами и личными счетами. Въ этомъ смыслѣ «содѣйствовать къ улучшенію участи раненыхъ»,— вотъ чего страстно желалъ Пироговъ, и эта задача была вполнѣ ему по плечу и только ему. Но эта его дѣятельность не только не встрѣчала сочувствія и поддержки, но и вызывала сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны военно-медицинской администраціи, для которой Н. И. Пироговъ являлся своего рода *enfant terrible*. Высшія же власти, совершенно лишенныя широты взглядовъ, были неспособны оцѣнить по достоинству Пирогова и

его гигантскую работу на пользу севастопольскихъ раненыхъ.

Маленькой иллюстраціей къ только что сказанному можетъ служить такой фактъ. Въ Симферополѣ скопилась такая масса раненыхъ, что на каждаго имѣвшагося здѣсь врача приходилось по 180 и по 200 перевязочныхъ больныхъ. «Если бы положить самое меньшее 5 минутъ на перевязку каждаго,—пишетъ Пироговъ,—то нѣтъ физической возможности, чтобы врачъ осмотрѣлъ всѣхъ; между тѣмъ въ Крыму теперь слишкомъ 400 военныхъ и гражданскихъ врачей, а больныхъ всего около 20,000, слѣдовательно, приходилось бы только по 50 больныхъ на каждаго врача, если бы дѣятельность ихъ была распредѣлена равномѣрно;—вотъ образчикъ нашей распорядительности, вотъ чего я добивался у правительства, чтобы оно обратило вниманіе на такіе вопіющіе недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующимъ!».

Одними изъ немногихъ, цѣнившихъ и понимавшихъ все значеніе самоотверженной дѣятельности Пирогова, были начальникъ севастопольскаго гарнизона Остенъ-Сакенъ и начальникъ штаба князь Васильчиковъ. Въ приказѣ по севастопольскому гарнизону отъ 26 апрѣля 1855 г. первый указываетъ на неисчислимыя заслуги въ особенности операторовъ и сравниваетъ службу операторовъ со службой на батареяхъ и траншеяхъ. Помимо своего ходатайства о наградахъ медицинскихъ чиновъ, начальникъ гарнизона «считаетъ пріятной обязанностью свидѣтельствовать о подвигахъ медицинскихъ чиновниковъ передъ севастопольскимъ гарнизономъ и изъявить живѣйшую душевную признательность свою завѣдующимъ перевязочными пунктами: севастопольскимъ — академику профессору д. с. с. Пирогову и корабельной стороны — ординарному профессору хирургіи к. с. Гюббенету». «Полную благодарность» онъ объявилъ въ числѣ прочихъ всему отряду Пирогова вплоть до лекарскаго помощника Калашникова.

Не смотря на всѣ происки и массу неблагопріятныхъ условій, неизсякаемой энергіи Пирогова удалось создать правильно организованную хирургическую помощь раненымъ защитникамъ русской Трои. Введенный и широко

поставленный Пироговымъ женскій уходъ сестеръ милосердія круто измѣнилъ весь строй госпитальной жизни къ небывалому и невиданному до того времени благополучію больныхъ. Слѣдуя указаніямъ своего великаго руководителя, слишкомъ хорошо знакомаго по горькому опыту съ госпитальными порядками и безпорядками, сестры заботились о доставленіи больнымъ надлежащей порціи пищи и непремѣнно хорошаго качества, смотрѣли за чисткой и смѣной бѣлья, наблюдали за прачешными, слѣдили за частой перемѣной соломы въ матрацахъ и неотступно требовали отъ госпитальной администраціи, чтобы все то, что полагалось и отпускалось на больныхъ, дѣйствительно было выдаваемо. Опытъ, вынесенный Пироговымъ при превращеніи имъ авгіевыхъ конюшенъ Петербургскаго 2 военно-сухопутнаго госпиталя въ благоустроенную клинику и при искорененіи царившаго тамъ «воровства не ночного, а дневного», служилъ ему прекраснымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ севастопольскими казнокрадами. Улучшенная обстановка и идеальный уходъ, по крайней мѣрѣ, по самоотверженности и гуманному отношенію къ больнымъ, въ первое время просто поражали несчастныхъ страдальцевъ, совершенно непривыкшихъ къ этому. Раненый матросъ, удивленный, со слезами на глазахъ задаетъ ухаживающей за нимъ сестрѣ вопросъ: «Матушка, откуда вы явились?» Когда сестра проходила по палатамъ, до нея долетали слова: «Вотъ сестра идетъ, ахъ, дай Богъ ей здоровья, — да и тѣмъ, кто прислалъ ихъ сюда; кто досмотритъ насъ хорошо — сестра, кто покормитъ, напоитъ, какъ мать ребенка — сестра, кто постарается бѣлье чистое дать — сестра, все сестра да сестра». Эти и иные трогательные эпизоды, рисующіе взаимное отношеніе больныхъ и сестеръ, мы встрѣчаемъ на страницахъ безыскусственныхъ воспоминаній сестры милосердія А. М. Крупской.

Не мудрено, что имя Н. И. Пирогова, которому больные севастопольскихъ госпиталей были обязаны всѣми этими реформами, было очень популярно среди нихъ. Этому еще способствовала доступность, отличавшая всегда Н. И. Больные знали, что могутъ обращаться къ нему со всевозможными жалобами, претензіями и съ са-

мыми наивными просьбами, что онъ всегда выслушаетъ ихъ и сдѣлаетъ для нихъ все, отъ него зависящее. Объ оперативномъ же искусствѣ знаменитаго хирурга простодушные севастопольскіе герои были столь высокаго мнѣнія, что считали Пирогова способнымъ просто чудеса творить. Прелестную иллюстрацію этого мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» той же Крупской. «Однажды,—разсказываетъ она,—на перевязочный пунктъ несли на носилкахъ солдата безъ головы; докторъ, стоя въ дверяхъ, махалъ руками и кричалъ солдатамъ: «Куда несете? Вѣдь видите, что онъ безъ головы».—Солдаты отвѣчали: «Ничего, ваше благородіе, голову несутъ за нами, г. Пироговъ какъ-нибудь привяжетъ, авось еще пригодится нашъ братъ-солдатъ!» Въ Севастополѣ сложилась также легенда, будто бы Пироговъ ѣздилъ въ непріятельскій лагерь на небывалую консультацію.

А какіе ужасные моменты приходилось переживать Пирогову, какъ человѣку и хирургу, которому дороги его оперированные, можно судить по слѣдующему возмутительному факту безграничной небрежности военной администраціи. Въ одну ночь въ апрѣлѣ Пироговъ получилъ предписаніе изъ штаба перевести всѣхъ раненыхъ и ампутированныхъ, въ числѣ 500 человѣкъ, послѣ второй бомбардировки города изъ Николаевской батареи на Сѣверную сторону. Пирогова увѣрили, что тамъ все уже приготовлено для ихъ пріема; самъ онъ не имѣлъ времени отлучиться съ перевязочнаго пункта, куда постоянно подносили свѣжихъ раненыхъ. Оказалось на дѣлѣ, что тамъ, куда повезли этихъ ампутированныхъ, не существовало даже никакого приготовленнаго зданія для ихъ принятія. «И вотъ, — разсказываетъ Н. И., — всѣхъ этихъ трудно оперированныхъ свалили зря, какъ попало, въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ (писано въ 1876 г.) вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало. Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними. Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ. Можно себѣ представить, каково было съ отрѣзанными ногами лежать на

землѣ по три и по четыре человѣка вмѣстѣ; матрацы почти плавали въ грязи, все подъ ними и около нихъ было насквозь промочено; оставалось сухимъ только то мѣсто, на которомъ они лежали не трогаясь, но при малѣйшемъ движеніи имъ приходилось попадать въ лужи. А когда кто-нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь. Врачи и сестры могли помогать не иначе, какъ стоя на колѣняхъ въ грязи. По 20 и болѣе ампутированныхъ умирало каждый день, а ихъ было всѣхъ до 500. Отъ 10 до 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день, и не многіе изъ нихъ пережили двѣ недѣли послѣ этой катастрофы».

Благодаря представленіямъ Пирогова, возмущеннаго до глубины души такимъ безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ жизни и здоровью сотенъ людей, было сдѣлано строгое разслѣдованіе; больныхъ положили на койки, положили и двойные матрацы, но «прошлаго не воротишь, и страшная смертность продолжалась еще двѣ недѣли послѣ».

Положеніе перевязочныхъ пунктовъ и госпитальныхъ помѣщеній на Южной сторонѣ становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опаснымъ. Непріятельскія батареи послѣ занятія нашихъ передовыхъ редутовъ осыпали бомбами и главный перевязочный пунктъ на Городской сторонѣ, гдѣ былъ Пироговъ, и другой перевязочный пунктъ на Корабельной, гдѣ былъ Гюббенетъ. На послѣдній пунктъ были между прочимъ доставлены тяжело раненые плѣнные французы, которымъ и дѣлали ампутаціи подъ градомъ французскихъ бомбъ. Плѣнные просили извѣстить соотечественниковъ, что своими выстрѣлами они дѣйствуютъ противъ своихъ же братьевъ, даже затѣмъ подтвердили это на бумагѣ за общей подписью; но бумага всетаки не была отправлена, потому что опасались, какъ бы непріятель не подумалъ, что плѣнныхъ принудили подписать ее.

Въ виду такого положенія въ послѣднихъ числахъ мая главный перевязочный пунктъ былъ перенесенъ на

Сѣверную сторону въ Михайловскую батарею, а раненые были по предложенію Н. И. эвакуированы въ окрестности Севастополя къ сѣверу: въ палаточные госпитали (изъ суконныхъ палатокъ) близъ деревни Бельбекъ (въ 6 верстахъ отъ Севастополя) и на Инкерманскихъ высотахъ, въ 3 верстахъ отъ Севастополя.

1 іюня 1855 года Пироговъ, измученный физически и нравственно, уѣхалъ изъ Севастополя въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Пироговымъ уѣхалъ и его отрядъ врачей. Сестры остались, но, разумѣется, отсутствіе Пирогова отразилось на внутренней сторонѣ ихъ работы.

«И теперь, послѣ отъѣзда Пирогова,—пишетъ Е. М. Бакунина,—работали непрерывно, аккуратно, но не было того оживленія, той живости, того душевнаго участія!» .

6 іюня союзныя войска рѣшились произвести штурмъ Севастополя. Съ громадными потерями этотъ первый штурмъ былъ отбитъ. Опять наступило затишье. Положеніе Севастополя дѣлалось отчаяннымъ. Тотлебенъ, русскій Вобанъ, какъ его называли французы, былъ раненъ, а душа севастопольской обороны, Нахимовъ, былъ убитъ. Малаховъ курганъ, ключъ къ Севастополю, на которомъ въ самомъ началѣ осады палъ Корниловъ, въ концѣ ея сдѣлался могилой для Нахимова. Сраженіе при Черной рѣчкѣ (4 августа) послужило толчкомъ къ усиленію непріятельскихъ дѣйствій противъ осажденнаго города. 24 августа началось такъ называемое шестое бомбардированіе Севастополя, а 27 августа непріятель пошелъ на штурмъ и овладѣлъ Малаховымъ курганомъ. Это рѣшило участь Севастополя. Въ ночь на 28 августа городъ былъ оставленъ, и все переселилось на Сѣверную сторону.

Отдохнувъ нѣсколько лѣтомъ въ Ораніенбаумѣ, Пироговъ въ сентябрѣ снова вернулся въ Севастополь.

Здѣсь ему пришлось увидѣть «двѣ знаменитыя развалины: Севастополь и Горчакова». Видъ каждой изъ этихъ развалинъ будилъ далеко неодинаковыя чувства.

По пріѣздѣ Пироговъ прежде всего засталъ множество раненыхъ послѣ штурма Малахова кургана. Несчастные кучами лежали въ палаткахъ на Сѣверной сторонѣ. Другихъ приготовляли къ отсылкѣ въ Симферополь или въ Бахчисарай на крестьянскихъ телѣгахъ.

Теперь весь вопросъ попеченія о раненыхъ и больныхъ сводился къ дальнѣйшему ихъ транспорту изъ Симферополя, куда прежде всего направляли всѣхъ раненыхъ. Въ этомъ пунктѣ скопилось свыше 13,000 больныхъ и раненыхъ. Въ городѣ не хватало мѣста и въ госпиталяхъ его царствовалъ такой безпорядокъ, происходили такія неурядицы и злоупотребленія, что въ результатѣ послѣдовало высочайшее назначеніе слѣдственной комиссіи.

Пироговъ перенесъ свою дѣятельность изъ занятаго непріятелемъ Севастополя въ Симферополь и старался всѣми силами упорядочить госпитальный уходъ за больными и ихъ дальнѣйшій транспортъ. Для помѣщенія больныхъ были построены бараки изъ досокъ, лишенные всякихъ удобствъ, не имѣвшіе даже половъ, вслѣдствіе чего въ нихъ постоянно поднималась невозможная пыль. Бараки эти не защищали больныхъ ни отъ холода, ни отъ дождя. И бараки и квартиры для сестеръ милосердія были холодны, сыры и совершенно не имѣли вентиляціи. Госпитальная же администрація во главѣ со своимъ начальникомъ ген. Остроградскимъ, какъ всегда, желала, чтобы врачи находили все удовлетворительнымъ и очень неохотно отпускала дрова, теплую одежду и горячую пищу. «Я долженъ былъ, — разсказываетъ Пироговъ,—неустанно жаловаться, требовать и писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ невозможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ оффиціальныхъ бумагахъ, и чрезъ это нѣсколько разъ выходили непріятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоотвѣтственными» или недостаточно вѣжливыми. Особенно обидчивымъ на этотъ счетъ показалъ себя начальникъ госпитальной администраціи г. Остроградскій. Однажды послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ нему о томъ, чтобы онъ снабдилъ насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ бараковъ и помѣщеній сестеръ, Остроградскій напалъ на одно мое «неприличное выраженіе» въ письмѣ («имѣю честь представить на видъ») и пожаловался на меня князю Горчакову и вслѣдствіе этой жалобы мы дровъ не получили,

но я зато получилъ рѣзкій выговоръ сперва отъ Горчакова, а позднѣе отъ самого государя».

Организація транспорта раненыхъ и больныхъ находилась въ весьма неприглядномъ положеніи. Транспортируемые глубокой осенью и зимою за 400, 500 и даже 700 верстъ раненые и больные зачастую гибли во время продолжительной перевозки, лишенные всякаго ухода, или же платились своими конечностями. Больные съ отмороженными въ транспортахъ ногами наполняли крымскіе госпитали.

Для того, чтобы обставить по возможности лучше транспортъ раненыхъ, которыхъ отправляли изъ Симферополя въ Перекопъ, Екатеринославъ и Бериславъ, Пироговъ устроилъ особое отдѣленіе сестеръ (особый отрядъ) подъ названіемъ транспортнаго со старшей сестрой Бакуниной.

Отправляя Бакунину въ первый разъ сопровождать транспортъ, Н. И. поручилъ ей представить ему отчетъ, который заключалъ бы въ себѣ отвѣты и разъясненія на слѣдующіе вопросы. Вопросы эти, написанные собственноручно Пироговымъ, приведены въ ея «Воспоминаніяхъ».

Вотъ эта «инструкція», какъ ее называетъ Бакунина:

1) въ какой мѣрѣ возможна перевязка раненыхъ на этапахъ и сколько, примѣрно, нужно сестеръ на каждую сотню раненыхъ?.

2) какимъ образомъ утоляется жажда раненыхъ на пути и снабжены ли они или сопровождающіе транспортъ средствами, необходимыми для этой цѣли?

3) выдаются ли раненымъ, кромѣ ихъ шинелей, еще каждому одѣяло или халатъ или же (трудно-больнымъ) полушубокъ?

4) какъ приготовляется пища на этапахъ и возможно ли снабдить этапъ теплыми напитками въ холодное время?

5) осматриваютъ ли транспортъ, растянутый иногда на цѣлую версту и болѣе, отъ однаго этапа до другого, врачи или фельдшера?

6) соблюдается ли порядокъ, назначенный въ снабженіи больныхъ пищей, т. е. кормятъ ли ихъ на тѣхъ этапахъ, гдѣ изготовлено должно быть для этой цѣли?

На всѣ эти вопросы дѣйствительность давала самые печальные отвѣты!

Сестры транспортнаго отряда должны были сопровождать транспорты и вести особые путевые журналы. «Проводить цѣлые дни и даже недѣли въ холодѣ и сырости, вязнуть въ грязи на проселочныхъ этапныхъ дорогахъ, наблюдать за больными, разсѣянными въ этапныхъ аулахъ, иногда на протяженіи одной и болѣе верстъ, не всегда имѣя достаточно средствъ помочь больнымъ при внезапныхъ перемѣнахъ болѣзни; едва возвратившись назадъ, снова пускаться въ знакомый путь—вотъ въ чемъ состоитъ транспортная служба сестеръ»,—писалъ въ 1856 г. Пироговъ.

Несмотря на массу работы, Пироговъ находилъ время читать лекціи собравшимся въ Симферополѣ врачамъ.

Въ декабрѣ Пироговъ отправился въ Петербургъ и по пути посѣтилъ госпитали въ Перекопѣ, Херсонѣ и Николаевѣ.

Крымская война легла мрачной и гнетущей тучей на отзывчивую душу Пирогова. Среди массы тяжелыхъ, страшныхъ и возмущающихъ душу впечатлѣній, пережитыхъ Пироговымъ въ Севастопольскую оборону, когда по справедливости каждый мѣсяцъ считался за годъ, однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ лучей являлась трогательная и самоотверженная дѣятельность русской женщины—сестры милосердія. Отмѣтить это отрадное явленіе—вотъ было первое, о чемъ заговорилъ Н. И. послѣ Крымской войны. Въ «Историческомъ обзорѣ дѣйствій Крестовоздвиженской Общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ въ Крыму» Пироговъ представилъ яркую картину этой благотворной и святой дѣятельности, этого «святого» служенія. Рисуя своимъ соотечественникамъ высоко симпатичный и свѣтлый образъ сестры милосердія, Пироговъ одновременно съ этимъ познакомилъ, выпустивъ «Историческій обзоръ» отдѣльной брошюрой на нѣмецкомъ языкѣ, и иностранцевъ съ тѣмъ, что такое была «севастопольская сестричка».

Своей дѣятельностью на перевязочныхъ пунктахъ осажденнаго Севастополя и въ Крымскихъ госпиталяхъ Пироговъ оправдалъ свои слова: онъ дѣйствительно «упо-

требилъ всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ». Но большинство людей, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать въ Севастополѣ, обладали слишкомъ низкимъ нравственнымъ цензомъ. Гуманный «хирургъ-мыслитель» и человѣкъ живого дѣла, для котораго выше всего стояли жизнь и здоровье ввѣренныхъ ему раненыхъ и больныхъ, столкнулся съ бездушными «чиновниками», для которыхъ вездѣ и во всемъ преобладали ихъ личные интересы. Понятно, что между Пироговымъ и этими людьми должна была завязаться упорная борьба. Противники Пирогова старались изо всѣхъ силъ противодѣйствовать всѣмъ его начинаніямъ и вредить ему, какъ только и гдѣ только это было возможно. Другія же лица не умѣли или же не хотѣли, за весьма малыми исключеніями, понять и оцѣнить все значеніе дѣятельности Пирогова. «Вотъ почему онъ изъ Севастополя не вышелъ тѣмъ колоссомъ геніальности ума и самоотверженія предъ правительствомъ и народомъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ» — говоритъ о Пироговѣ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Восточной войнѣ» д-ръ Генрици.

По возвращеніи изъ Крыма Пироговъ вскорѣ оставилъ каѳедру хирургіи въ медико-хирургической академіи и принялъ предложенное ему мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа.

Участіемъ Пирогова въ Крымской кампаніи закончилась его оффиціальная хирургическая дѣятельность. Севастополь—вотъ послѣдняя страница блестящаго и многосторонняго періода служенія Пирогова хирургической наукѣ въ роли наставника, клинициста и военно-полевого хирурга.

Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской Общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ въ Крыму и въ Херсонской губерніи съ 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г.

(Академика Н. И. Пирогова).

Сестры Крестовоздвиженской Общины, учрежденной съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія на иждивеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны и состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Высочества, составляютъ въ настоящее время значительную семью.

Цѣль учрежденія Общины, выраженная въ инструкціи начальницѣ, «состоитъ въ усердномъ, на теплой любви къ ближнему и личномъ во имя Господа Нашего Іисуса Христа самоотверженіи основанномъ, содѣйствіи медицинскому начальству въ военныхъ госпиталяхъ при уходѣ за ранеными и больными, а также въ облегченіи ихъ страданій посредствомъ христіанскаго утѣшенія».

Сестры прибывали въ Крымъ въ разное время отдѣльными партіями или отрядами. Святое служеніе сестеръ подъ знаменемъ креста началось 1 декабря 1854 г. въ г. Симферополѣ: сюда прибыло въ концѣ Ноября 1-е Отдѣленіе, состоявшее изъ 28 сестеръ подъ управленіемъ главной начальницы г-жи Стаховичъ. Онѣ съ полнымъ усердіемъ и самоотверженіемъ принялись за трудную обязанность служить ближнему. Подъ непосредственнымъ распоряженіемъ и руководствомъ академика Н. И. Пирогова въ короткое время привыкли къ госпитальному порядку и сдѣлались ревностными помощницами врачующихъ и утѣшительницами страждущихъ. Къ несчастью, эта высокая дѣятельность на время была прервана. Большая часть сестеръ, еще молодыхъ и не привыкшихъ къ госпитальнымъ занятіямъ, жертвуя чрезмѣрно собою на новомъ поприщѣ, изнемогли отъ трудовъ и отъ разрушительнаго вліянія господствовавшихъ эпидемическихъ болѣзней. Съ 20 Декабря сестры уже не могли продолжать

своихъ занятій въ госпиталяхъ; сама начальница и значительная часть 1-го отряда поражены были жестокой тифозной горячкой; другая половина ухаживала за больными сестрами. Нѣкоторыя пали жертвой этой болѣзни. Мѣсто ихъ заступили въ Симферопольскихъ госпиталяхъ прибывшія къ тому времени сердобольныя вдовы, находящіяся подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Прекращенная дѣятельность сестеръ 1-го Отдѣленія въ Симферополѣ проявилась снова въ Бахчисараѣ, куда отправлено было 23 декабря нѣсколько сестеръ, подъ управленіемъ помощницы главной начальницы Лоде. Онѣ занимались уходомъ за больными и ранеными въ Бахчисарайскомъ военномъ госпиталѣ; сестры эти также всѣ почти переболѣли тифозной горячкой. Одна изъ нихъ сдѣлалась впослѣдствіи также жертвой этой болѣзни. 13 Января 1855 г. явились сестры въ центрѣ военныхъ дѣйствій на Южной сторонѣ Севастополя: сюда прибылъ 2-ой отрядъ сестеръ подъ управленіемъ старшей сестры Меркуровой, и онѣ занялись исполненіемъ самыхъ трудныхъ обязанностей, состоящихъ въ дневныхъ и ночныхъ дежурствахъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ и въ военно-временномъ госпиталѣ, находившемся въ Николаевской батареѣ и частныхъ домахъ города. По распоряженію академика Пирогова, сестры этого Отдѣленія были раздѣлены въ первый разъ: на перевязывающихъ, аптекаршей и хозяекъ. Польза такого распредѣленія обязанностей сестеръ подтвердилась съ тѣхъ поръ на опытѣ. Перевязывающія доставляютъ существенную пользу врачамъ, сокращая своимъ вспомоществованіемъ время перевязокъ и помогая фельдшерамъ въ изготовленіи перевязочныхъ средствъ. На рукахъ аптекаршей находятся всѣ необходимыя лекарства, приготовленіе которыхъ не терпитъ отлагательства. Онѣ обязаны надзирать за тѣмъ, чтобы лекарства были раздаваемы аккуратно больнымъ; во время и послѣ визитовъ, контролируя дѣйствія фельдшеровъ, иногда слишкомъ занятыхъ перевязкой, иногда не совсѣмъ надежныхъ; а хозяйки надзираютъ за чистотой бѣлья, за дѣйствіями служителей и

Группа сестеръ милосердія Крестовоздвиженской Общины.

Севастополь 1855 г.

вообще за содержаніемъ больныхъ. Всѣ эти сестры отвѣчаютъ врачамъ за тщательное исполненіе ихъ предписаній, проводя день и ночь въ госпитальныхъ палаткахъ. Теперь съ каждымъ днемъ это распредѣленіе обязанностей сестеръ доказываетъ очевиднѣе приносимую ими пользу и съ каждымъ днемъ соединяетъ неразлучнѣе существованіе Общины съ внутреннимъ бытомъ военныхъ госпиталей. 17 января прибыло въ Севастополь и 3-е Отдѣленіе, состоявшее изъ 6 сестеръ подъ управленіемъ сестры Бакуниной; онѣ 6 дней занимались уходомъ за ранеными на Сѣверной сторонѣ Севастополя, а съ 24 января переѣхали на Южную сторону и раздѣляли труды сестеръ 2-го Отдѣленія, составивъ съ ними одну семью, связанную однимъ общимъ призваніемъ — помогать страждущимъ, перенося безропотно всѣ труды и опасности и безкорыстно жертвуя собою для достиженія предпринятой цѣли. Оба эти Отдѣленія сестеръ были размѣщены въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ была преимущественно сосредоточена дѣятельность врачей, присланныхъ на иждивеніе Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны и составлявшихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими врачами, прикомандированными изъ полковъ, особенный отрядъ подъ руководствомъ академика Пирогова, а именно:

а) въ домѣ Инженерномъ, куда былъ перенесенъ главный перевязочный пунктъ на время очищенія Дворянскаго Собранія.

б) въ Николаевской батареѣ.

в) въ домѣ Гущина, въ которомъ постоянно содержались смертельно раненые и гангренозные.

г) въ домѣ Орловскаго.

Тяжелые труды сестеръ на главномъ перевязочномъ пунктѣ и госпиталяхъ Севастополя оказали и здѣсь вредное вліяніе на ихъ здоровье. Съ 10 февраля занемогли почти всѣ сестры 2-го Отдѣленія тифозной горячкой и 2 изъ нихъ заплатили жизнью за начало безкорыстнаго труда.

21 Февраля прибыли, наконецъ, изъ Симферополя въ Севастополь сестры 1-го Отдѣленія съ ихъ начальницей Стаховичъ. Еще слабыя и едва оправившіяся послѣ перенесенной ими тяжкой болѣзни, онѣ распредѣлились

въ Севастопольскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, находившемся въ баракахъ на Сѣверной сторонѣ, въ которыхъ больные до сихъ поръ еще не были подъ надзоромъ сестеръ.

При такомъ распредѣленіи сестеръ только перевязочный пунктъ на сторонѣ корабельной и морской госпиталь въ Михайловской батареѣ еще оставались безъ женскаго присмотра. Число сестеръ все еще не соотвѣтствовало постоянно увеличивающемуся количеству раненыхъ. Этотъ ощутительный недостатокъ пополнили вновь прибывшія 28 марта сестры 4-го Отдѣленія подъ надзоромъ сестры Будбергъ; на нихъ была возложена обязанность ходить за ранеными на сторонѣ Корабельной и въ Михайловской батареѣ.

Съ марта мѣсяца распредѣленіе сестеръ было уже слѣдующее: 4 марта при усилившемся числѣ раненыхъ послѣ сильной вылазки съ 6-го бастіона главный перевязочный пунктъ былъ снова перенесенъ изъ Инженернаго дома въ очищенное и провѣтренное Дворянское Собраніе. Здѣсь находилось съ этого времени постоянно неутомимая сестра Бакунина; подъ ея надзоромъ сестры 3 и 2 Отдѣленія провели въ трудахъ ознаменовавшій русское оружіе день 10 марта. Тысячи раненыхъ въ этотъ день свезены были первоначально съ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ въ Александровскія казармы; но тамъ уже недоставало ни рукъ, ни врачей для производства операцій и потому значительная часть храбрыхъ страдальцевъ была перевезена въ баркасахъ на главный перевязочный пунктъ вечеромъ съ 10 на 11 число. Бакунина и подвѣдомственныя ей сестры день и ночь неотходно присутствовали и помогали при операціяхъ и перевязкахъ, укладывали оперированныхъ, раздавали питье и лекарство и тщательно наблюдали за всѣми перемѣнами.

Между тѣмъ въ Инженерномъ домѣ оставались и туда переносимы были изъ другихъ Отдѣленій трудные ампутированные. Здѣсь начальствовала постоянно сестра Травина; имѣя подъ руками меньшее число раненыхъ, она могла познакомиться еще лучше съ каждымъ изъ нихъ, наблюдая тщательно за ходомъ ранъ и за перевязкой. Николаевская батарея, превращенная въ это время въ

огромный госпиталь, заключала въ себѣ до 600 раненыхъ, которые переносились туда съ главнаго перевязочнаго пункта; сестры, дежурившія въ ней, оставались подъ руководствомъ Бакуниной.

Наконецъ, въ домахъ Гущина и Орловскаго, гдѣ дѣйствовалъ съ самаго начала ихъ учрежденія съ большимъ самоотверженіемъ и знаніемъ дѣла находившійся при академикѣ Пироговѣ лекарскій помощникъ Калашниковъ, сестры Григорьева, Богданова и Голубцова несли съ усердіемъ самую трудную и, такъ сказать, самую неблагодарную службу, требующую большого самоотверженія и крѣпкаго здоровья,—это уходъ за страдальцами, раны которыхъ испортились отъ антонова огня, или состояніе которыхъ сдѣлалось не только безнадежнымъ, но и вреднымъ для другихъ. Кто знаетъ только по слухамъ, что значитъ это «memento mori»,—отдѣленіе гангренозныхъ и безнадежныхъ больныхъ въ военное время, тотъ не можетъ себѣ представить всѣхъ ужасовъ бѣдственнаго положенія страдальцевъ. Огромныя вонючія раны, заражающія воздухъ вредными для здоровья испареніями; вопли и страданія при продолжительныхъ перевязкахъ; стоны умирающихъ; смерть на каждомъ шагу въ разнообразныхъ ея видахъ: отвратительномъ, страшномъ и умилительномъ, — все это тревожитъ душу даже самыхъ опытныхъ врачей, посѣдѣвшихъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Что же сказать о женщинахъ (какъ Григорьева и Голубцова), посвятившихъ себя изъ одного участія и чувства безкорыстнаго милосердія на это служеніе, тяжкое и отвратительное для человѣка свѣтскаго, но назидательное и обильное дѣлами милосердія для истиннаго христіанина. Въ этомъ же Отдѣленіи впослѣдствіи (съ апрѣля мѣсяца) при увеличившемся числѣ больныхъ находился неотлучно для исправленія требъ и состоящій при Общинѣ іеромонахъ Веніаминъ.

Настало 28 марта, страшный день бомбардировки, хотя не первый по счету, но первый по близости осаждающихъ къ бастіонамъ и городу. Она продолжалась болѣе 10 дней. Это время останется памятнымъ въ исторіи Крестовоздвиженской Общины! Съ 28 марта по 15 мая дѣятельность Общины сосредоточивалась преимуще-

ственно на главномъ перевязочномъ пунктѣ (въ Дворянскомъ Собраніи), въ домахъ города, въ Александровскихъ казармахъ и на Павловскомъ мыску. Во все это время самыя главныя усилія непріятеля были, какъ извѣстно, устремлены на 4, 5 и 6 бастіоны и отчасти на Малаховъ курганъ. Всѣ раненые съ первыхъ 3 бастіоновъ приносились въ Дворянское Собраніе. Болѣе мѣсяца врачи и сестры неусыпно день и ночь дѣйствовали на главномъ перевязочномъ пунктѣ. Старшая сестра 2-го и 3-го отдѣленій Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своимъ усердіемъ. Ежедневно днемъ и ночью можно было ее застать въ операціонной комнатѣ ассистирующею при операціяхъ; въ это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругомъ всего Собранія, она обнаружила со своими сообщницами присутствіе духа, едва совмѣстное съ женскою натурою и отличавшее сестеръ до самаго конца осады. Трудно рѣшить, чему должно болѣе удивляться, хладнокровію ли этихъ сестеръ или ихъ самоотверженію въ исполненіи обязанностей. Военное время налагаетъ на врачей обязанности, иногда жестокія, но необходимыя для общей пользы. Такъ, при огромномъ скопленіи раненыхъ необходимо сосредоточивать всю врачебную дѣятельность на вспомоществованіи тѣмъ, для которыхъ помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить изъ виду тѣхъ, которымъ своевременная помощь могла бы возвратить жизнь и здоровье; поэтому сортированіе больныхъ на перевязочныхъ пунктахъ составляетъ главное условіе врачебной распорядительности. Такъ было и на главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Дворянскомъ Собраніи: раненые, безпрестанно приносимые по нѣсколько вдругъ, свидѣтельствовались въ большой залѣ и тутъ же дѣлался приговоръ врачей: можно ли имъ еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членомъ для спасенія, или отнести раненаго къ числу безнадежныхъ. Первые переносились въ операціонную залу или въ Николаевскую батарею и поступали послѣ оказаннаго пособія на руки сестеръ, находившихся подъ руководствомъ Бакуниной, вторые отсылались въ дома: Гущина, Орловскаго и Инженерный, гдѣ сестры Травина, Григорьева, Голубцова и

Богданова дѣлали что могли для облегченія участи страдальцевъ, дѣйствуя то по предписанію врачей, то по собственному благоусмотрѣнію, ознакомившись изъ опыта съ этимъ родомъ страданій. Велика и высока была обязанность этихъ сестеръ: имъ поручались и послѣднія желанія и послѣдній вздохъ умирающихъ за отечество! Кровавыя траншейныя битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестеръ усилій, доходившихъ до изнуренія силъ тѣмъ болѣе, что раненые прибывали на главный перевязочный пунктъ ночью. Утомленные ночными дежурствами, производствомъ операцій, перевязкою раненыхъ врачи и сестры втеченіи этихъ достопамятныхъ дней не знали другого спокойствія, кромѣ короткаго сна на лавкахъ и койкахъ въ дежурныхъ комнатахъ, пробуждаемые лопаніемъ бомбъ и воплемъ вновь приносимыхъ раненыхъ.

Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ время, проведенное съ 28 марта по іюнь мѣсяцъ въ Дворянскомъ Собраніи. Во все это время около входа въ Собраніе на улицѣ, гдѣ такъ нерѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ подъ командою дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика Яни; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ; втеченіе 9 дней мартовской бомбардировки безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу Собранія. Эти 9 дней огромная танцовальная зала безпрестанно наполнялась и опорожнивалась; приносимые раненые складывались вмѣстѣ съ носилками цѣлыми рядами на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые $^1/_2$ вершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся—громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными, раздробленными членами, блѣдныхъ, какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали вездѣ бѣлые капюшоны

сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись: вносили и выносили по командѣ: «На столъ», «На койку», «Въ домъ Гущина», «Въ Инженерный», «Въ Николаевскую». Въ боковой довольно обширной комнатѣ (операціонной) на 3 столахъ кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатъ; матросъ Пашкевичъ—живой турникетъ Дворянскаго Собранія (отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ) едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собрата. Бакунина постоянно присутствовала въ этой комнатѣ съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, несмотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры: это значило, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшеръ Никитинъ накладывалъ имъ гипсовыя повязки.

Ночью, при свѣтѣ стеарина, тѣ же самыя кровавыя сцены, и нерѣдко еще въ большихъ размѣрахъ, представлялись въ залѣ Дворянскаго Собранія. Въ это тяжкое время безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ: Яни (опредѣленнаго къ перевязочному пункту начальникомъ штаба гарнизона княземъ Васильчиковымъ) и Коперницкаго (опредѣленнаго сюда незабвеннымъ Нахимовымъ), не было бы никакой возможноси подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ

свѣтѣ фонарей, направленныхъ къ входу Собранія, и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія, раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій—послѣдняго отдыха, всѣ—облегченія страданій. Гдѣ можно было бы безъ дѣятельныхъ и строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности найти достаточно мѣста и рукъ для оказанія безотлагательной помощи!

Не менѣе дѣятельно, не менѣе неусыпно и ревностно въ исполненіи дѣлъ милосердія было и 4-е Отдѣленіе, пребывавшее въ началѣ мартовской бомбардировки въ Александровскихъ казармахъ; но скоро это пребываніе оказалось опаснымъ для раненыхъ. Ихъ нужно было переносить во время самой сильной бомбардировки, въ первыхъ числахъ апрѣля, изъ этихъ казармъ на Павловскій мысокъ.

Сестры—начальница Стаховичъ, Чупати и Будбергъ—преимущественно отличались своимъ самоотверженіемъ при этой переноскѣ, продолжавшейся нѣсколько дней; онѣ раздѣлили опасность вмѣстѣ съ ввѣренными ихъ надзору больными. На Павловскій мысокъ приносились преимущественно раненые съ Малахова кургана и съ 3-го бастіона.

Бухта раздѣляла сестеръ различныхъ отдѣленій, но стремленіе къ общей цѣли—творить дѣла милосердія—соединяло ихъ неразрывно.

Въ удѣлъ 1-го отдѣленія (подъ непосредственнымъ начальствомъ г-жи Стаховичъ, которая должна была по обязанностямъ службы постоянно объѣзжать всѣ отдѣленія Общины), остававшагося въ это время на Сѣверной сторонѣ, доставлялись преимущественно раненые съ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго редутовъ.

Вскорѣ число сестеръ на Южной сторонѣ города оказалось недостаточнымъ; нужно было его увеличить и освѣжить новыми силами; для этой цѣли 5 сестеръ 1-го и 4-го отдѣленій были переведены съ Сѣверной стороны и съ Павловскаго мыска на главный перевязочный пунктъ.

Изъ нихъ уже 2 не существуютъ. Краузе отъ душевныхъ волненій и изнуренія впала въ жестокій нервный бредъ и скончалась черезъ 18 дней послѣ болѣзни. Блюмеръ, кроткая и почтенная сестра, крѣпкая духомъ и тѣломъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи старшею, умерла недавно въ Симферополѣ, заболѣвъ на ревностной службѣ Общины.

Военныя дѣйствія и безпрестанное приближеніе осадныхъ батарей непріятеля къ нашимъ бастіонамъ требовали часто перемѣны мѣстопребыванія и больныхъ и сестеръ. Увеличившееся число раненыхъ офицеровъ требовало также устройства особеннаго офицерскаго отдѣленія. Въ срединѣ марта мѣсяца уже занятъ былъ для этой цѣли Екатерининскій дворецъ, находящійся на берегу бухты у Графской пристани. Въ мартовскую бомбардировку, а особливо въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, число раненыхъ офицеровъ сдѣлалось весьма значительнымъ, и сестрѣ Травиной, находившейся до тѣхъ поръ въ Инженерномъ домѣ былъ порученъ надзоръ за этимъ отдѣленіемъ (впослѣдствіи она уѣхала въ Бахчисарай, а мѣсто ея заступила покойная Блюмеръ). Обязанности сестеръ на перевязочныхъ пунктахъ были многосложны и важны по ихъ послѣдствіямъ для больныхъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ; не только перевязка, аптекарская часть (сохраненіе и раздача сильно дѣйствующихъ лекарствъ), хозяйство и надзоръ за содержаніемъ больныхъ поручались имъ отъ главныхъ врачей, завѣдывавшихъ этими пунктами, но имъ же предписано было академикомъ Пироговымъ получать отъ раненыхъ подъ сохраненіе наградныя и собственныя деньги и вещи. Надобно быть очевидцемъ, чтобъ судить, какъ трудны, хлопотливы и утомительны, при большомъ скопленіи раненыхъ, повидимому, самыя простыя и маловажныя занятія. Таковы, напримѣръ: раздача теплаго чая и сборъ денегъ для сохраненія; надобно у каждаго принять счетомъ, записать его имя, полкъ и т. п; особенно важна эта обязанность въ отдѣленіи безнадежныхъ; сестры, отбирая отъ нихъ деньги, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются и исполнить послѣднюю ихъ волю (какъ, напримѣръ, отослать деньги ихъ родственникамъ и т. п.).

Послѣдствіемъ нападенія непріятеля на Камчатскій редутъ 26 мая было то, что много раненыхъ прибыло на Павловскій мысокъ и въ бараки на Сѣверной сторонѣ; по неимѣнію тамъ достаточнаго помѣщенія, раненые были сначала сложены на землю, и сестры I отдѣленія подъ надзоромъ самой начальницы должны были заняться оказаніемъ имъ перваго пособія. Погода была тогда вѣтреная и сырая; нужно было предварительно согрѣть теплымъ питьемъ охолодѣвшихъ и распорядиться по возможности о ихъ лучшемъ помѣщеніи.

Сестры этого отдѣленія во всемъ принимали самое дѣятельное участіе. Но уже и прежде сего, по причинѣ значительнаго накопленія раненыхъ въ Николаевской батареѣ и на главномъ перевязочномъ пунктѣ послѣ мартовской бомбардировки и траншейныхъ дѣлъ, нужно было вывести отсюда болѣе 400 ампутированныхъ на Сѣверную сторону. Тамъ раскинуты были вблизи бараковъ солдатскія палатки, и ампутированные, перевезенные черезъ бухту въ баркасахъ, сложены на землю на матрацахъ. Другого лучшаго помѣщенія покуда не имѣлось въ виду, а между тѣмъ свѣжій воздухъ былъ необходимъ для залежавшихся въ казематированныхъ казармахъ Николаевской батареи. Вдругъ сухая и ясная погода перемѣнилась, 3 дня шелъ проливной дождь и въ лагерѣ сдѣлалась глубокая грязь. Трудны были въ это время занятія сестеръ I отдѣленія. Въ толстыхъ солдатскихъ сапогахъ, утопая въ вязкой грязи, онѣ должны были расхаживать между промоченными палатками и, стоя на колѣняхъ, раздавать чай и вино, чтобы согрѣть раненыхъ, лежавшихъ на землѣ одинъ возлѣ другого. При этихъ занятіяхъ, необходимыхъ для поддержанія силъ и согрѣванія больныхъ, сестрамъ едва доставало времени успѣвать на перевязку.

Въ концѣ мая ядра и бомбы начали сильно угрожать и Сѣверной сторонѣ. Вблизи бараковъ, около Сѣвернаго укрѣпленія и на берегу бухты падали и раскаленныя ядра; еще сильнѣе въ это время угрожаемы были разрушеніемъ перевязочные пункты въ Дворянскомъ собраніи и на Павловскомъ мыску; на дворѣ Инженернаго и Гущина дома падали уже прежде ядра и ракеты, — нужно было

думать о другомъ помѣщеніи. Было сдѣлано распоряженіе перевести перевязочный пунктъ изъ Дворянскаго собранія въ Николаевскую батарею, какъ казематированную и наиболѣе удаленную отъ выстрѣловъ, а съ Павловскаго мыска—въ Михайловскую батарею; весь госпитальный лагерь съ Сѣверной стороны долженъ былъ удалиться далѣе, къ Инкерманскимъ высотамъ. Послѣ отбитія штурма 6 іюня одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ перенесенъ былъ снова на Павловскій мысокъ.

Сестрамъ предоставлено было при этихъ перемѣщеніяхъ, вызванныхъ угрожающею опасностью, право оставаться въ городѣ подъ выстрѣлами или же перемѣститься на Сѣверную сторону, въ мѣста болѣе безопасныя. Сестра Бакунина изъявила твердое желаніе оставаться при главномъ перевязочномъ пунктѣ и даже не прежде перешла изъ Дворянскаго собранія въ Николаевскую батарею, какъ послѣ перемѣщенія отсюда всѣхъ раненыхъ. Она присутствовала въ зданіи, угрожаемомъ безпрестанно разрушеніемъ отъ падающихъ бомбъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ больные были вывезены въ Николаевскую батерею, и продолжала свое служеніе здѣсь до отступленія войскъ нашихъ на Сѣверную сторону, 27 августа. Передавъ еще въ маѣ мѣсяцѣ старшинство свое сестрѣ Лоде (остававшейся на Южной сторонѣ съ мая до конца іюля и потомъ отправившейся въ Бахчисарай), сестра Бакунина, наравнѣ съ другими девятью сестрами, продолжала свое безкорыстное служеніе на пользу раненыхъ съ такимъ же одушевленіемъ и съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какія отличали ее съ самаго ея вступленія въ Общину. Послѣ отбытія академика Пирогова изъ Крыма, въ началѣ іюня мѣсяца, Община была подчинена начальнику севастопольскаго гарнизона графу Остенъ-Сакену. Знаменитый военноначальникъ, несмотря на многочисленность своихъ занятій, въ самое критическое время осады, принималъ постоянное и искреннее участіе во всѣхъ дѣлахъ Общины и тѣмъ много содѣйствовалъ къ достиженію благой цѣли.

Съ перемѣщеніемъ перевязочныхъ пунктовъ, въ началѣ іюня, 3-е отдѣленіе раздѣлилось и поступило съ Павловскаго мыска на другіе перевязочные пункты (Будбергъ—въ Николаевскую батарею, какъ старшая, а дру-

гія сестры—въ бараки Сѣверной стороны). Съ этого времени раненые, поступавшіе на Павловскій мысокъ, до конца осады находились уже не на рукахъ сестеръ; невозможно было найти для нихъ достаточнаго помѣщенія въ этихъ казармахъ (находившихся постоянно подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей, около Малахова кургана), даже и для операцій, производившихся подъ руководствомъ ревностнаго врача Неводовскаго, а потомъ неутомимаго и искуснаго хирурга доктора Дземшикевича (оставшагося безвыходно на этомъ перевязочномъ пунктѣ до взрыва батареи); едва можно было найти безопасное мѣсто въ сыромъ и темномъ погребѣ, подъ сводами.

Послѣ отбитаго штурма большая часть раненыхъ была перевезена черезъ бухту на перевязочный пунктъ въ Михайловской батареѣ, гдѣ находился вновь устроенный перевязочный пунктъ съ однимъ отдѣленіемъ сестеръ подъ начальствомъ Ушаковой и ея помощницы, молодой, но весьма ревностной сестры Башмаковой; онѣ оставались здѣсь постоянно до 26 августа. Но вскорѣ оказалось мѣсто это неудобнымъ для перевязочнаго пункта тѣмъ болѣе, что оно было и небезопасно (доказательствомъ служитъ сестра Васильева, которая на Михайловской батареѣ была контужена, на службѣ, осколкомъ бомбы въ предплечье, съ переломомъ двухъ костей, и ранена въ високъ также осколкомъ). Снова начали приносить раненыхъ съ бастіоновъ на Николаевскую батарею. Снова устроился здѣсь главный перевязочный пунктъ; раненые оставались здѣсь по нѣскольку дней и даже недѣль и, потомъ уже, перевозились на Сѣверную сторону. Врачи, прикомандированные изъ флота и изъ полковъ гарнизона, производили здѣсь операціи и другія хирургическія пособія подъ руководствомъ ревностнаго и дѣятельнаго профессора Кіевскаго университета Гюббенета. Сестры подъ начальствомъ почтенной сестры Будбергъ (въ томъ числѣ и Бакунина) продолжали неусыпно дѣйствовать. Сестра Будбергъ, желая дать хотя небольшой отдыхъ уставшимъ и изнуреннымъ сестрамъ, хотѣла прекратить ночныя дежурства; но неутомимая Бакунина не захотѣла отдыхать и продолжала дежурить ночью, съ нѣкоторыми другими сестрами, до самаго окончанія осады.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ бомба разрушила, наконецъ, танцовальную залу Дворянскаго собранія, которая такъ долго служила вмѣстилищемъ раненыхъ и главнымъ мѣстомъ хирургическихъ пособій.

Въ это время въ Николаевской батареѣ сосредоточилась почти вся административная, врачебная и коммерческая часть Севастополя. Штабъ графа Сакена, мѣстопребываніе многихъ другихъ военноначальниковъ, дежурства, церковь, казармы, лавка, перевязочный пунктъ, госпиталь, аптека (завѣдываемая Н. П. Корвовскимъ, который съ самаго начала и до конца осады снабжалъ лекарствами и перевязочный пунктъ и госпитали, работая подъ бомбами въ своей лабораторіи), — все помѣщалось въ одной Николаевской батареѣ. Зато и теперь еще, какъ будто въ благодарность за пріютъ, стѣны ея пощажены разрушеніемъ и закоптѣлыя грустно смотрятъ на Сѣверную сторону Севастополя!.. А зданій на Павловскомъ мыску уже не существуетъ: онѣ разрушены взрывомъ до основанія; почти не существуетъ и Дворянскаго собранія, — не своды, а Провидѣніе долго хранило его стѣны, пронизанныя теперь бомбами и ядрами.

Съ іюня мѣсяца, послѣ перемѣщенія перевязочныхъ пунктовъ, возникли также и другія перемѣщенія раненыхъ и сестеръ.

Такъ, съ 6-го іюня организовалось новое офицерское отдѣленіе на батареѣ № 4, на Сѣверномъ берегу бухты; въ немъ главнымъ врачемъ былъ докторъ Тарасовъ, отправившійся по собственному желанію въ Севастополь съ 3-мъ Отдѣленіемъ Общины (вмѣстѣ съ врачами Ребергомъ и Дмитровымъ) на иждивеніи ея Императорскаго Высочества. Этотъ дѣятельный врачъ, находившійся сначала при главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Дворянскомъ Собраніи, — вмѣстѣ съ академикомъ Пироговымъ усердно заботился о надлежащемъ размѣщеніи Общины; почти до самаго окончанія осады (26 августа) онъ имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ постоянно до 40 человѣкъ раненыхъ офицеровъ и успѣлъ снискать ихъ довѣріе и любовь.

При немъ находилась сначала сестра Григорьева, переведенная изъ дома Гущина, а потомъ сестра Линская;

надзоръ за хозяйственной частью госпиталя порученъ былъ этимъ 2 ревностнымъ сестрамъ, уже и прежде завѣдовавшимъ хозяйственной частью (въ домѣ Гущина—сестра Григорьева, а на Николаевской батареѣ—Линская).

Далѣе, въ началѣ іюля мѣсяца, устроился лагерный госпиталь, состоящій изъ большихъ госпитальныхъ палатокъ, въ 6 верстахъ отъ Севастополя, на Бельбекской долинѣ. Главная начальница Общины г-жа Стаховичъ, ея помощница сестра Гордынская (сестра Гордынская постоянно имѣла на сохраненіи деньги и вещи больныхъ и отличалась ревностью и распорядительностью въ исполненіи своихъ обязанностей), со многими сестрами 1-го, 4-го, съ нѣкоторыми сестрами 2-го Отдѣленія и съ нѣсколькими вновь прибывшими, помѣстились при этомъ госпиталѣ въ палаткахъ и татарскихъ сакляхъ. Сюда привозились изъ Сѣверной и Южной сторонъ города раненые послѣ того, какъ имъ уже была оказана помощь, для дальнѣйшаго леченія. Отсюда сестры ѣздили на перевязку въ лагерный госпиталь, расположенный на Инкерманскихъ высотахъ (въ 3 верстахъ отъ Севастополя), куда въ концѣ іюля было послано 11 сестеръ подъ начальствомъ Чупати, на постоянное жительство; отсюда же главная начальница Общины объѣзжала различныя ея отдѣленія. Отсюда, наконецъ, были посланы, во время дѣла 4 августа, 14 сестеръ на Мекензіеву гору, гдѣ онѣ пробыли нѣсколько дней, перевязывая раненыхъ, ассистируя врачамъ при хирургическихъ операціяхъ, раздавая бѣлье, теплое питье, вино и проч. Послѣ перевозки раненыхъ съ Мекензіевой горы въ госпиталь Дуванскій и въ Симферополь, сестры возвратились снова на Бельбекъ.

Итакъ, въ это время, до самаго окончанія осады, Община была размѣщена въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-е) восемь сестеръ подъ руководствомъ Будбергъ и Бакуниной (которая, хотя сложила съ себя старшинство, но не переставала имѣть нравственное вліяніе на сестеръ), на Николаевской батареѣ, на Южной сторонѣ города; 2-е) одна сестра—въ Екатерининскомъ Дворцѣ также въ самомъ городѣ (бывшее офицерское отдѣленіе); куда было перенесено тогда гангренозное отдѣленіе. 3-е) пять сестеръ подъ начальствомъ инокини Ушаковой—на Михайловской

батареѣ на Сѣверной сторонѣ города; 4-е) одна сестра на батареѣ № 4-го, также на Сѣверной сторонѣ, при офицерахъ, подъ руководствомъ доктора Тарасова; 5-е) въ Сѣверномъ укрѣпленіи, при раненыхъ морскихъ офицерахъ,— Селиванова (весьма ревностная сестра, заслужившая одобреніе и признательность почти всѣхъ лежавшихъ тамъ моряковъ), и Сапрановская; 6-е) одиннадцать сестеръ въ лагерномъ госпиталѣ, на Инкерманскихъ высотахъ подъ начальствомъ Чупати, и, наконецъ, 7-е) всѣ остальныя сестры, находившіяся вмѣстѣ съ главной начальницей Общины въ 6 верстахъ отъ города, на Бельбекѣ.

Сверхъ того, еще 5 отрядовъ Общины находились въ это время въ Бахчисараѣ: подъ начальствомъ сестры Лоде 7 сестеръ въ госпиталѣ, расположенномъ въ Ханскомъ дворцѣ; въ Симферополѣ 5 сестеръ, въ морскомъ лагерномъ госпиталѣ, подъ начальствомъ Травиной, уѣхавшей изъ Севастополя въ началѣ мая мѣсяца; въ Перекопѣ 3 сестры подъ руководствомъ сестры Романовской; въ Херсонѣ и Николаевѣ подъ руководствомъ старшей сестры Щедриной. Эти два отдѣленія Общины имѣли постоянно (съ января мѣсяца 1855 г.) на своемъ попеченіи раненыхъ, транспортированныхъ изъ Севастополя, и были размѣщены въ различныхъ госпиталяхъ обоихъ городовъ. Сестра Щедрина съ неусыпной дѣятельностью, съ необыкновенною распорядительностью, съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ оставалась съ самаго поступленія ея въ Общину вѣрною своему призванію. Община въ Херсонѣ преимущественно успѣла освоиться съ внутреннимъ бытомъ госпиталей, благодаря неусыпнымъ трудамъ Щедриной и попеченіямъ главнаго доктора Гебгардта (недавно скончавшагося на рукахъ этой добродѣтельной сестры къ общему сожалѣнію всѣхъ его знавшихъ). Таково было размѣщеніе Общины до самаго оставленія Южной стороны Севастополя—27 августа.

Бакунина была послѣдняя изъ сестеръ, вышедшихъ черезъ мостъ изъ Севастополя на Сѣверную сторону. Въ день 27 августа старшая сестра Будбергъ получила контузію въ лѣвое плечо осколкомъ бомбы, провожая одного тяжело-раненаго на перевязочный пунктъ въ Николаевскую батарею. Она же и сестра Смирнова 2-я получили

26 августа значительныя контузіи осколками стеколъ на батареѣ, разбившихся отъ взрыва шаланды, нагруженной порохомъ и стоявшей у Графской пристани; сестра Смирнова при этомъ едва не лишилась зрѣнія, а сестра Будбергъ была завалена обломками выпавшихъ отъ сотрясенія оконъ; одинъ изъ ампутированныхъ, за которымъ она ухаживала, поспѣшилъ къ ней тотчасъ же на помощь. Во время самаго отступленія сестра Будбергъ, обремененная ношею (она спасала пожитки Общины и деньги, принадлежавшія раненымъ), едва не упала на мосту отъ усталости и утомленія.

Послѣ отступленія измѣнилось снова размѣщеніе сестеръ. Главная ихъ дѣятельность сосредоточилась въ лагерныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ на Инкерманскихъ высотахъ и на Бельбекѣ. Въ первомъ онѣ дѣйствовали подъ руководствомъ неутомимой и распорядительной сестры Чупати; во второмъ — подъ руководствомъ самой начальницы Стаховичъ. Перевязочный пунктъ на Павловскомъ мыску подъ начальствомъ доктора Дземшикевича былъ переведенъ послѣ всѣхъ на Сѣверную сторону, почти непосредственно предъ взрывомъ батареи. Перевязочный пунктъ на Михайловской батареѣ и офицерское отдѣленіе въ батареѣ № 4 закрылись; вся врачебная дѣятельность сосредоточилась въ 2 лагерныхъ госпиталяхъ на Инкерманѣ подъ начальствомъ опытнаго хирурга доктора Рудинскаго и на Бельбекѣ, куда переѣхалъ съ Павловскаго мыска и докторъ Дземшикевичъ. Больные не имѣли другого пріюта, какъ въ госпитальныхъ (суконныхъ) и солдатскихъ (парусинныхъ) палаткахъ и были расположены на матрацахъ и войлокахъ, постланныхъ на землю. Только нѣкоторые раненые штабъ-офицеры находили пріютъ въ полуразрушенныхъ татарскихъ сакляхъ. Время стояло вѣтреное, холодное и дождливое. Сестрамъ было много дѣла; ихъ занимала преимущественно раздача сухого бѣлья изъ цейхгауза Общины, теплаго чая, вина—все изъ пожертвованныхъ средствъ Общины и Комитета, находящагося подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны и бывшаго подъ начальствомъ покойнаго графа Віельгорскаго. Перевязка раненыхъ произво-

дилась нерѣдко на открытомъ воздухѣ подъ дождемъ, стоя на колѣняхъ въ грязи или на мокрой землѣ. Преимущественно отличалось въ это время отдѣленіе сестры Чупати на Инкерманѣ, куда свезена была большая часть раненыхъ послѣ послѣдняго штурма, и гдѣ производилось до 80 и до 100 операцій въ день, при пособіи сестеръ подъ руководствомъ начальствовавшаго перевязочнымъ пунктомъ доктора Рудинскаго.

Въ это время прибылъ на Бельбекъ и академикъ Пироговъ; объѣзжая оба отдѣленія, онъ былъ очевидцемъ и свидѣтелемъ ревностнаго служенія сестеръ. Въ это же время, замѣтивъ всѣ трудности и лишенія больныхъ, тысячами транспортировавшихся изъ Инкермана, съ Сѣверной стороны и изъ Бельбека въ Дуванку, Бахчисарай и Симферополь, онъ предложилъ Общинѣ преимущественно заботиться объ участи транспортируемыхъ,—и это предложеніе служило началомъ къ образованію существующаго теперь транспортнаго отдѣленія сестеръ Крестовоздвиженской Общины.

Наконецъ, управившись съ тысячами раненыхъ, лагерный госпиталь на Инкерманѣ снялся; почти всѣ раненые изъ Бельбека свезены были въ Бахчисарай и Симферополь. Это было уже въ половинѣ сентября. Тогда почти всѣ сестры переѣхали также въ Бахчисарай; только три изъ нихъ подъ руководствомъ сестры Линской остались на Бельбекѣ.

Съ конца сентября распредѣленіе сестеръ опять измѣнилось. Вслѣдствіе сосредоточенія врачебной дѣятельности въ Симферополѣ по случаю скопленія тамъ самаго большого количества больныхъ и раненыхъ (до 13,000), дѣятельность сестеръ также сосредоточилась въ этомъ городѣ, гдѣ до сихъ поръ дѣйствовали неутомимо однѣ сердобольныя. Въ это же время произошло значительное измѣненіе въ самомъ составѣ Общины. Главная начальница г-жа Стаховичъ, по случаю разстроеннаго здоровья, отъ перенесенной ею болѣзни и отъ трудовъ, съ разрѣшенія Ея Императорскаго Высочества Высокой Покровительницы Общины, вмѣстѣ съ сестрами I и II отдѣленій, уставшими отъ продолжительныхъ занятій, выѣхала въ С.-Петербургъ. Управленіе Общины Государынею

Великою Княгинею ввѣрено начальницѣ Сердобольныхъ Одесскихъ Сестеръ Екатеринѣ Александровнѣ Хитрово, съ званіемъ (имѣющимъ высокое значеніе) сестры-настоятельницы. Взамѣнъ выбывшихъ сестеръ въ составъ Общины вошли новыя лица, вновь прибывшія изъ С.-Петербурга подъ надзоромъ старшей сестры Карцевой. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ усерднѣйшихъ сестеръ 1, 2 и 3 отдѣленій, несмотря на понесенные ими труды, увлеченныя своимъ высокимъ призваніемъ, остались въ средѣ Общины на второй годъ.

Академикъ Пироговъ, которому Ея Императорское Высочество изволила снова поручить Общину въ полное распоряженіе, при помощи неутомимо дѣятельной сестры-настоятельницы Е. А. Хитрово и при пособіи сестеръ Е. М. Бакуниной и Е. П. Карцевой, сдѣлалъ слѣдующія усовершенствованія въ занятіяхъ Общины. а) Принялъ подъ надзоръ, исключительно, раненыхъ и ампутированныхъ, помѣщенныхъ въ госпитальныхъ баракахъ Симферополя. Сестры подъ управленіемъ старшей сестры Карцевой во время дежурствъ раздѣлились, какъ и прежде, на 3 разряда—на хозяекъ, аптекаршей и перевязывающихъ, такъ что на каждый баракъ приходилось по три сестры; изъ нихъ одной сестрою-настоятельницею поручается наблюденіе за порядкомъ на полную ея отвѣтственность. Согласно съ такимъ раздѣленіемъ сестры дѣйствуютъ въ госпиталяхъ по особенной имъ сообщенной инструкціи, въ которой кратко изложены всѣ ихъ обязанности. Явясь на дежурство, всѣ сестры поступаютъ подъ надзоръ одной старшей сестры Карцевой, на которой лежитъ отвѣтственность за всѣхъ предъ сестрою-настоятельницею. Дежурныя сестры обязаны вести журналъ всѣмъ замѣченнымъ ими недостаткамъ или упущеніямъ по службѣ. Продежуривъ втеченіи сутокъ, онѣ смѣняются новыми сестрами и отправляются снова въ домъ Общины, гдѣ опять поступаютъ подъ надзоръ сестры-настоятельницы.

b) Всѣ дѣйствія Общины, всѣ сужденія о дѣйствіяхъ, способностяхъ и нравственности сестеръ, всѣ измѣненія въ служебной ихъ дѣятельности рѣшаются теперь сестрой-настоятельницею въ Комитетѣ, состоящемъ, подъ ея пред-

сѣдательствомъ, изъ духовнаго пастыря, врача Общины и старшихъ сестеръ; рѣшеніе Комитета вносится въ протоколъ, посылаемый на разсмотрѣніе Высокой Покровительницы Общины. Этою мѣрою всѣ дѣйствія Общины, устремленныя на пользу ближнихъ, дѣлаются болѣе отчетливыми и пріобрѣтаютъ болѣе значенія черезъ безпристрастное и многостороннее обсужденіе ихъ главными членами Общины.

c) При постоянныхъ транспортахъ раненыхъ и больныхъ изъ Симферополя въ болѣе или менѣе отдаленные города Россіи явилась потребность въ новыхъ услугахъ сестеръ—наблюдать за больными и ранеными во время пути. Высокая Покровительница Общины, вслѣдствіе донесенія академика Пирогова, изволила учредить особое отдѣленіе сестеръ подъ названіемъ транспортнаго, которое ввѣрено распоряженію старшей сестры Бакуниной; двѣ или три сестры подъ надзоромъ старшей съ достаточнымъ запасомъ перевязочныхъ вещей, медикаментовъ, чая, сахара и бѣлья, въ настоящее время сопровождаютъ транспорты до Перекопа, Берислава и Екатеринослава, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы транспортируемые не терпѣли на пути никакихъ недостатковъ.

Необходимость и несомнѣнная польза этого учрежденія уже оправдываются теперь на дѣлѣ. Хотя число сестеръ не позволяетъ имъ сопутствовать почти ежедневнымъ транспортамъ больныхъ изъ Симферополя въ Перекопъ, однако, уже шесть разъ сестры провожали болѣе значительные изъ транспортовъ и преимущественно раненыхъ и ампутированныхъ; четыре раза подъ надзоромъ старшей сестры Бакуниной до Перекопа, Берислава и Екатеринослава; одинъ разъ подъ наблюденіемъ сестры Медвѣдевой и одинъ разъ подъ наблюденіемъ сестры Травиной, до Перекопа. Каждый разъ отправлялось по три сестры (на лошадяхъ, купленныхъ на иждивеніе благотворительнаго Комитета, находящагося подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны); каждый разъ онѣ оставались на пути не менѣе 10 дней, сопровождая транспортъ, идущій на волахъ или крестьянскихъ подводахъ, отъ одного этапа на другой; размѣщались на этапахъ

такъ же, какъ и самые больные, въ татарскихъ сакляхъ, раздавая больнымъ теплое питье и лекарства по назначенію врача, перевязывая раненыхъ и проч. Обязанности сестеръ транспортнаго отдѣленія весьма трудны, хлопотливы и однообразны. Проводить цѣлые дни и даже недѣли въ холодѣ и сырости; вязнуть въ грязи на проселочныхъ этапныхъ дорогахъ; наблюдать за больными, разсѣянными въ этапныхъ аулахъ, иногда на протяженіи одной и болѣе верстъ, не всегда имѣя достаточно средствъ помочь больнымъ при внезапныхъ перемѣнахъ болѣзни; едва возвратившись назадъ, снова пускаться въ знакомый путь,—вотъ въ чемъ состоитъ транспортная служба сестеръ Крестовоздвиженской Общины. Нужно имѣть крѣпкое здоровье, самоотверженіе и постоянство нрава, чтобы совершать это дѣло милосердія, не громкое, не лестное для суеты, но существенно полезное для бѣдствующихъ больныхъ. Сестры транспортнаго отдѣленія обязаны замѣчать всѣ недостатки и нужды больныхъ, ведя журналъ, который по возвращеніи онѣ доставляютъ сестрѣ-настоятельницѣ или предлагаютъ на разсмотрѣніе въ Комитетъ. Несмотря на краткость времени, сестры во время транспортовъ уже успѣли оказать многія услуги къ улучшенію быта транспортируемыхъ больныхъ. Проводя цѣлые часы и ночи вмѣстѣ съ больными на этапахъ, онѣ легче могли замѣтить нѣкоторыя упущенія и способствовать ихъ устраненію.

Итакъ, въ настоящее время Крестовоздвиженская Община сестеръ попеченія о раненыхъ, находящаяся въ Крыму и Херсонской губерніи, состоитъ изъ слѣдующихъ отрядовъ, управляемыхъ сестрой-настоятельницею и созываемымъ ею временнымъ Комитетомъ:

1) Главный отрядъ въ Симферополѣ, состоящій изъ 28 дежурныхъ сестеръ въ двухъ госпиталяхъ Симферополя (въ которые перевезены теперь труднѣйшіе раненые и ампутированные изъ бараковъ), подъ надзоромъ старшей сестры Е. П. Карцевой.

2) Отрядъ транспортнаго отдѣленія, состоящій изъ 9 сестеръ подъ надзоромъ старшей сестры Е. М. Бакуниной.

Сестры обоихъ отрядовъ помѣщаются въ особенномъ домѣ, занимаемомъ Общиною въ Симферополѣ, вмѣстѣ съ

сестрой-настоятельницею Е. А. Хитрово. Въ этомъ же домѣ находится и главный цейхгаузъ Общины, въ которомъ сохраняются подъ надзоромъ одной изъ сестеръ всѣ пожертвованные Ея Императорскимъ Высочествомъ и другими частными благотворителями въ пользу раненыхъ и больныхъ предметы, какъ-то: бѣлье, обувь, посуда, чай, сахаръ, вино, медикаменты и перевязочныя вещи, отпускаемыя въ различные госпитали по письменнымъ требованіямъ сестеръ и ординаторовъ.

3) Отрядъ въ Бахчисараѣ, состоящій изъ 9 дежурныхъ сестеръ подъ надзоромъ старшихъ сестеръ Будбергъ и Чупати; имъ поручено хожденіе за больными въ госпиталяхъ Дворца, въ лагерѣ и на Оазмѣ.

4) Отрядъ изъ 3 сестеръ подъ надзоромъ сестры Линской на Бельбекѣ.

5) Отрядъ изъ 6 сестеръ въ Перекопѣ, подъ управленіемъ старшей сестры А. И. Травиной.

6) Отрядъ изъ 26 сестеръ въ Николаевѣ, и

7) Отрядъ изъ 20 сестеръ въ Херсонѣ, оба подъ управленіемъ старшей сестры В. И. Щедриной.

При всѣхъ этихъ отрядахъ находятся также небольшіе цейхгаузы въ распоряженіи сестеръ.

Умерли при исполненіи своихъ обязанностей, вѣрныя своему призванію, съ декабря 1854 г. по 1 января 1856 г. 17 сестеръ: Аленева, Ждановская, Шперлингъ, Эрбергъ, Кузнецова, Протопопова, Голубцова, Краузе, Лашкова, Бѣлоускова, Якушева, Алферова, Блюмеръ, Булгарова, Фуфаева, Данилевская и Зарубаева.

Настоящія и прошедшія событія предвѣщаютъ будущее. Будущее Крестовоздвиженской Общины предзнаменуютъ дѣйствія ея сестеръ, изложенныя здѣсь, безъ всякаго пристрастія правдолюбивыми очевидцами, и заслуживающія остаться въ памяти современниковъ. Пусть грядущее поколѣніе судитъ, въ какой мѣрѣ Община при самомъ ея началѣ осуществила благую мысль Высокой Покровительницы ея и сдѣлалась достойною цѣли ея учрежденія.

5й Октяб. 24. Пятница.

Fac-simile 1-го письма.

ПИСЬМА КЪ А. А. ПИРОГОВОЙ.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА.

(Октябрь 1854—Май 1855.)

1.

54. Октябрь 29. Пятница. (Москва).

Милая Саша [1]), пишу тебѣ отъ Лизы [2]), которая сбирается въ С.-Петербургъ, но которой я отсовѣтываю, не знаю, послушается ли. Н. П. Волковъ [3]), спасибо ему, распорядился прекрасно, такъ что тарантасъ уже нанятъ и я сегодня же часовъ въ 7—8 вечера отправляюсь далѣе съ Сохраничевымъ [4]). Поблагодари отъ меня г. Волкова. Отъѣзжаю отъ Иноземцева [5]), отобѣдавъ у Павла Петровича [6]). Дорогу, слава Богу, сдѣлали порядочно и чрезвычайно спокойно въ семейномъ отдѣленіи. Одинъ болтунъ только, который, не смотря на свои 50 лѣтъ, толковалъ только о дѣвкахъ и пакостяхъ, надоѣдалъ мнѣ по милости Витгенштейна [7]), который его затащилъ къ намъ.

Прощай, береги себя, будь здорова, цѣлую дѣтей. Благословляю и цѣлую васъ всѣхъ.

Твой

2.

Среда. 2 ноября. Харьковъ. 11 часовъ вечера.

Только что сейчасъ пріѣхали и чрезъ два часа уѣзжаемъ. Дорога отъ Курска, 200 верстъ, ужаснѣйшая: слякоть, грязь по колѣна, но вчера сдѣлался вдругъ вечеромъ морозъ при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, такъ, что зги не было видно, и мы принуждены были остановиться на 5 или 6 часовъ на станціи въ одной прегадчайшей комнатѣ.

Я еще не брился, не мылся и не перемѣнялъ бѣлья съ Петербурга. Всѣ, слава Богу, здоровы и веселы; у Обермиллера [8]) была нога стерта, такъ что чуть рожа не прикинулась; у Калашникова [9]) мальчики въ глазахъ прыгали, но все это миновалось. Прощай, душа, цѣлую тебя; теперь напишу уже изъ Севастополя.

Господь съ тобой.
Твой навсегда

3.

Екатеринославъ. Пятница. 6 ноября. 12 часовъ утра.

Наконецъ дотащились до Екатеринослава. Дорога отъ Курска, гдѣ шоссе прекратилось, невыразимо мерзка. Грязь по колѣни; мы ѣхали не болѣе 3 и даже 2 верстъ въ часъ, шагомъ; въ темнотѣ не было возможности ѣхать, не подвергаясь опасности сломить шею, и потому мы принуждены были оставаться по 6 часовъ на станціи, покуда темнота проходила. Насъ засталъ на дорогѣ около Бѣлгорода жесточайшій ураганъ [10]), который былъ также, какъ я слышу, и въ Севастополѣ. Не знаю, когда-то доѣдемъ; грязь и здѣсь ужаснѣйшая. Мы ѣдемъ трое въ тарантасѣ. Калашниковъ съ вещами въ телѣгѣ слѣдуетъ позади; ось у телѣги переломилась, ее подлецъ ямщикъ навелъ, я думаю, нарочно на сугробъ и свалилъ въ канаву. Мы до сихъ поръ всѣ, слава Богу, здоровы. Здѣсь надобно купить кой-что и именно большіе мужицкіе или охотничьи сапоги; говорятъ, что въ Крыму несосвѣтимая грязь.—Что ты дѣлаешь, моя душка, здорова ли, здоровы ли дѣти. Цѣлую васъ всѣхъ всякій день заочно и молюсь. Прощай, кланяйся Машѣ [11]) и всѣмъ нашимъ. Теперь напишу уже изъ Севастополя. Погода перемѣнчива; вчера было такъ тепло, что я уже хотѣлъ вынуть шинель, а сегодня опять холодно. Надобно сказать Антонскому [12]), что почты между Харьковымъ и Екатеринославомъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Вчера мы на одной станціи взяли курьерскихъ лошадей; не нашли ни смотрителя, ни помощника, ни ямщика, подо-

рожную не вписали въ книгу, прогоновъ не заплатили, потому что некому было платить, и уѣхали (эта станція называется Константиноградъ); содержатели почти вездѣ жиды.

Прощай еще разъ. Цѣлую тебя и дѣтей.

4.

14. Севастополь. Воскресеніе.

Пріѣхалъ въ Севастополь 12 числа и спѣшу тебя увѣдомить, милая Саша, что, слава Богу, живъ и невредимъ. Подробное письмо началъ было писать вчера; но не успѣлъ окончить; завтра ѣдетъ фельдъегерь, а мнѣ некогда; съ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера остаюсь въ госпиталѣ, гдѣ кровь течетъ рѣками, слишкомъ 4,000 раненыхъ. Скоро поѣду въ Симферополь на встрѣчу сестрамъ милосердія; усталъ, лежу и пью чай; погода сегодня, какъ въ августѣ или въ концѣ іюля у насъ, но зато вчера цѣлый день шелъ дождь. Чрезъ нѣсколько дней ты получишь первый отчетъ, который и сообщишь Здекауеру [13]) для прочтенія моимъ однокорытникамъ. Слышится трескъ бомбъ и ядеръ, къ вечеру, но не слишкомъ часто. Дѣла столько, что некогда и подумать о семейныхъ письмахъ. Чу, еще залпъ; но мы въ безопасности: остановились въ бастіонѣ № 4 Сѣверной стороны.

Не сердись, душка, что пишу мало, но скоро получишь цѣлую кучу любопытныхъ извѣстій и о дорогѣ и о нашемъ пребываніи. Я выѣзжаю утромъ въ 8 часовъ на казацкой лошади въ госпиталь и возвращаюсь весь въ крови, въ поту и въ нечистотѣ въ 4, 5 и 6 часовъ вечера. Цѣлую тебя, прижимаю къ сердцу. Поцѣлуй дѣтей, скажи себѣ и имъ, что мужъ и отецъ думаетъ объ васъ и за 2,000 верстъ.

Прощай, моя душка.

5.

12 ноября. Пятница. 1854. Севастополь.

Слава Богу, здоровый, слѣдовательно, живой прибылъ сегодня въ 12 часовъ утра въ Севастополь. Какъ былъ.

такъ и есть; такой же точно, какъ выѣхалъ изъ Петербурга, нисколько не перемѣнился, тебя люблю по прежнему, какъ?—ты это сама знаешь. Ты, я знаю, милая Саша, была бы довольна и этимъ однимъ извѣстіемъ, но есть люди, которые мѣшаются въ чужія дѣла и хотятъ непремѣнно знать, какъ и что и почему и тьму подробностей, для тебя вовсе незанимательныхъ. Я думалъ-думалъ, какъ бы угодить этимъ господамъ, а не угодить нельзя добрымъ людямъ. Тѣмъ предисловіе кончается; я дремлю послѣ реброкрушительной прогулки по Бахчисарайскому шоссе и засыпаю.

13 ноября. День моего рожденія о чемъ я вспомнилъ только сегодня, т. е. 14 ноября.

14 ноября. Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для другихъ добрыхъ людей, а, главное, и для себя, можетъ быть.

Дорога отъ Курска до Севастополя есть рядъ мученій для того, кто находится въ пріятномъ заблужденіи, что дороги назначены для уменьшенія пространства и времени въ житейскомъ сообщеніи. Я разсматриваю ихъ, какъ особенный родъ сотрясенія, полезнаго для моихъ кишекъ, и потому отношу поѣздку въ Севастополь осенью и преимущественно въ военное время къ превосходной гимнастикѣ брюшныхъ внутренностей. Толчки, перегибы, перекаты и тьма другихъ тѣлодвиженій, конечно, не вовсе безъизвѣстныхъ жителямъ Гороховой и Вознесенской [14]), встрѣчаются здѣсь въ такомъ мифологическомъ объемѣ, что, наконецъ, понятіе о ровномъ мѣстѣ начинаетъ дѣлаться чѣмъ-то вродѣ мифа. Тарантасъ нашъ оказался образцомъ прочности, однако же и онъ, благодаря усиліямъ ямщиковъ насъ опрокинуть, не устоялъ и, свалившись въ одну прекрасную ночь на бокъ въ канаву, треснулъ. Трещина, которая могла бы надѣлать намъ множество хлопотъ, къ счастью, обнаружилась въ Екатеринославѣ,—мѣстѣ, судя по тремъ вещамъ, достигшемъ уже значительной степени образованности. Эти три несомнѣнныя свидѣтельства, хотя и не совсѣмъ лестныя для нашего національнаго самолюбія, суть: во-первыхъ, аптекарскій счетъ за медикаменты, купленные мною для раненыхъ, во-вторыхъ, булки и хлѣбы изъ

крупитчатой муки, бѣлой какъ снѣгъ, въ числѣ 17, на полтину серебра, въ третьихъ, исправленіе треснувшей подушки и шкворня въ тарантасѣ каретникомъ. Если говорится объ аптекарѣ, булочникѣ и каретникѣ, то ты, разумѣется, уже догадываешься, что дѣло идетъ о нѣмцахъ, но все равно я подражаю жиденку изъ фельдшерской школы 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, который, на вопросъ мой, какъ сказать по-еврейски: здравствуй, отвѣчалъ: «gut Morgen». Харьковъ въ отношеніи образованности, несмотря на то, что университетскій городъ, стоитъ, по моему мнѣнію, гораздо ниже Екатеринослава. Харьковскій аптекарь, хотя, разумѣется, тоже нѣмецъ, несмотря на мое письменное приглашеніе и выгодиую перспективу сбыть съ рукъ свой матеріалъ, не явился, отговариваясь тѣмъ, что онъ не хочетъ; это уже, очевидно, переходъ къ восточной беззаботности. Смотритель Харьковской станціи сдѣлался вѣжливымъ только послѣ многихъ увѣреній, что я знакомъ и даже нѣсколько сродни Антонскому. Тарантасъ, исправленный совѣстливо въ Екатеринославѣ, обязанъ своею трещиною именно харьковскому ямщику, а телѣга, нагруженная нашими чемоданами и фельдшерами, едва совершенно не развалнлась отъ быстраго переката съ сугроба въ ровъ, едва ли учиненнаго не съ умысломъ также харьковскимъ ямщикомъ. Съ тѣхъ поръ участь этого экипажа сдѣлалась и продолжаетъ быть для насъ предметомъ постоянныхъ заботъ и тревогъ. Такъ какъ содержимое и содержащее этого замѣчательнаго продукта Рогожской улицы играетъ не маловажную роль въ нашей экспедиціи, то нужно на немъ остановиться нѣсколько времени. Ник. Петр. Волковъ, оказавшій столько практическаго ума и опытности въ выборѣ нашего тарантаса, слишкомъ довѣрилъ льстивымъ обѣщаніямъ Рогожскаго телѣжника, вѣроятно, тронутый его престарѣлыми лѣтами, клятвенными увѣреніями и хроническимъ удушьемъ, заставлявшимъ думать, что маститый негоціантъ телѣгъ долженъ вскорѣ предстать предъ судъ Божій. Справедливость требуетъ, впрочемъ, упомянуть, что выборъ былъ сдѣланъ не безъ строгаго, хотя и односторонняго изслѣдованія. Ник. Петр. самъ убѣдился посредствомъ осязанія указа-

тельнымъ перстомъ, что передняя ось телѣги изготовлена была по всѣмъ правиламъ искусства, т. е. снабжена снизу желѣзной полосою, но задняя ось, именно та, которая не устояла, осталась не изслѣдованною и оказалась впослѣдствіи чисто-березовою, безъ всякой металлической примѣси. Слѣдствія излишней довѣрчивости г. Волкова были пагубны. Послѣ телѣгокрушенія за Харьковомъ мы должны были разстаться съ Калашниковымъ. Этотъ ревностный чиновникъ рѣшился принести жертву наукѣ и человѣчеству и, подвергнувъ себя разлукѣ съ нами и всѣмъ опасностямъ одиночнаго странствія въ краю неизвѣстномъ и безпутномъ, принялъ начальство надъ разломанной телѣгой и ея содержимымъ съ твердымъ намѣреніемъ или умереть или доставить все въ настоящемъ видѣ въ Севастополь. Сказано—сдѣлано. Къ вящей похвалѣ этого неутомимаго офицера здравія [15]) должно прибавить, что здоровье его въ Орлѣ возбудило въ насъ большія опасенія. Онъ вдругъ, послѣ одного сытнаго обѣда, началъ видѣть мальчиковъ. Не мало было наше изумленіе, когда на станціи, ночью, сидя вмѣстѣ съ ямщикомъ, онъ началъ громко разговаривать самъ съ собой, говорить о какомъ-то мальчикѣ, о генеральшѣ Пироговой и т. п. Мы усадили его въ тарантасъ и успокаивали по возможности, но каковъ былъ нашъ ужасъ, когда онъ вдругъ заговорилъ о ватеръ-клозетѣ, а тамъ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежали икра и колбасы. Наконецъ, ужасъ нашъ перешелъ въ истинное отчаяніе, когда на всѣ увѣщанія и увѣренія съ нашей стороны, что онъ сидитъ въ тарантасѣ и что здѣсь рѣшительно никакого нѣтъ ватеръ-клозета, нашъ паціентъ отвѣчалъ прехладнокровно, все равно. Къ нашему счастію пароксизмъ бреда продолжался не долго и на слѣдующей станціи благополучно окончился обильнымъ испражненіемъ. Разставшись съ телѣгой, мы думали долетѣть мигомъ до Севастополя, но не тутъ-то было. Если станціи и дороги между Курскомъ и Харьковомъ были плохи и мало способствовали къ продолженію пути, то между Курскомъ и Екатеринославомъ онѣ сдѣлались чисто непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Трудно рѣшить, въ комъ болѣе должно искать причины: въ черноземѣ ли, расплывшемся отъ дождей въ какую-

то клейкую жижу, или въ станцiонныхъ смотрителяхъ и въ жидахъ-содержателяхъ станцiй. Одно скажу только положительно, что если Антонскiй почитаетъ почтовое управленiе въ Новороссiи достигшимъ подъ его надзоромъ хотя нѣкоторой степени не то что совершенства, а просто только одной сносности, то онъ жестоко ошибается. Доходило до того, что мы, видя безполезность всѣхъ мѣръ кротости, вытащили изъ глубины тарантаса трость, прiобрѣвшую, по мѣсту ея происхожденiя, названiе швейцарки, и начали ею валять встрѣчнаго и поперечнаго на станцiи. Это травматическое пособiе оказало блестящiй успѣхъ, такъ что на одной станцiи Константиноградѣ мы своеручно вывели курьерскихъ лошадей изъ конюшни и отправились, не заплативъ прогоновъ и не записавъ въ книгу подорожной по весьма естественной причинѣ, что не кому было ни записывать, ни получать деньги. На одной изъ этихъ станцiй жидъ-хозяинъ тѣмъ только спасся отъ крушительнаго дѣйствiя швейцарки, что залегъ посрединѣ дороги въ грязь и оттуда велъ перепалку съ нами словесно, пока наконецъ я употребилъ рѣшительныя мѣры, пустивъ фельдшера Никитина [16]) за нимъ въ атаку галопомъ. Никитинъ, хотя и воспрiявшiй, по его словамъ, при самомъ рожденiи святое крещенiе, преслѣдовалъ, однако же, непрiятеля только до тѣхъ поръ, пока услыхалъ жалобный вопль сбѣжавшихся на помощь бѣгущему евреекъ, и бросился опрометью назадъ, а между тѣмъ швейцарка побывала на спинѣ писаря, старавшагося коварно исполнить волю хозяина-жида.

6.

24 ноября 1854 г.

Ѣду сегодня въ Симферополь, дня на 4, посмотрѣть на госпиталь и узнать о сестрахъ милосердiя, которыя должны на дняхъ явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моихъ двухъ писемъ съ дороги: изъ Харькова и Екатеринослава. Въ Харьковѣ я отдалъ съ рукъ на руки станцiонному смотрителю, въ Екатеринославѣ — отослалъ на почту, оба письма въ казенныхъ конвертахъ.

Всѣ твои письма до шестого, отъ 13 ноября, получилъ; вижу, что ты, моя душка, несовсѣмъ благоразумно переносишь разлуку. Господь съ тобой, утѣшься; вѣдь ты знаешь хорошо, что съ тобой ли, безъ тебя ли, я всетаки тебя люблю больше всего на свѣтѣ, такъ о чемъ же грустить, положись на волю Божію и будь спокойна. Вмѣсто меня ограничься покуда дѣтьми, а тамъ посмотримъ. Богъ не оставитъ.

Когда я ворочусь, неизвѣстно, но разумѣется, что не буду медлить ни минуты, чтобы утѣшить тебя. Говорятъ, что они скоро будутъ бомбардировать, другіе говорятъ, что будутъ зимовать, короче здѣсь также мало знаютъ, какъ и въ Петербургѣ.

Я началъ писать журналъ моей экспедиціи и посылаю тебѣ первые 2 листка; кто интересуется, какъ, напримѣръ, Здекауеръ, Глазенапъ [17]), можешь имъ дать прочесть. Для тебя же должно знать, что я едва управляюсь съ дѣломъ и возвращаюсь вечеромъ усталый и потому журналъ мой пишу отрывками. Покуда здѣсь спокойно; отъ времени до времени слышится канонада, особливо ночью, когда мѣшаютъ работамъ; ядра до насъ еще не долетаютъ, а много, много если падаютъ въ бухту.

Матросы и солдаты убѣждены, что Севастополь не будетъ взятъ, но все покрыто мракомъ неизвѣстности; но только извѣстно и очевидно, что раненые валяются, какъ собаки, и долго, долго нужно хлопотать, пока ихъ сколько нибудь приведутъ въ положеніе, мало-мальски сносное.

Я въ Симферополѣ оставлю мой чемоданъ и все тяжелое, останусь тамъ дней пять и болѣе.

Поцѣлуй и благослови дѣтей, прощай, моя душка, не грусти, ради Бога, а то ты и на меня грусть наведешь, а покуда я доволенъ хотя тѣмъ, что моя поѣздка не безъ пользы. Всѣ четыре врача прибыли и мы восемь человѣкъ живемъ покуда вмѣстѣ въ двухъ комнатахъ.

Цѣлую, обнимаю, прижимаю къ сердцу тебя и дѣтей.

Н. И. ПИРОГОВЪ со своими обоими сыновьями.
Снимокъ съ дагеротипа.

(Начало журнала экспедиціи).

Жестокій ураганъ 2 ноября, надѣлавшій много бѣдъ нашимъ непріятелямъ, не пощадилъ и насъ; онъ насъ засталъ на дорогѣ въ темную ночь, и мы думали, что конецъ приходитъ нашему тарантасу. Представь себѣ клейкую вязкую грязь по мыщелки, темную ночь и вихорь такой, что на ногахъ не устоишь. Мы рады, рады были, что добрались шагомъ, дѣлая по 4 версты въ часъ, наконецъ, до какой-то лачуги, названной почтовымъ департаментомъ станціоннымъ домомъ, съ разбитыми окнами, съ одной грязной конурой и пьянымъ смотрителемъ. Здѣсь мы должны были, сидя, провести почти цѣлую ночь. Но все это еще было золото въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало въ самомъ Крыму; здѣсь, переѣхавъ въ Перекопѣ черезъ Днѣпръ, наше путешествіе началось съ того, что мы засѣли съ шестеркою лошадей въ грязь и просидѣли бы въ ней безъ сомнѣнія цѣлую ночь (выѣхавъ со станціи около 4 часовъ), если бы одинъ благодѣтельный хохолъ, ѣхавшій порожнемъ, не взмиловался надъ нами и не впрягъ пару воловъ; круторогіе дернули и вытянули разомъ и тарантасъ и голодную шестерку. Въ Перекопъ мы пріѣхали уже ночью и, чтобы отдохнуть отъ грязи и побоевъ, причиненныхъ лошадямъ, ямщикамъ и жидамъ, отправились въ гостинницу. При входѣ въ нее, едва не утонувъ въ огромной лужѣ, мы нашли дверь запертою на замокъ. Когда дверь послѣ различныхъ и долговременныхъ усилій съ нашей стороны наконецъ отворилась, мы вступили въ огромный запачканный сарай, посрединѣ котораго стоялъ не менѣе запачканный билліардъ; на стѣнахъ смѣлая кисть какого-то иностраннаго артиста изобразила Минина и Пожарскаго. Содержатель гостинницы, грекъ, увѣрялъ, что онъ можетъ насъ угостить прекраснымъ ужиномъ; это обѣщаніе такъ одушевило моего сопутника г. Сохраничева, что онъ заказалъ бифштексъ изъ говяжьяго филе, желая, чтобы онъ непремѣнно былъ взятъ изъ края и приготовленъ по всѣмъ правиламъ искусства. Грекъ не только обѣщалъ удовлетворить этому смѣлому гастрономическому порыву чувствъ, но еще предлагалъ

пирожки, борщъ и вино-выморозки такого чудеснаго качества, что во всемъ Крыму ему не было подобнаго. Мы усѣлись въ прiятномъ ожиданiи у окна, открывавшагося въ буфетъ, и вскорѣ мужикъ изъ Владимiра въ изорванномъ архалукѣ съ всклокоченной бородой и съ плутоватой усмѣшкой, называвшiй себя маркеромъ, подалъ намъ черезъ это окно нѣсколько кусковъ говядины, принадлежавшей нѣкогда какой-то, только ужъ никакъ не филейной, части быка, пару пирожковъ, весьма сходныхъ съ резиновыми калошами, и бутылку знаменитыхъ выморозковъ. Къ нашему счастiю, слѣдствiемъ этого ужина было только урчанiе въ животѣ и изжога.—По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мѣсту, обратившему на себя вниманiе всей Европы, исчезало всякое различiе между обыкновенными и курьерскими лошадьми и, наконецъ, за Симферополемъ кончалось обидное неравенство ѣдущаго по своей надобности и фельдъегеремъ. Все ѣдущее впередъ и назадъ, наконецъ, остановилось на станцiи въ Бахчисараѣ и почтовая дорога сдѣлалась непреодолимымъ препятствiемъ къ достиженiю Севастополя, такъ что 60 верстъ между двумя этими городами нужно было ѣхать цѣлые 2 сутокъ.—Въ Бахчисараѣ я встрѣтилъ на дорогѣ Шеншина, которому Главнокомандующiй далъ порученiе осмотрѣть и организовать временные госпитали въ Бахчисараѣ и въ Симферополѣ, объявивъ ему, что онъ отдалъ приказанiе Херсонской коммиссiи заготовить все нужное для ихъ обзаведенiя, и прибавивъ между прочимъ въ своей инструкцiи, что о слѣдствiяхъ этого порученiя Шеншинъ долженъ дать отчетъ не ему, а Министру, его же просто только увѣдомить. Шеншинъ, встрѣтившись со мною, воротился въ Бахчисарай, и мы пошли вмѣстѣ осматривать временный госпиталь. Описать, что мы нашли въ этомъ госпиталѣ, нельзя. Горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ въ двухъ казарменныхъ домишкахъ, заключавшихъ въ себѣ 360 больныхъ, положенныхъ на нарахъ одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, безъ разницы, съ нечистыми вонючими ранами возлѣ чистыхъ, въ пространствѣ по благо-

усмотрительному человѣколюбію врача и смотрителя, герметически запертыхъ при температурѣ слишкомъ 18° Р., не перевязанныхъ болѣе сутокъ, вѣроятно, также изъ человѣколюбія. Врачъ и его помощникъ, одинъ ординаторъ, оба безотвѣтныя пѣшки торчали тутъ и служили живымъ укоромъ сословію и администраціи. Шеншинъ, очевидно, доброжелающій и ревностный, но еще молодой и незнакомый съ дѣломъ человѣкъ, убѣдившись нашими доказательствами, что онъ завелъ насъ не въ госпиталь, а въ нужникъ, разразился надъ комисаромъ, зашедъ въ сарай, гдѣ нашлись спрятанными кухонные котлы, существованіе которыхъ онъ признавалъ недоказаннымъ. Крикливыя угрозы быть разжалованнымъ въ солдаты и «подлеца» опытный въ своемъ дѣлѣ комисаръ съѣлъ, не поморщившись, приложивъ два пальца къ козырьку и сказавъ про себя: «видали мы этакихъ». — Только въ Бахчисараѣ я началъ предвидѣть, въ какомъ состояніи найду раненыхъ защитниковъ Севастополя; но все-таки то, что послѣ нашелъ, превзошло всю мѣру моихъ опасеній. Отправившись изъ этого татарскаго вертограда часа въ 4 пополудни, мы доѣхали кое-какъ шагомъ, купаясь въ грязи, до Дувановъ,—послѣдней станціи предъ Севастополемъ, нисколько не замѣчая, что мы приближаемся къ театру войны и, если бы отдаленный грохотъ залповъ, отъ времени до времени доносившійся до насъ, не напоминалъ намъ, что вскорѣ сами должны сдѣлаться дѣятельными участниками въ кровопролитіи, то я бы, пожалуй, счелъ эту прогулку по грязи довольно забавною. Наконецъ, въ Дуванахъ оказались первые слѣды лагерной администраціи. Намъ отвели ночлегъ въ домѣ волостного правленія, тяготѣвшаго надъ разбѣжавшимися теперь татарами. Хозяиномъ этого дома былъ въ настоящее время комисаръ, занимавшійся продовольствіемъ войскъ и устроившійся на своей бивуачной квартирѣ не безъ комфорта. У него оказались походныя кресла, въ которыхъ я очень порядочно заснулъ и спалъ бы даже еще лучше, если бы меня не разбудили желудочные припадки Сохраничева, еще сохранившаго воспоминанія о знаменитомъ Перекопскомъ бифштексѣ. Комисаръ былъ человѣкъ, очевидно, опытный и любящій порядокъ и эти-

5*

кетъ. Онъ устроилъ изъ бочки форменный столъ, покрывъ ее доскою, а доску—краснымъ сукномъ; воспользовался и расщелиною между досками пола въ конуркѣ, стоявшей во дворѣ, приспособивъ ее къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ нуждъ человѣка. По утру мы проснулись съ мыслью, что находимся въ 16 верстахъ отъ Севастополя и что наступилъ послѣдній день нашихъ ожиданій увидѣть и услышать собственными глазами и ушами то, о чемъ мы такъ много говорили и слышали.

По дорогѣ отъ Дувановъ до Севастополя можно было уже догадаться, что подъѣзжаешь, или, правильнѣе, ползешь къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Въ вязкой грязи, толкаясь по рытвинамъ, спускаясь съ горъ и поднимаясь на горы, тянулись ряды телѣгъ и арбъ, нагруженныхъ сѣномъ, сухарями и ранеными; по 2 и по 4 человѣка на телѣгу скучены были раненые защитники Севастополя, отправлявшіеся въ Бахчисарай и оттуда въ Симферополь, гдѣ ихъ ожидала та же самая участь, т. е., быть сваленными на нары и валяться въ грязи и нечистотѣ подъ наблюденіемъ врачей. Хотя я и положилъ себѣ правиломъ врученныя мнѣ деньги Великою Княгинею, Комитетомъ [18]) и другими не давать въ руки больнымъ, но безпріютное положеніе транспортирующихся поневолѣ меня вынудило раздать имъ по 1 рублю серебромъ на телѣгу для мелочныхъ расходовъ. Около 12 часовъ утра мы поднялись на гору и намъ представился, наконецъ, Севастополь во всей красѣ. Мѣстоположеніе великолѣпное. Море и горы. Особливо часть города, извѣстная подъ именемъ Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатромъ на горѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ лучше Севастопольской бухты. Широкая (въ 1¼ версты), глубокая, извилистая, съ крутыми берегами, съ изумрудной водой и окруженная со всѣхъ сторонъ горами.

24—28 ноября. Продолженіе *).

Не смотря на грязь и тряску, я не могъ достаточно налюбоваться Севастополемъ, подъѣзжая къ нему 12 ноя-

*) Продолженіе журнала экспедиціи. Отправлено съ письмомъ отъ 13/хп. Въ виду хронологическаго порядка и для цѣльности картины приводится здѣсь. *Ред.*

бря утромъ. Наконецъ, нашъ тарантасъ остановился невдалекѣ отъ квартиры Главнокомандующаго и Великихъ Князей [19]). Мы думали сначала отыскивать Начальника Штаба, чтобъ ему представиться и, чуть было ужъ не поворотили на Сухую балку, гдѣ онъ живетъ, или, лучше, гнѣздится съ своимъ штабомъ, какъ къ счастью намъ вышелъ на встрѣчу докторъ Боссе и еще одинъ морской врачъ, высокій, дородный, съ важной физіономіей, хотя и не безъ улыбки; я его принялъ сначала за офицера и не обратилъ на него достаточнаго вниманія, которое долженъ бы былъ оказать собрату. Первою мыслью былъ притонъ. На одной станціи передъ Екатеринославомъ встрѣтившійся намъ фельдъегерь сообщилъ, между многими нелѣпостями (какъ, напримѣръ, что наши штуцерные такъ хорошо стрѣляютъ, что удивляютъ даже англичанъ), двѣ вещи, заставившія насъ призадуматься: во-первыхъ, что весь Штабъ Главнокомандующаго кочуетъ на открытомъ воздухѣ, безъ палатокъ, кто какъ можетъ, иной въ тарантасѣ, другой просто въ грязи, а самъ Главнокомандующій на пароходѣ; во-вторыхъ, что другого средства въ Севастополѣ нѣтъ передвигать ноги, какъ напяливши на нихъ охотничьи сапоги. Основываясь на этомъ, мы твердо рѣшились не разставаться, во чтобы то ни стало, съ нашимъ тарантасомъ, снабдить его снутри войлокомъ и клеенкою, а для защиты нижнихъ конечностей купить въ Екатеринославѣ за недостаткомъ охотничьихъ простые мужицкіе сапоги и длинные шерстяные чулки. Такъ и сдѣлали. Можно вообразить наше удовольствіе, когда Боссе вызвался съ необыкновенною любезностью намъ отыскать квартиру въ батареѣ чрезъ доктора Генриха, знакомаго съ мѣстностью; и дѣйствительно чрезъ полчаса намъ были отведены двѣ комнаты со сводами въ нижнемъ этажѣ сѣверной батареи № 4; въ этихъ комнатахъ лежалъ раненый генералъ Соймоновъ [23]), умершій отъ раны въ брюхо при дѣлѣ 24 октября; въ этой же батареѣ помѣщались больные и раненые офицеры и—самое важное для насъ—возлѣ нашей квартиры была госпитальная кухня; слѣдовательно и столъ нашъ былъ обезпеченъ.

Я тотчасъ же отправился къ начальнику штаба, и вы-

сокій, дородный, съ важной физіономіей, но не безъ улыбки врачъ вызвался меня провожать. По дорогѣ, берегомъ бухты, я увидалъ съ десятокъ огромныхъ пушекъ, заклепанныхъ и лежавшихъ на берегу. На вопросъ мой, что это такое, врачъ отвѣчалъ, что это слѣдствія недоразумѣнія; когда непріятель шелъ отъ сѣверныхъ фортификацій на югъ, то приказаніе Меньшикова не было понято якобы и пушки эти заклепали и сбросили съ батареи въ море, думая, что непріятель непремѣнно овладѣетъ батареею, и будетъ ими стрѣлять по городу. Теперь же, когда это предчувствіе не сбылось, то наши ловятъ свои же пушки въ морѣ, вытаскиваютъ и расклепываютъ. Изъ этого одного обстоятельства мнѣ стало ясно, что хотя приказаній главнокомандующаго и не поняли, но все таки хорошо поняли, что Севастополю несдобровать, когда бы непріятель занялъ сѣверныя укрѣпленія. И дѣйствительно, всѣ свидѣтельства очевидцевъ, и знающихъ и незнающихъ дѣла, въ томъ согласны, что, остановись непріятель на сѣверной сторонѣ города, и онъ бы просто церемоніальнымъ маршемъ могъ взойти въ него безъ малѣйшаго препятствія. Все было въ страхѣ и трепетѣ, а о защитѣ никто не думалъ. Стоитъ только посмотрѣть на Севастополь съ сѣверныхъ возвышеній и видишь предъ собой почти всю бухту съ флотомъ и весь городъ, какъ на ладони. Дурачье не поняли этого, а послѣ хвастались въ газетѣ описаніемъ глупаго и труднаго марша съ сѣвера на югъ, который спасъ городъ. Глупому крику гусей былъ одолженъ Римъ спасеніемъ, глупому маршу англо-французовъ—Севастополь. Такъ ужъ вѣрно угодно Богу, что случай и безсмысліе въ великихъ происшествіяхъ назначены играть болѣе важную роль, чѣмъ человѣческая прозорливость и остроуміе. Зачерпнувъ раза три полныя калоши грязи, я прибылъ, наконецъ, къ начальнику штаба, генералу Семякину. Онъ сидѣлъ въ нагольномъ тулупѣ и бесѣдовалъ съ своимъ врачемъ, бывшимъ моимъ ученикомъ, Геонрици [20]). У него же встрѣтился съ Баумгартеномъ. Оказалось, что и этого героя я знаю; онъ меня помнитъ, по крайней мѣрѣ, по одной операціи, которую я сдѣлалъ ему за нѣсколько лѣтъ. Поговоривъ нѣсколько

о томъ, чему нельзя помочь, я хотѣлъ было отдѣлаться этимъ однимъ визитомъ и передать мой конвертъ на имя главнокомандующаго начальнику штаба; но онъ не взялся за это и посовѣтовалъ мнѣ самому отправиться. Возвратившись къ моему тарантасу, я увидѣлъ Обермиллера, объясняющагося съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Я долженъ былъ также остановиться и отвѣчать на нѣкоторые вопросы о дорогѣ, раненыхъ, сестрахъ милосердія и т. п.—Въ 6 ч. вечера нужно было отправиться къ главнокомандующему. Свойства окружающихъ его лицъ не безъизвѣстны. Открылось, что и лейбъ-медикъ его пришелся по масти. Высокая, дородвая, съ важной физіономіей, но не безъ улыбки, особа, провожавшая меня къ начальнику штаба, былъ никто другой, какъ докторъ Таубе [21]), мой старинный паціентъ и извѣстный мнѣ и цѣлому Дерпту по оригинальному производству экзамена. Онъ былъ казеннокоштный студентъ Дерптскаго университета и имѣлъ необыкновенное отвращеніе къ экзамену на степень лекаря. Отвращеніе это дошло до болѣзненнаго состоянія, обнаружившагося подъ видомъ истерики. Когда деканъ факультета Вальтеръ [22]), не смотря на всѣ отговорки, приказалъ педелямъ доставить Таубе живого или мертваго къ себѣ на домъ для экзамена, то его, дѣйствительно, привели подъ руки и, какъ онъ объявилъ, что, сидя, не можетъ экзаменоваться, то его положили на диванъ, окружили со всѣхъ сторонъ и начали экзаменовать, стараясь отъ времени до времени освѣжать упавшія его силы холодною водою. Я никакъ не могъ догадаться, что блѣдный, какъ полотно, и изможденный экзаминандъ Дерптскаго университета есть одно и то же лицо съ дороднымъ, важнымъ, хотя и не безъ улыбки, лейбъ-медикомъ главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму. Въ 6 часовъ вечера я дотащился кой-какъ до маленькаго домишка съ грязнымъ дворомъ, гдѣ засѣдалъ главнокомандующій. Едва обо мнѣ доложили, какъ дверь отворилась, и я сталъ передъ нимъ, что называется, носъ къ носу. Въ конуркѣ, аршина въ три въ длину и столько же въ ширину, стояла, сгорбившись, въ какомъ-то засаленомъ архалукѣ судьба Севастополя. У одной стѣны стояла по-

ходная кровать съ круглымъ кожаннымъ валикомъ вмѣсто подушки; у окна стоялъ столъ, освѣщенный двумя стеариновыми огарками, а у стола въ большихъ креслахъ сидѣлъ писарь, который тотчасъ же ушелъ. «Вотъ, какъ видите-съ, въ лачужкѣ-съ, принимаю васъ» были первыя слова главнокомандующаго, произнесенныя тихимъ голосомъ; за этимъ слѣдовало «хи, хи, хи» съ какимъ-то спазмодически принужденнымъ акцентомъ. «Пожалуйте, присядьте-съ», продолжалъ онъ, подавая мнѣ кресла, еще согрѣтыя сѣдалищнымъ мясомъ писаря, а самъ садясь на край кровати; «были вы у меня-съ, когда я ребро переломилъ-съ; я никакъ не могу этого вспомнить-съ».— «Былъ, Ваша Свѣтлость, но ушелъ, когда вы только что начали приходить въ себя».—Потомъ онъ распечаталъ поданный мною конвертъ, пробѣжалъ его, надѣвъ очки, и спросилъ тѣмъ же тихимъ, беззвучнымъ тономъ, видѣлъ ли я госпитали на моемъ пути. «Къ сожалѣнію, я видѣлъ одинъ, отвѣчалъ я, но въ такомъ состояніи, что желалъ бы лучше не видать его». «Да-съ, было еще хуже-съ, 24-го [23]); мы не знали, что и начать-съ, лежали-съ на голой землѣ и подъ ливнями-съ».—Есть два рода оправданій: одинъ—просто врать, а другой—говорить правду, описывая собственную вину, какъ нельзя хуже; выслушавъ такого правдолюба, поневолѣ призадумаешься, духа не достанетъ сказать: да кто же, чортъ возьми, виноватъ, какъ не ты самъ? Это именно я и подумалъ, слушая какъ старикъ сухо и безстрастно оправдывался, обвиняя самого себя.—Да, 24-го октября дѣло не было нежданное, его предвидѣли, предназначили и не позаботились. 10 и даже 11000 было выбытыхъ изъ строя, 6000 слишкомъ раненыхъ и для этихъ раненыхъ не приготовили ровно ничего; какъ собакъ, бросили ихъ на землѣ, на нарахъ, цѣлыя недѣли они не были перевязаны и даже не накормлены. Укоряли англичанъ послѣ Альмы, что они ничего не сдѣлали въ пользу раненаго непріятеля; мы сами 24 октября ничего не сдѣлали. Пріѣхавъ въ Севастополь 12 ноября, слѣдовательно, 18 дней послѣ дѣла, я нашелъ слишкомъ 2000 раненыхъ, скученныхъ вмѣстѣ, лежащихъ на грязныхъ матрацахъ, перемѣшанныхъ, и цѣлые 10 дней почти съ утра до вечера дол-

женъ былъ оперировать такихъ, которымъ операціи должно было сдѣлать тотчасъ послѣ сраженія.—Только послѣ 24-го явился начальникъ штаба и генералъ-штабъ-докторъ; до того, какъ будто и войны не было; не заготовили ни бѣлья для раненыхъ, ни транспортныхъ средствъ и, когда вдругъ къ прежнимъ раненымъ прихлынуло 6000 новыхъ, то не знали, что и начать. За кого же считаютъ солдата? Кто будетъ хорошо драться, когда онъ убѣжденъ, что раненаго его бросятъ, какъ собаку. Навѣдавшись о здоровьѣ Сузы, главнокомандующій спросилъ и о сестрахъ милосердія: «Будетъ ли-съ толкъ отъ нихъ? Чтобы не сдѣлать-съ послѣ еще 3-го сифилитическаго отдѣленія въ госпиталѣ-съ». «Не знаю, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ я, все будетъ зависѣть отъ личности женщинъ, которыя будутъ выбраны. Мысль учрежденія, очевидно, хороша и уже практически примѣнена, остается знать, какъ удастся примѣненіе у насъ». «Да-съ, правда, и у насъ теперь какая-то Дарья [24]), говорятъ, очень много-съ помогала-съ и даже сама перевязывала-съ раненыхъ подъ Альмой... А что? вы уже пріютились?»—«Мнѣ уже отвели квартиру, Ваша Свѣтлость, лучше вашей». «Хи, хи, хи, хи,—судорожно произнесенное, но съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Послѣ этого онъ началъ разбирать кучу писемъ отъ плѣнныхъ и я, спросивъ его изъ учтивости,– признаюсь, не изъ участія,—о состояніи его здоровья, счелъ за нужное убраться поскорѣе изъ жарко, нажарко натопленной лачужки, всталъ и откланялся. «Прощайте-съ, мы близко здѣсь живемъ другъ возлѣ друга-съ, и опять принужденно судорожное хи, хи, хи... Такъ окончилось свиданіе съ Провидѣніемъ Севастополя. Что же это такое? Пуфъ или правда? Что значитъ это уединеніе, это притворное спартанство? Къ чему жить въ лачужкѣ и хвастаться еще этимъ, когда можно бы жить и въ городѣ и въ батареѣ, гдѣ мы теперь живемъ. Что значитъ это смиреніе, эта тихая, прерывистая рѣчь? По дорогѣ въ Севастополь я познакомился съ двумя партіями: одна укоряетъ главнокомандующаго, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на административную часть, имѣя въ виду только одну стратегическую; къ другой принадлежалъ

именно Апраксинъ, который называлъ себя дуракомъ за то, что онъ, оставивъ жену и дѣтей, вступилъ опять въ службу, и оконтуженный возвращался во свояси. Апраксинъ, какъ кажется, добрый и честный парень, утверждалъ, что геній Меньшикова въ тайнѣ приготовляетъ огромные планы, что это—величайшій полководецъ, знающій всѣ глубины человѣческаго сердца, что онъ одинъ только можетъ спасти Севастополь и что безъ него все потеряно. Пріѣхавъ въ Севастополь, я, за исключеніемъ доктора Таубе, который nolens volens долженъ все хвалить въ своемъ паціентѣ, кромѣ его привязанности къ Радемахеру [25]), Распайлю [26]) и атомистикѣ [27]), узналъ только одну партію: ненавистниковъ, къ которой незамѣтно перешелъ я и самъ, посѣтивъ Бахчисарайскій и Севастопольскій военновременные госпитали. Главная квартира, тихая и безмолвная, какъ могила,—это уже, что ни говори, не по-русски, да и къ чему? Людямъ, у которыхъ жизнь на волоскѣ, скучать вредно. Беззаботность объ участи солдатъ (которыхъ онъ, говорятъ, ругаетъ на пропалую) и явственное пренебреженіе ко всему, что грѣетъ и живитъ, не можетъ привлечь сердца. Возможно-ли, чтобы главнокомандующій ни разу не пришелъ въ госпиталь къ солдатамъ, ни разу не сказалъ радушнаго слова тѣмъ, которые лѣзли на смерть. Я видѣлъ на Кавказѣ, что Воронцовъ приходилъ самъ къ раненымъ, раздавалъ имъ деньги, награды, а Меньшиковъ пріѣзжалъ только однажды въ госпиталь къ генералу Вильбоа и не пришелъ взглянуть, какъ лежали на нарахъ скученные, замаранные, полусгнившіе легіоны, высланные на смерть.—Время покажетъ, что такое Меньшиковъ, какъ полководецъ; но, если даже онъ и защититъ Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Онъ не можетъ или не хочетъ сочувствовать солдатамъ,—онъ плохой Цезарь. Онъ хочетъ свои недостатки прикрыть мистическимъ молчаніемъ и притворнымъ спартанствомъ; но наврядъ ли многихъ надуетъ. Дай Богъ, чтобы все это было неправда, чтобы Меньшиковъ сдѣлался, дѣйствительно, великимъ мужемъ въ исторіи, я этого ему отъ души желаю, потому что желаю видѣть Севастополь въ нашихъ

рукахъ; но то вѣрно, что солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ.—Въ 2-хъ комнатахъ, отведенныхъ намъ въ батареѣ, насъ помѣстилось четверо, а потомъ, черезъ 9 дней, когда пріѣхало еще четверо врачей, и они всѣ помѣстились тутъ же; отъ этого наша квартира сдѣлалась похожею на Нижегородскую ярмарку. По утру мы всѣ выѣзжаемъ гуртомъ на казацкихъ лошадяхъ, прикомандированныхъ къ намъ начальникомъ штаба, вечеромъ собираемся вмѣстѣ. 12 дней въ Севастополѣ прошли одинъ, какъ другой; только 3 раза удалось побывать мнѣ въ самомъ городѣ, переѣхавъ на яликѣ Нахимова; два раза я былъ въ Дворянскомъ Собраніи, въ которомъ теперь устроенъ перевязочный пунктъ; въ танцовальной залѣ лежатъ на полу человѣкъ двадцать раненыхъ, въ билліардной дѣлаются операціи, на билліардѣ расположены перевязочныя вещи; до этого дома до сихъ поръ еще не долетали непріятельскія ядра; но, когда мы посѣщали другой перевязочный пунктъ, находящійся вмѣстѣ съ временнымъ госпиталемъ въ казармахъ около морского госпиталя, то въ бухтѣ показался нашъ пароходъ и въ то же самое мгновеніе пролетѣло мимо насъ въ почтительномъ разстояніи ядро съ *) англійской батареи и упало въ воду саженяхъ въ 10 отъ парохода. Изъ этихъ казармъ видны непріятельскія батареи, разсѣянныя по возвышеніямъ южной стороны города. Онѣ **) выстроены на крутой горѣ, на которую надо подниматься пѣшкомъ и не безъ труда по склизкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горѣ, очищенъ отъ больныхъ; въ него во время бомбардировки, не смотря на выкинутый красный флагъ, летали бомбы, изъ которыхъ одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не сдѣлала вреда; расказываютъ, какъ любопытный фактъ, что во время переноски больныхъ падавшія на дворъ бомбы не повредили ни одного больного, ни одного служителя; за то въ перевязочномъ пунктѣ, который устроили было насупротивъ госпиталя, въ домѣ Уптона, одна бомба влетѣла

*) (Продолженіе у меня осталось впредь) (въ письмѣ отъ 25/XII).
**) т. е. казармы.

чрезъ крышу въ комнату, гдѣ дѣлали операціи, и оторвала у оперированнаго больного обѣ руки.

7.

У меня готово продолженіе, но я его не посылаю тебѣ теперь, потому что, прочитавъ написанное, я самъ испугался, что уже слишкомъ много сказалъ правды. Послѣ при удобномъ случаѣ ты получишь его.

Вотъ тебѣ описаніе 12-дневной жизни въ Севастополѣ отъ прибытія до поѣздки въ Симферополь.

Симферополь. 29 ноября.

По утру въ 7 часовъ замѣчается въ нашей квартирѣ необыкновенное движеніе. Все суетится. Представь себѣ, 5 молодыхъ людей, встающихъ въ одно время съ полу, въ комнатѣ, въ которой отъ чемодановъ и ящиковъ и повернуться негдѣ. Всякій ищетъ тамъ и то, гдѣ онъ никогда и ничего не клалъ. Фельдшера бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь морской водой, напяливаю сверхъ панталонъ большіе мужицкіе сапоги, купленные въ Екатеринославѣ и ежедневно питаемые саломъ, надѣваю мой дипломатическій сюртукъ, уже порядочно пропитанный различными животными началами, и сажусь пить кофе, иногда съ молокомъ, а иногда и безъ молока, закусывая хлѣбомъ, не имѣющимъ никакого притязанія называться мягкимъ. Въ 9-мъ часу крымскій казакъ приводитъ четверку верховыхъ клячъ, я надѣваю солдатскую шинель, купленную здѣсь у одного солдата и перешитую придворнымъ портнымъ, мундирную фуражку, взятую на прокатъ у Обермиллера, и сажусь на лошадь.—Эта шинель имѣетъ неоспоримыя выгоды въ Севастополѣ уже потому, что она какъ-то подъ цвѣтъ съ грязью. Цѣлая кавалькада отправляется въ госпиталь, расположенный за полверсты отъ насъ въ такъ называемыхъ баракахъ, бывшихъ морскихъ казармахъ. На кроватяхъ лежатъ немногіе раненые, большая часть — на нарахъ. Матрацы, пропитанные гноемъ и кровью, остаются дня по четыре и пять подъ больными по недостатку бѣлья и соломы.

Обыкновенно слышишь утѣшеніе, что послѣ 24-го октября было еще хуже. Въ 10-мъ часу начинается перевязка и продолжается до 2 и 3 часовъ. Въ 3 часа сносятся тѣ раненые, которымъ необходимы операціи, въ одну длинную комнату, похожую на корридоръ, и тамъ на трехъ столахъ разомъ начинаются операціи по 10 по 12 въ день и продолжаются, пока стемнѣетъ, слѣдовательно, почти до 6 часовъ. — При перевязкѣ можно видѣть ежедневно трехъ или четырехъ женщинъ; изъ нихъ одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лѣтъ 17 дѣвочка, и одна жена солдата. Кромѣ этого, я встрѣчаю иногда еще одну даму среднихъ лѣтъ въ пукляхъ и съ папиросою въ зубахъ. Это — жена какого-то моряка, кажется, приходитъ раздавать свой или другими пожертвованный чай. Дарья является теперь съ медалью на груди, полученною отъ Государя, который велѣлъ ее поцѣловать Великимъ Князьямъ, подарилъ ей 500 рублей и еще 1,000, когда выйдетъ замужъ. Она—молодая женщина, не дурна собой и, какъ кажется, легкаго десятка. Подъ Альмою она приносила бѣлье, отданное ей для стирки, и здѣсь въ первый разъ обнаружилась ея благородная наклонность помогать раненымъ. Она ассистируетъ и при операціяхъ. На дняхъ я роздалъ по рукамъ по осьмушкѣ чаю и по фунту сахару на каждаго больного изъ пожертвованныхъ суммъ, купилъ чайниковъ и вина. Женщины при насъ во время перевязки поятъ больныхъ чаемъ и раздаютъ имъ по стакану вина. Отдѣлавшись въ госпиталѣ, мы тѣмъ же порядкомъ отправляемся въ нашъ казематъ и садимся обѣдать. Обѣдъ приготовляетъ солдатъ, госпитальный поваръ. Два кушанья, борщъ или супъ и бифштексъ, составляютъ спеціальность этого повара, за другое онъ не берется; но эти блюда онъ изготовляетъ не безъ шика. Кайэнъ и пикули, отпущенные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. сер. за бутылку не худо. Иногда послѣ обѣда засыпаю, иногда играю въ шахматы, привезенные докторомъ Каде [28]) въ видѣ сюрприза. Около 8 часовъ кто-нибудь обыкновенно является для компаніи. Передъ сномъ я снимаю красную фуфайку и вытираюсь спиртомъ и потомъ засыпаю, пробуждаемый неоднократно кусаніемъ блохъ. Такъ прохо-

дитъ регулярно одинъ дёнь за другимъ. Такъ прошли 10 дней. Въ это время я былъ и въ самомъ городѣ три раза. Не пугайся, нѣтъ тутъ ничего страшнаго. Когда я былъ на другой сторонѣ бухты въ госпиталѣ, то одно ядро прожужжало по бухтѣ и упало въ саженяхъ 30-ти отъ парохода, который показался на одномъ ея концѣ. Вотъ все, что до сихъ поръ я видѣлъ, или лучше, слышалъ изъ ядеръ. Правда, всякій день, особливо къ вечеру, слышна нѣсколько времени канонада; наши препятствуютъ ихъ работамъ, они — нашимъ, но ничего не выходитъ очень серьезнаго. Дѣлаютъ также ночью вылазки небольшія въ ихъ транщеи. Жизнь, которую я веду, не позволяетъ скучать и потому мнѣ не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни дѣтей. Мыслей другихъ нѣтъ и быть не можетъ, какъ объ раненыхъ; засыпаешь, видя все раны во снѣ, пробуждаешься съ тѣмъ же. Читать и писать времени нѣтъ. Усталый, вечеромъ думаешь только, какъ бы отдохнуть. Обермиллеръ завѣдуетъ письменной частью, онъ ведетъ замѣтки и составляетъ списки раненыхъ, которые подверглись операціямъ или почему нибудь замѣчательны.

Встрѣчу съ главнокомандующимъ я описалъ, но пришлю послѣ. Пробывъ 12 дней въ Севастополѣ, я успѣлъ въ это время распредѣлить больныхъ по отдѣленіямъ, отдѣлить нечистыя раны отъ чистыхъ и оперировать почти всѣхъ запущенныхъ съ 24-го октября. Кончивъ это, отправился 25-го ноября въ Симферополь, не предвидя покуда никакого важнаго событія, хотя вранья было довольно, но все основаннаго на однихъ слухахъ и показаніяхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Эти бѣглецы большею частію нѣмцы и испанцы изъ иностраннаго легіона французской арміи; они увѣряли, что будетъ штурмъ въ день Синопской битвы [29]); кстати, скажи Ник. Ив. Пущину [30]), что я въ этотъ день былъ у Нахимова; это такой же оригиналъ; разговоръ съ нимъ сообщу послѣ, описывая мое посѣщеніе Главнокомандующаго; увѣряли также, что будетъ (штурмъ) въ день избранія Наполеона [31]), но до сихъ поръ ничего не подтвердилось, батареи непріятеля подвигаются къ нашимъ; думаютъ, что будутъ обстрѣливать нашъ флотъ, но до сихъ поръ съ 24-го ок-

тября можно всѣ дѣйствія почти что назвать бездѣйствіемъ, судя по количеству и силѣ выстрѣловъ. Что будетъ впередъ, Богъ знаетъ: останутся ли зимовать, уйдутъ ли, будутъ ли штурмовать и бомбардировать,—никто ничего не знаетъ положительно.—26 ноября я прибылъ въ Симферополь, употребивъ на проѣздъ 60-ти верстъ изъ Севастополя цѣлые два дня, и останавливаясь ночевать, потому что ночью нѣтъ средствъ ѣхать въ тарантасѣ; нашъ тарантасъ, какъ корабль во время сильной морской бури, долженъ былъ то подниматься на камни и буераки, раскинутые по дорогѣ и прикрытые толстымъ слоемъ грязи, то опускаться въ рытвины, то склоняться на бокъ почти до упаду въ глубокія колеи. Отъ Севастополя до первой станціи—Дувановъ на пространствѣ 16-ти верстъ лежатъ цѣлые десятки падшихъ лошадей и гніютъ въ грязи; орлы или родъ коршуновъ-ягнятниковъ цѣлыми стаями слетаются на падаль и гордо сидятъ, расправивши крылья, какъ Императорскіе гербы, на полусгнившихъ остовахъ. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Бахчисараѣ, посѣтивъ госпиталь, вынувъ нѣсколько пуль, сдѣлавъ три ампутаціи, раздавъ чай и сахаръ раненымъ, мы отправились далѣе и по утру часовъ въ 8 прибыли въ Симферополь. Здѣсь раненые, числомъ слишкомъ 1000, всѣ почти тяжело-раненые, разсѣяны въ 30-ти домахъ; всѣ дома публичныхъ заведеній и нѣкоторые обывательскіе заняты; нужно разъѣзжать съ утра до вечера; поэтому, занявъ одинъ только оставшійся порожнимъ нумеръ въ гостинницѣ «Золотого Якоря», я веду точно такую же жизнь, какъ и въ Севастополѣ, съ тою только разницею, что не надѣваю мужицкихъ сапоговъ и ѣмъ по картѣ, три кушанья вмѣсто двухъ. Сейчасъ получилъ бумагу отъ Статсъ-Секретаря Гофмана объ отправившихся изъ С.-Петербурга сюда *сердобольныхъ 60-ти вдовахъ*[32]), распредѣленіе которыхъ поручается также мнѣ. Но ни эти вдовы, ни сестры общины Елены Павловны еще не прибыли, а онѣ здѣсь, дѣйствительно, будутъ нужны; имъ можно будетъ поручить раздачу чая и вина раненымъ; на другую прислугу нельзя положиться.

8.

Симферополь 6-го декабря.

Пишу по почтѣ. Изъ Севастополя я тебѣ отправилъ 2 письма, изъ Симферополя—одно; всѣ съ фельдъегеремъ; одно письмо лежитъ у меня въ портфелѣ: его опасаюсь послать, потому что въ немъ много правды. Сегодня уѣзжаю въ Карасу-Базаръ, оттуда, можетъ быть, проѣду въ Ѳеодосію и потомъ обратно чрезъ Симферополь въ Севастополь. Ради Бога, моя душка, не скучай и не сѣтуй, это отнимаетъ у меня охоту работать. Терпи; начатое нужно кончить, нельзя же, предпринявъ дѣло, уѣхать, ничего не окончивъ; предстоитъ еще многое; подумай только, что мы живемъ на землѣ не для себя только, вспомни, что предъ нами разыгрывается великая драма, которой слѣдствія отзовутся, можетъ быть, чрезъ цѣлыя столѣтія; грѣшно, сложивъ руки, быть однимъ только празднымъ зрителемъ, кому Богъ далъ хоть какую-нибудь возможность участвовать въ ней. Я знаю, что для тѣхъ, кого Онъ, какъ насъ, благословилъ счастіемъ въ семейномъ кругѣ, тяжело, оставивъ тихій, пріятный бытъ, подвергать себя всѣмъ безпокойствамъ и тягостямъ разлуки съ милыми сердцу и лишеніямъ; но тому, у кого не остыло еще сердце для высокаго и святого, нельзя смотрѣть на все, что дѣлается вокругъ насъ, смотрѣть одностороннимъ эгоистическимъ взглядомъ,—и ты, которую я привыкъ уважать за твои чувства, вѣрно утѣшишься, подумавъ, что мужъ твой оставилъ тебя и дѣтей не понапрасну, а съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ не безъ пользы подвергается лишеніямъ и разлукѣ. Больше ничего не могу сказать въ утѣшеніе тебя и себя. Богъ дастъ, настанетъ день радости для насъ. Вооружись же терпѣніемъ и вѣрою въ святое Провидѣніе. Святое и высокое тебѣ не чуждо; ты во многомъ еще можешь сама мнѣ служить примѣромъ.—Я пробылъ въ Симферополѣ цѣлую недѣлю и осмотрѣлъ всѣхъ раненыхъ, разсѣянныхъ въ 20-ти разныхъ мѣстахъ. Здѣсь заняты ими всѣ публичныя мѣста: губернское правленіе, дворянское собраніе, благородный пансіонъ и много частныхъ домовъ; и

здѣсь также, какъ въ Севастополѣ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ я былъ всякій день занятъ въ госпиталяхъ осматриваніемъ больныхъ, перевязкою и операціями. Жилъ въ скверномъ нумерѣ «Золотого Якоря», по вечерамъ ловилъ блохъ и вшей, ѣздилъ по грязнымъ улицамъ и ѣлъ чудныя груши. Дней 5 тому назадъ пріѣхала сюда Крестовоздвиженская Община сестеръ Елены Павловны, числомъ до 30-ти, и принялась ревностно за дѣло; если онѣ такъ будутъ заниматься, какъ теперь, то принесутъ, нѣтъ сомнѣнія, много пользы. Онѣ день и ночь попеременно бываютъ въ госпиталяхъ, помогаютъ при перевязкѣ, бываютъ и при операціяхъ, раздаютъ больнымъ чай и вино и наблюдаютъ за служителями и за смотрителями и даже за врачами. Присутствіе женщины, опрятно одѣтой и съ участіемъ помогающей, оживляетъ плачевную юдоль страданій и бѣдствій. Но еще должны пріѣхать сердобольныя Императрицы, и я недавно получилъ письмо отъ статсъ-секретаря Гофмана, въ которомъ распоряженіе этихъ вдовъ поручается также мнѣ. Чтобы избѣжать столкновенія между женщинами, принадлежащими различнымъ вѣдомствамъ, хотя и назначенными для одной цѣли, я долженъ размѣстить первую общину отдѣльно отъ второй и потому посылаю сестеръ Елены Павловны въ Севастополь, въ Бахчисарай и Карасубазаръ, а вдовъ оставляю покуда въ Симферополѣ. Не знаю, каково-то имъ будетъ въ Севастополѣ; здѣсь, въ Симферополѣ, у нихъ есть хорошая квартира и имъ даютъ экипажъ, а въ Севастополѣ имъ придется жить между самыми больными, въ баракахъ, и ходить пѣшкомъ въ сапогахъ по грязи; нѣкоторымъ изъ нихъ это не покажется (пріятнымъ), но тутъ-то и видно будетъ, кто изъ нихъ взялся за дѣло по призванію, а не изъ другихъ видовъ. Сама директриса, женщина еще не старая, въ очкахъ, управляется до сихъ поръ съ ними довольно хорошо, поступаетъ энергически и, разъѣзжая по госпиталямъ, наблюдаетъ за ними. Между ними есть и хорошо образованныя: одна монахиня или послушница, одна вдова какого-то офицера, наша Л о д е, говорящая на пяти различныхъ нарѣчіяхъ и выбирающая преимущественно раненыхъ плѣнныхъ, восторженная и удивляющаяся нерѣдко красотѣ мужчинъ. На

этихъ дняхъ пріѣхали двое врачей изъ Дунайской арміи: одинъ мой ученикъ, а другой — Джульяни, племянникъ Вандрамини, знакомый Шульца [33]), съ неисчислимымъ запасомъ разсказовъ, заставляющихъ хохотать отъ души, и успѣвшій уже сдѣлаться любимцемъ госпожи Лоде, которому она открыла, что она готова переносить въ ея новомъ призваніи все, исключая des choses indecentes, вслѣдствіе чего учтивый Джульяни при ней прикрываетъ раненыхъ простынями и одѣялами. Самая ужасная вещь—это недостатокъ транспортныхъ средствъ, отчего больные постоянно накопляются въ различныхъ мѣстахъ, должны поневолѣ оставаться иногда цѣлые дни и ночи на полу безъ матрацовъ и безъ бѣлья и терпѣть отъ перевозки въ тряскихъ телѣгахъ и по сквернѣйшей дорогѣ въ свѣтѣ; отъ этого самыя простыя раны портятся и больные еще болѣе заболѣваютъ. Смотря на этихъ несчастныхъ, благодаришь Бога и миришься со всѣми лишеніями, видя, что есть люди, которые безъ ропота переносятъ то, что казалось бы невыносимымъ для человѣка. Весь свой багажъ, исключая мѣшка и погребца, тарантасъ и пр. я оставилъ въ Симферополѣ и отправляюсь теперь налегкѣ; это одно средство выиграть время въ переѣздахъ, иначе, страшно сказать, ѣдешь 60 верстъ цѣлые 2 сутокъ. Погода здѣсь безпрестанно перемѣняется: то вдругъ тепло, какъ у насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, то вдругъ ливень, морозовъ однако же до сихъ поръ еще не было, и шуба моя уже давно лежитъ припрятана въ чемоданѣ; солдатская шинель и иногда бекешь замѣняютъ ее вполнѣ. По крайней мѣрѣ еще недѣли 2 не предвидится никакого серьезнаго дѣла въ Севастополѣ; наши дѣлаютъ ночью небольшія вылазки: въ одной изъ нихъ наши унесли на рукахъ три мортиры съ непріятельской батареи; одинъ казакъ схватилъ спящаго французскаго офицера, тотъ ему откусилъ носъ, а казакъ, руки котораго обхватили крѣпко француза, укусилъ его въ щеку и такъ доставилъ его плѣннымъ. Непріятель подвигается, однако же, все ближе; ждутъ еще новаго десанта; но ничего вѣрнаго. Великіе князья проѣхали отсюда ночью въ Петербургъ,—говорятъ, что Императрица нездорова,—и хотѣли опять возвратиться; но наврядъ-ли:

имъ, я думаю, жизнь въ Севастополѣ порядочно надоѣла. Изъ новыхъ знакомствъ, которыя я долженъ былъ сдѣлать въ Симферополѣ, можно назвать только три замѣчательныя: Княжевичъ [34]), предсѣдатель казенной палаты, которому поручены также сердобольныя, докторъ Арендтъ[35]), братъ нашего Арендта, человѣкъ также живой и разсѣянный, какъ и нашъ, отличающійся однакожъ отъ него двумя трубочками, которыя онъ постоянно носитъ въ носу, вдыхая изъ нихъ креозотъ отъ одышки, и еще мой старый товарищъ Московскаго университета, котораго я послѣ 27 лѣтъ вчера въ первый разъ увидѣлъ мертвецки пьянаго. Ты мнѣ писала нѣсколько разъ о Сартори, Шульцѣ и проч., но я заочно ничего не могу сдѣлать; нужно уже обождать, пока, Богъ дастъ, ворочусь. Скажи только Шульцу, чтобы онъ, по обыкновенію своему, не лѣнился и исполнилъ бы совѣстливо ту работу, которую я ему поручилъ. Мюнцловъ, если онъ не жидъ, можетъ подождать, ему дѣла не много досталось отъ меня, чтобъ такъ хлопотать о деньгахъ. Въ Симферополѣ новый генералъ-губернаторъ, Адлербергъ; не знаю, какъ-то онъ справится, но положеніе не завидное; къ веснѣ, я думаю, если будетъ все такъ продолжаться, какъ теперь, что разовьется тифъ или что-нибудь хуже отъ этого стеченія раненыхъ и безпорядка въ транспортѣ; если подумаешь, что въ Севастополѣ англичане хоронятъ ихъ мертвыхъ, зарывая только на аршинъ, что кругомъ на воздухѣ гніютъ внутренности убитыхъ животныхъ, вездѣ вокругъ лежитъ падаль, да если еще къ этому начнутся весною жары, то весь край будетъ въ опасности заразиться. Я это толковалъ Адлербергу и подалъ ему докладную записку; но онъ жалуется на недостатокъ транспортныхъ средствъ и самъ не знаетъ, что начать. Въ Севастополѣ теперь тысячи 3 слишкомъ больныхъ и раненыхъ, въ Симферополѣ 4, въ Карасубазарѣ 700, въ Бахчисараѣ 500, въ Ѳеодосіи 1,500, вывозу нѣтъ, а другихъ мѣстъ въ цѣломъ Крыму до Перекопа также нѣтъ, да еще если къ этому пришлютъ новое число раненыхъ, то тогда уже Богъ знаетъ, какъ справиться. Но великъ русскій Богъ, надо надѣяться и молиться. Если увидишь Софію Андреевну Суза, то скажи ей, что я въ Симферо-

полѣ всякій день видѣлся съ молодымъ Меньшиковымъ; онъ, контуженный въ голову, проживаетъ здѣсь и, кажется, скоро опять отправится въ Севастополь.

Сегодня день имянинъ Коли, здоровъ ли онъ, здоровы ли вы всѣ, Господь съ вами, сегодня я буду пить его и мое здоровье Крымскимъ мускатомъ, похожимъ на Chateau d'Yquem; другого теперь здѣсь и найти нельзя, хересу уже давно нѣтъ и найти нельзя. Скажи, пожалуйста, женѣ Никитина, чтобы она ему переслала письма вмѣстѣ съ твоими. Кланяйся всѣмъ нашимъ.. Что-то дѣлаетъ Маша, здорова ли она, кланяйся и поцѣлуй ее. Береги себя и дѣтей. Если бы я зналъ, что вы всѣ здоровы, то все прочее мнѣ нипочемъ. Цѣлую тебя, моя милая душка, а ты поцѣлуй и благослови дѣтей, скажи, чтобы они берегли себя, слушались бы и хорошо учились. Твой на вѣки.

Письма дѣтскія и коробку отъ Лоде я получилъ.

9.

13 декабря. Бахчисарай.

Вчера получилъ твое письмо отъ 30 ноября; ты все жалуешься и сѣтуешь. Утѣшься, мой милый душенокъ; я пишу, сколько могу, и могъ бы чаще къ тебѣ отправлять письма, но не всегда попадаю на фельдъегерей, особливо въ послѣднія 2 недѣли, когда я былъ въ разъѣздахъ; такъ что послѣднее письмо—изъ Симферополя съ почтою (отъ 6 декабря) и не знаю, когда ты его получишь.

Будь спокойна, мой ангелъ, и надѣйся на Бога, я до сихъ поръ, слава Всевышнему, живъ и здоровъ. И такъ, если не получишь долѣе обыкновеннаго извѣстія, то это значитъ, что я въ отсутствіи, а если бы что случилось, то, какъ бы мнѣ это горько не было, я бы все-таки тебя извѣстилъ. Не грусти же, душенокъ, повторяю тебѣ, береги себя для меня и для дѣтей, а то и я беречь себя не буду. Я сегодня же отправляюсь въ Севастополь; мы дорогу изъ Симферополя въ Севастополь дѣлаемъ верхомъ, 70 верстъ, иначе нѣтъ возможности, такъ скверна

дорога. Письмо, которое ты при этомъ получишь, не показывай покуда никому, тутъ я говорю кой-что про Меньшикова, чтобы это не разошлось. Чтобы не потерять счету: я къ тебѣ отправилъ 3 письма съ дороги (изъ Москвы, Харькова, Екатеринослава), 2 изъ Севастополя (чрезъ Медиц. Департаментъ), 1 изъ Симферополя, по почтѣ, и 1 изъ Бахчисарая теперь, тоже съ фельдъегеремъ. Будь увѣрена, что я не лѣнюсь и помню о тебѣ; а главное, повторяю, береги себя. Сегодня, здѣсь въ первый разъ морозитъ, а то до сихъ поръ стояла или чудеснѣйшая лѣтняя погода, или дождь лилъ безъ милосердія; вчера еще въ саду Бахчисарайскаго дворца я видѣлъ двѣ дикія розы въ цвѣту; мое путешествіе и самый Бахчисарай я тебѣ опишу послѣ. Не видалъ Севастополя уже 2 недѣли почти, знаю только по слухамъ, что тамъ дѣлается. Сюда прибылъ Сакенъ, и теперь всѣ надѣются, что пойдетъ лучше; но, когда и какъ все кончится, еще никто и ничего не знаетъ, и я не знаю, когда мнѣ нужно будетъ уѣхать отсюда съ тріумфомъ побѣды или улепетывать; впрочемъ, всѣ надѣются. «Будетъ-ли взятъ Севастополь», я спрашивалъ у матросовъ. «Не надѣемся-съ, отвѣчали они,—прежде могли-бы взять, а теперь такъ нѣтъ-съ». Про сестеръ милосердія я тебѣ писалъ въ письмѣ изъ Симферополя; если Великая Княгиня пришлетъ еще къ тебѣ узнать, то скажи, что сестры до сихъ поръ принялись съ ревностью ухаживать за больными, такъ что 2 занемогли, но, надѣюсь, выздоровятъ; до сихъ поръ ничего не слышно о любовныхъ интригахъ съ офицерами, но, какъ объ этомъ начали было поговаривать, то я запретилъ посылать сестеръ къ юнкерамъ, тѣмъ болѣе, что между ними мало опасно раненыхъ; 5 изъ нихъ будутъ жить въ Бахчисараѣ, а остальныя всѣ переѣдутъ въ Севастополь; сердобольныя Императрицы, адресованныя Гофманомъ ко мнѣ, еще не пріѣхали и останутся, пріѣхавъ, въ Симферополѣ; черезъ это надѣюсь избѣжать различныхъ столкновеній между ними. Больнымъ здѣсь все еще худо, перевозъ ихъ изъ одного мѣста въ другое ужасенъ: въ некрытыхъ телѣгахъ, безъ шубъ, ночлеги на открытомъ воздухѣ или въ холодныхъ избахъ, потомъ переѣздъ въ лодкахъ черезъ Днѣпръ верстъ 17;

но и объ этомъ напишу тебѣ подробно послѣ. Прощай, мой душенокъ, будь спокойна, по крайней мѣрѣ, если не можешь быть веселою, береги дѣтей, цѣлуй ихъ, благослови ихъ. Смотри же о Меньшиковѣ въ моемъ письмѣ не говори никому. Цѣлую и обнимаю тебя.

10.

18 декабря. Севастополь. Суббота.

Получилъ твое письмо отъ 8 декабря сегодня и съ флигель-адъютантомъ Шеншинымъ посылаю тебѣ 2 письма: одно, писанное изъ Бахчисарая, во время моего проѣзда, другое—сегодня за часъ до отъѣзда Шеншина и поэтому я спѣшу; тебѣ нужно только знать, каковъ я, живъ ли, здоровъ ли, люблю ли тебя по-прежнему. Я живъ, здоровъ покуда и люблю тебя, какъ всегда; ты сама знаешь, какъ. Письмо, которое я хотѣлъ отправить изъ Бахчисарая, не отправлено, потому что не нашли фельдъегеря, и потому его взялъ Шеншинъ вмѣстѣ съ этимъ; оно по адресу конторы Ея Имп. Выс. Ел. Павл. и потому ты получишь оба письма, одно отъ Шеншина, другое же должна получить изъ конторы Ел. Павл. Если она пришлетъ спросить, то скажи, что ея сестры до сихъ поръ оказались такъ ревностными, какъ только можно требовать, день и ночь въ госпиталѣ. Двое занемогли; онѣ поставили госпитали вверхъ дномъ, заботятся о пищѣ, питьѣ, просто чудо, раздаютъ чай, вино, которое я имъ далъ. Если этакъ пойдетъ, если ихъ ревность не остынетъ, то наши госпитали будутъ похожи на дѣло. Не смотря на все это, худое начало не исправляется легко. Въ Симферополѣ лежатъ еще больные въ конюшнѣ, соломы для тюфяковъ нѣтъ и старая полусгнившая солома съ мочею и гноемъ высушивается и снова употребляется для тюфяковъ; соломы здѣсь уже совсѣмъ нѣтъ (въ Севастополѣ), пудъ сѣна стоитъ 1 руб. 75 к. серебр. Въ открытыхъ телѣгахъ, безъ тулуповъ, везутъ больныхъ въ теченіи 7 дней изъ Симферополя въ Перекопъ, они остаются безъ ночлега, на чистомъ полѣ, или въ нетопленныхъ татарскихъ избахъ, остаются иногда дня по 3

безъ ѣды и проч. и проч., а если будетъ еще новое дѣло, то Богъ знаетъ, что сдѣлаютъ съ ранеными. Вотъ слѣдствія безпечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготовляли, шутили, не вѣрили, не приготовлялись. Одно письмо изъ Симферополя, посланное по почтѣ, ты получишь вѣрно послѣ этого письма; я два послалъ изъ Симферополя—одно отдалъ сыну Меньшикова съ курьеромъ, а другое—по почтѣ. Пожалуйста, не пили меня, что я пишу для другихъ; ты вѣдь очень хорошо знаешь сама, что это глупость. Сартори, Мюнцлову и другимъ скажи, что я отсюда ничего не могу сдѣлать, нужно ждать моего возвращенія, если Богъ поможетъ возвратиться по добру и по здорову. На Gaz. Med. покуда подпишись. Сестра Лоде осталась съ 5 другими въ Бахчисараѣ, тамъ ея братъ. Слава Богу, что ты успокоилась. Вѣрь мнѣ, душенокъ, если ты покойна и здорова, если дѣтки веселы и здоровы, то это мнѣ даетъ силу и спокойствіе переносить всѣ труды и лишенія. Цѣлую милліонъ разъ тебя и дѣтей и благословляю васъ.

Корпіи и перевязочныхъ средствъ никогда не будетъ довольно для раненыхъ. Бинты едва моются и мокрые накладываются; и такъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

11.

25 декабря. Севастополь.

Сегодня получилъ твое письмо отъ 12 декабря и спѣшу мое отослать съ фельдъегеремъ, который отходитъ сегодня. По возвращеніи моемъ изъ Симферополя я нашелъ здѣсь все по старому, за исключеніемъ потери одного товарища, котораго ты видѣла у насъ и имя котораго ты не могла еще хорошо выговорить—Сохраничева. Пріѣхавъ изъ Симферополя, я засталъ его въ бреду, онъ узналъ и не узналъ меня и былъ уже 6 дней боленъ; еще 6 дней продолжалась болѣзнь, бредъ и молчаніе перемежались, агонія продолжалась 3 дня, больной, совершенный трупъ, безъ пульса, съ холодными руками, дышалъ и двигался судорожно. Я долженъ былъ перейти въ одну комнату вмѣстѣ съ Обермиллеромъ и Каде; отъ

этого наша квартира была похожа на что-то среднее между казармой и госпиталемъ, возлѣ насъ лежалъ умирающій и мы должны были и обѣдать, и смѣяться, и въ шахъ играть, безпрестанно слушая стоны умирающаго и видя его агонію,—ко всему привыкаешь,—я люблю перемѣнять часто бѣлье, теперь не перемѣняю его по 6 и по 7 дней, любилъ окачиваться холодною водою,—теперь не умываюсь иногда по цѣлымъ днямъ. Бѣдный Сохраничевъ, здоровый, крѣпкій, когда пріѣхалъ сюда, онъ имѣлъ какое-то предчувствіе. «Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ, взойдя въ первый разъ въ комнату, что здѣсь умеръ ген. Соймоновъ».—«Ну, такъ что же, отвѣчалъ я, я жилъ не разъ въ квартирахъ, гдѣ люди умирали».—«Нѣтъ, это все худо» сказалъ онъ.—И что же, Сохраничевъ, атеистъ, какъ это я узналъ отъ него изъ разговоровъ по дорогѣ, запретилъ себя вскрывать по смерти.

О путешествіи моемъ верхомъ изъ Симферополя чрезъ Бахчисарай я, кажется, уже писалъ къ тебѣ. Другого средства нѣтъ теперь. Вотъ уже 3-й день, какъ погода перемѣнилась; настала зима, 8—10° холода, снѣгъ, и у насъ въ комнатахъ, въ батареѣ, порядочно холодно, такъ что мы сидимъ въ солдатскихъ шинеляхъ. Въ Симферополѣ, въ Бахчисараѣ и въ Карасубазарѣ мы встрѣтили оригиналовъ, которыхъ въ Петербургѣ не встрѣтишь, и потому нужно кой-что сказать о нихъ. Въ Симферополѣ: Федоръ Алексѣевичъ и Фекла Кузминишна Цвѣтковы [36]), главный докторъ госпиталя; мы у него жили три дня, возвратившись изъ Карасубазара. Фекла Кузминишна живетъ угощеніемъ; что только она мнѣ въ эти 3 дня давала ѣсть, за то Богъ ей судья, я отъ роду ничего подобнаго не ѣлъ: варенуха, соленый гусь, пирожки, аладьи съ яблоками и безъ яблокъ и проч. и проч.; мало этого, она еще и со мной въ Севастополь отпустила икры, колбасъ, ветчины, гуся соленаго и проч. и проч. Сама Фекла Кузминишна—дама презентабельная: высокая, толстая и говоритъ малороссійскимъ діалектомъ, какъ пишетъ. У Феклы Кузминишны человѣкъ 10 дѣтей; они всѣ гуляютъ по двору, бѣгаютъ по комнатамъ и дѣлаютъ, что имъ угодно. Өедоръ Алексѣевичъ, человѣкъ чрезвычайно добрый и смирный, имѣлъ обыкновеніе при-

говаривать къ каждому слову: сдѣлайте одолженіе. Фекла Кузминишна называетъ его Ѳедюшей. Особливо непріятенъ ей директоръ госпиталей, посаженный Меньшиковымъ, баронъ фонъ-Кистеръ, котораго она называетъ клистеромъ. Безъ нея Ѳедора Алексѣевича давно бы заѣли; но, какъ только онъ начинаетъ ослабѣвать и подаваться, Фекла Кузминишна крикнетъ: «Ѳедюша», и Ѳедоръ Алексѣевичъ пріосанится и сейчасъ же скажетъ (басомъ) «сдѣлайте одолженіе».—Въ Карасубазарѣ между татарами нашелся одинъ русскій, городничій князь Звенигородскій съ фамиліей, состоящей изъ жены и двухъ дочерей. Обѣ, воспитанныя въ Полтавскомъ институтѣ, говорятъ тоже малороссійскимъ діалектомъ и съ нѣкоторыми претензіями на сантиментальность, такъ что Обермиллеръ былъ опутанъ розовыми сѣтями, отъ которыхъ едва освободился на другой день, вкусивъ осетрины за завтракомъ. Городничій Карасубазара до сихъ поръ хорошо распоряжался, дай Богъ ему здоровья, но положеніе его не завидное, онъ окруженъ татарами, которыхъ собирается въ базарные дни тысячъ до 15, а у него всего на всего 30 казаковъ и 40 старыхъ инвалидовъ; но за то онъ безпрестанно разъѣзжаетъ со своими казаками по городу и разгоняетъ всѣ скопища въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Бахчисараѣ мы оставались 2 дня и городъ, когда въ него въѣзжать верхомъ, кажется совсѣмъ другимъ, чѣмъ смотря на него изъ тарантаса. Ханскій дворецъ дѣйствительно живописенъ и я понимаю теперь, что Пушкинъ, бывши здѣсь лѣтомъ, предался поэтическимъ мечтамъ. Мы видѣли и фонтанъ слезъ и гробницу Маріи съ луною надъ крестомъ и бывшій гаремъ Гирея; на дворѣ около фонтана зеленѣлись мирты и цвѣли дикія розы, вокругъ тянется цѣпь горъ. Поутру отсюда ѣздили въ Успенскій монастырь, вырубленный въ скалѣ, и къ удивленію намъ отслужилъ молебенъ нѣмецъ, отецъ Ефремъ, принявшій грекороссійскую вѣру и родня Обермиллеру.

Здѣсь въ Севастополѣ дѣла впередъ не подвигаются, все то же и то же; всякій день раненыхъ и убитыхъ понемногу, ночью вылазки съ нашей стороны, приходятъ въ лагерь англичане и французы и передаются, говорятъ

о томъ, что хотятъ сильно бомбардировать, говорятъ и о томъ, что ждутъ десанта, говорятъ и о зимовкѣ; но все одни слухи также, какъ и въ Петербургѣ. Въ послѣдніе 2 дня мало стрѣляли; непріятель ведетъ мины у одной батареи, чтобы взорвать ровъ, наши ведутъ контръ-мину; недавно они выступили, чтобы взять изъ Байдарской долины овецъ, и имъ удалось отнять до 1000, а впрочемъ, все спокойно, какъ будто бы и ничего не бывало и, если бы не пушечные выстрѣлы отъ времени до времени съ батарей, то и забылъ бы, что находишься въ Севастополѣ. Не знаю, долго ли продолжится такая зима, но если долго, то это, можетъ быть, окажетъ какое-нибудь вліяніе. Штурмовать они покуда не сунутся, десантъ теперь тоже труденъ, и такъ вѣроятнѣе, что они останутся зимовать; хорошо укрѣпившись въ Балаклавѣ, имъ нечего бояться. Когда я уѣду изъ Севастополя, ничего не знаю, но, начавъ разныя наблюденія, распорядивъ различныя отдѣленія, не хотѣлось уѣзжать безъ результата. Впрочемъ, будущее въ рукахъ Бога и, ты знаешь, я не люблю толковать о томъ, что нужно будетъ сдѣлать. Ты хочешь мнѣ присылать разныя вещи; пришли сигаръ и кофейникъ, мой начинаетъ распаиваться, болѣе мнѣ ничего не нужно; мой тарантасъ, чемоданъ и все тяжелое я оставилъ въ Симферополѣ и здѣсь живу налегкѣ. Сестры еще сюда не пріѣзжали и теперь не скоро будутъ, потому что дорогу въ Бахчисарай занесло снѣгомъ и другой почты нѣтъ, какъ верховой; но я ожидаю ихъ сюда съ нетерпѣніемъ; онѣ здѣсь необходимы: больные, хотя и получаютъ чай, который имъ раздаютъ нѣсколько женщинъ, но не аккуратно; сестры это дѣлаютъ гораздо аккуратнѣе; скажи, что Великая Княгиня этимъ дѣйствительно оказала услугу истинную человѣчеству и сдѣлала переворотъ въ госпиталяхъ военныхъ, жаль только, что 8 сестеръ, какъ я слышу, заболѣли въ Симферополѣ. Прощай, моя душка, кланяйся Машѣ и скажи ей, чтобы она перестала дурачиться. Цѣлуй и благослови дѣтей. Обнимаю и цѣлую тебя.

12.

3 января 1855 г. Севастополь. Покуда сѣверныя укрѣпленія; я на этихъ дняхъ, вѣроятно, переѣду въ городъ, который покуда совершенно безопасенъ, потому что обѣ стороны находятся почти въ совершенномъ бездѣйствіи, за исключеніемъ ночныхъ вылазокъ съ нашей стороны, пуканье отъ которыхъ нерѣдко насъ будитъ ночью, а днемъ доставляетъ человѣкъ по десяти свѣжихъ раненыхъ. Съ Новымъ годомъ, моя душка. Хочешь ли знать, какъ я встрѣтилъ 1855-й г.? Вотъ тебѣ описаніе. Наканунѣ натопили печку жарко на жарко проклятымъ антрацитомъ; а Калашниковъ вздумалъ сдѣлать сюрпризъ намъ и за недостаткомъ шампанскаго напоилъ чѣмъ-то въ родѣ Донского, которое по его предположенію должно было произвести значительный эффектъ при откупориваніи бутылки. Сверхъ этого, собралось человѣкъ шесть вооруженныхъ папиросами и сигарами врачей для провожанія стараго года. Слѣдствіемъ всего этого былъ жестокій угаръ, который не въ состояніи была разогнать и жестокая ночная перепалка на батареяхъ. Я проснулся съ сильной головной болью и думалъ уже было остаться цѣлый день дома; но, къ счастію, не сдѣлалъ этой глупости: пошелъ въ госпиталь и немного разгулялся, не надѣясь, однако же, весело встрѣтить Новый годъ. Провидѣніе устроило иначе. Лишь только я пришелъ домой, какъ явился одинъ полковой штабъ-лекарь съ позиціи, бывшій мой ученикъ, съ приглашеніемъ отъ своего полкового командира встрѣтить у нихъ Новый годъ. Я сначала отнѣкивался, но потомъ, подумалъ и, куда ни шло, согласился. Двое изъ насъ поѣхали въ коляскѣ, я и штабъ-лекарь верхами на позицію. Что это за штука такая, позиція? А вотъ что. Верстахъ въ 5 отъ Севастополя, между горами, невдалекѣ отъ горной рѣчки, мы нашли множество разсѣянныхъ кучекъ снѣга,—вотъ уже 5 дней какъ у насъ лежитъ здѣсь снѣгъ, — подъ этими кучками скрывались землянки, сооруженныя изобрѣтательностію солдатскаго ума. Спустившись ступеней на 5 или аршина на $2^1/_2$ въ глубину, мы очутились въ довольно просторной комнатѣ

съ накрытымъ столомъ для гостей полковаго командира Одесскаго полка полк. Скюдери. Стѣны были обиты затрапезными халатами, одно окно, вдѣланное въ землю, освѣщало комнату, топилась изъ камней сложенная печка, нисколько не дымясь, несмотря на вьюгу на дворѣ,—труба изъ нее выходила наружу тоже чрезъ землю. Столъ былъ человѣкъ на 20; гости были: бригадный генералъ, полковой попъ, дивизіонный квартирмейстеръ, дивизіонный провіантмейстеръ, два штабъ-лекаря, мы втроемъ и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ. Начался обѣдъ, да еще какой! Было и заливное, и кулебяка, и дичь съ трюфелями, и желе, и паштеты, и шампанское. Знай нашихъ, а еще жалуемся на продовольствіе, говоримъ, что у насъ сухари заплеснѣвѣли. Кабы французы и англичане посмотрѣли на такой обѣдъ, такъ уже бы вѣрно ушли, потерявъ надежду овладѣть Севастополемъ. Попъ игралъ за обѣдомъ совершенно пассивную роль, за то дивизіонный квартимейстеръ, питухъ и острякъ, морилъ всѣхъ со смѣху; бригадный, толстякъ и добрякъ, двигалъ съ задумчивостію челюстями; всѣ прочіе были совершенно въ своей тарелкѣ. Хозяинъ, красавецъ собою, герой съ прострѣленной рукой, угощалъ насъ на убой. Пили за здоровье государя, заиграла музыка, грянулъ хоръ пѣвчихъ «Боже Царя храни». Къ концу стола на дворѣ послышался шумъ и гамъ; это было офицерство, натянувшееся въ другой солдатской палаткѣ и провозглавшее громкіе тосты.

Мы вышли всѣ наружу. Снѣгъ падалъ крупными хлопьями. Насъ окружали побѣлѣвшія горы, вдали на горахъ виднѣлся непріятельскій лагерь; образовали кругъ изъ музыкантовъ, пѣвчихъ и офицеровъ, и въ срединѣ этого круга, въ грязи по лодыжки, поднялась пляска. Полковой штабъ-лекарь, мой ученикъ, виртуозъ на гримасы, въ солдатской шинели, въ сапогахъ по колѣно, въ бараньей шапкѣ, отдувалъ канканъ съ прапорщикомъ, представлявшимъ петербургскаго бальнаго dandy; не утерпѣли и другіе гости: составилась мазурка; хозяинъ, полковникъ съ подвязанной рукой, и баталіонный командиръ стали также въ ряды танцующихъ. Завязался пиръ горой; я помиралъ со смѣху, нельзя было не быть весе-

лымъ, видя, какъ весело и беззаботно живетъ русскій человѣкъ; тамъ за горой, слышались пушечные выстрѣлы, въ траншеяхъ рылись и стрѣлялись; здѣсь отваливали трепака, пускались въ присядку, а одинъ солдатъ, выворотивъ наизнанку нагольный тулупъ, даже ходилъ въ грязи вверхъ ногами и такъ пятками пощелкивалъ, что любо-дорого смотрѣть было.

Кончилось, наконецъ, тѣмъ, что начали гостей поднимать на руки и качать на воздухѣ, запивая всѣ эти движенія шампанскимъ; меня также раза три приподняли такъ, что я боялся, чтобы въ грязь не шлепнуться; головную боль какъ рукой сняло, и я былъ отъ души веселъ. Уже поздно ночью мы воротились домой. Что же дѣлалось у насъ, въ главной квартирѣ? Съ утра Меньшиковъ заперъ ворота на замокъ и, подобно мнѣ, не принималъ и не отдавалъ визитовъ; это, по моему мнѣнію, не худо; но худо то, что онъ никого не угостилъ обѣдомъ; скучной и мрачной оставалась главная квартира въ Новый годъ, какъ и прежде; это—не по-русски.

И мы и союзники, у моря сидя, погоды ждемъ. Днемъ теперь почти что не стрѣляютъ, но всякую ночь ходятъ на вылазки; раненые солдаты, возвратившись съ вылазокъ, разсказываютъ, что у непріятеля около траншей снѣга нанесло съ горы; работы, кажется, впередъ не подвигаются; съ ноября мѣсяца начали переходить къ намъ французскіе и англійскіе дезертиры, начали однако же нѣмцы изъ иностраннаго легіона; изъ нихъ двухъ, бывшихъ трубочистовъ, я нашелъ въ госпиталѣ; они разсказывали, что французы ихъ надули, обѣщая свезти въ Алжиръ, а привезли въ Севастополь. Но теперь являются къ намъ и настоящіе англичане и французы, жалуясь на холодъ и плохую обувь; есть, однакожъ, у англичанъ, по разсказамъ, человѣкъ 500 мастерски одѣтыхъ: сапоги по поясъ, на плечахъ макинтоши и полушубки, на головѣ медвѣжьи шапки съ заушниками. Землянокъ они, сколько извѣстно, не дѣлаютъ, а живутъ въ парусинныхъ палаткахъ. Если зима удержится, по крайней мѣрѣ, какъ теперь, съ морозомъ градусовъ въ 8, съ вѣтромъ и снѣгомъ по лодыжки, то, можетъ быть, прокъ будетъ.

У насъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ транспорты дѣлаются все хуже и хуже; 60 верстъ между Симферополемъ и Севастополемъ нужно ѣхать въ повозкѣ недѣли двѣ, не преувеличивая; отъ этого все вздорожало: пудъ сѣна стоитъ 1 р. 75 к. сер., да и того нѣтъ; фунтъ сахару поднялся на 75 коп. сер.; вино крымское, стоившее обыкновенно много, много 1 р. сер., стоитъ теперь 9 р. сер., но мясо еще довольно дешево; сухарей у солдатъ дней 10 нѣтъ; полушубки, которые должны были прибыть къ 15 декабря, и теперь еще не пришли; водка также по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ. Можно себѣ представить, что такое транспортъ больныхъ при этихъ средствахъ. Я видѣлъ, какъ отправилось 700 больныхъ изъ Симферополя въ Перекопъ; ихъ положили по три и по четыре на татарскія арбы, безъ подстилокъ, безъ покрышекъ, въ однѣхъ солдатскихъ шинеляхъ, надѣтыхъ у иныхъ только на рубашки, и такъ повезли въ путь, продолжающійся цѣлую недѣлю; а ночлеговъ нигдѣ нѣтъ, слѣдовательно, ночуй подъ открытымъ небомъ. На этихъ дняхъ, однако же, привезли провизію, но не для людей, а для войны: бомбы и ядра изъ Екатеринослава и порохъ, котораго нѣсколько сотъ пудовъ свалили въ углу батареи, возлѣ нашей квартиры; это пріятное сосѣдство не мѣшаетъ намъ, однако же, нисколько разводить самовары и курить преспокойно табакъ. Пронеслись было слухи, что союзники хотятъ сдѣлать новый десантъ и обойти насъ со стороны сѣверныхъ укрѣпленій. Разомъ построили новую земляную батарею на четверть версты отъ нашей квартиры; говорили также о высадкѣ около Перекопа и поэтому, вѣроятно, остановили около Перекопа шедшую къ намъ дивизію. Къ намъ прибыли, однако же, резервы для укомплектованія полковъ, но также, кажется, чтобы только выждать. Война наша идетъ рѣшительно на выдержку: кто оттерпится, тотъ и правъ. О будущемъ, какъ всегда и вездѣ, никто ничего не знаетъ. Объ Остенъ-Сакенѣ, прибытіе котораго надѣлало было шума, теперь замолчали; онъ живетъ въ городѣ и, кажется, притворяется больнымъ. Ждутъ великихъ князей; до нихъ онъ, можетъ быть, нарочно прячется; большая часть непріятельскаго флота ушла: одни говорятъ—

на зимовку въ Константинополь, другіе — за свѣжимъ войскомъ. Никто ничего не знаетъ; развѣ только одинъ молчаливый князь Меньшиковъ. Не знаютъ и того, въ какой мѣрѣ нуждаются союзники и даже вообще нуждаются ли они. Только одинъ лекарь, также бывшій мой ученикъ, Бѣликовъ, служившій въ Балаклавскомъ баталіонѣ и попавшій вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ къ англичанамъ, сказывалъ мнѣ, что до 12 ноября,—въ этотъ день они его отправили обратно въ Ялту,—у него вмѣсто свѣжаго мяса давали солонину, а что теперь даютъ—неизвѣстно. Не помню, писалъ ли я къ тебѣ, что они моего достойнаго ученика ограбили и продержали на гауптвахтѣ 2 недѣли вмѣстѣ съ преступниками за одно недоразумѣніе: онъ хотѣлъ отправиться вмѣстѣ съ одною греческой фамиліей въ Ялту. Лордъ Рагланъ позволилъ этому семейству отправиться; имя Бѣликова было уже внесено въ списокъ отъѣзжавшихъ и передано капитану парохода; онъ собралъ свои пожитки, состоявшія въ шинели, калошахъ и шапкѣ, и шелъ уже на пароходъ, какъ его вдругъ остановили на дорогѣ, потребовали именное приказаніе отъ Раглана, и когда онъ сказалъ, что у него нѣтъ такого, то его посадили на гауптвахту, кормили галетами и потомъ отпустили только по ходатайству Уптона. Этотъ молодецъ, вмѣстѣ съ Кетли, бывшимъ консуломъ въ Керчи, также у нихъ въ Балаклавѣ; измѣнники ли они или принужденные—неизвѣстно; первое, однако-жъ, вѣроятнѣе. Уптонъ женатъ на дочери хана Гирея и далъ Бѣликову, при его отъѣздѣ, письмо къ своей тещѣ, ханшѣ, родомъ англичанкѣ; разумѣется, это письмо было передано губернатору. Сначала Уптонъ и др. утѣшали несчастнаго врача, что черезъ нѣсколько дней со взятіемъ Севастополя возвратятъ ему всѣ расхищенныя солдатами вещи; разсказывали ему также, что изъ Севастополя прилетаютъ къ нимъ бомбы съ письмами о сдачѣ города; но потомъ, все рѣже и рѣже стали объ этомъ поговаривать и, наконецъ, 12 ноября отпустили его съ миромъ во свояси. Отъ него я узналъ, что англичане такъ же, какъ и мы, валяютъ своихъ солдатъ розгами, раздѣвши и привязавъ сначала къ столбу; особливо достается туркамъ; онъ, содержавшись на гаупт-

вахтѣ, былъ не разъ очевидцемъ экзекуцій. Грабить они также мастера, но въ этомъ искусствѣ, кажется, уступаютъ нашимъ; по крайней мѣрѣ, на Бельбекѣ, между Симферополемъ и Севастополемъ, почти всѣ дачи, сады и т. п. разграблены нашими во время ихъ ретирады послѣ сраженія подъ Альмой.—Ник. Ив. Пущинъ мнѣ писалъ о какихъ-то злоязычныхъ слухахъ про Нахимова; скажи ему, что это враки; Нахимовъ теперь сидитъ также дома, въ городѣ, нездоровъ, но здѣсь всѣ, и именно морскіе, говорятъ о немъ, какъ онъ этого заслуживаетъ,—съ уваженіемъ.

Я написалъ къ тебѣ, по моему разсчету, изъ Севастополя: 1) одно, короткое, письмо вскорѣ по пріѣздѣ, 2) одно, длинное, за которое ты меня пилила, якобы (какъ) за писанное для другихъ, 3) изъ Симферополя—одно съ почтой, 4) тоже изъ Симферополя—одно съ курьеромъ, которое я послалъ черезъ фельдъегеря отъ сына Меньшикова; про это письмо ты мнѣ въ письмѣ отъ 25 декабря ничего не пишешь; если не получила, то справься черезъ Сузу; Меньшиковъ-молодой посылалъ его вмѣстѣ съ своими письмами и хотѣлъ кому-то въ Петербургѣ дать порученіе отправить его къ тебѣ; 5) одно—черезъ контору Елены Павловны; 6) одно черезъ флигель-адъютанта Шеншина, 7) черезъ Пеликана [37]), 8) настоящее.

Будь здорова, моя душка, храни тебя Господь для меня и дѣтей. Твоя елка была такъ же мила, какъ ты сама. Цѣлуй и благослови дѣтей; скажи, что подарокъ мой долженъ быть для нихъ дорогъ.—Если Поль Пети или Сартори нужны деньги, то пусть пришлютъ счеты сюда, а я здѣсь подпишу. Я съ этою же почтой пишу великой княгинѣ о сестрахъ, изъ которыхъ 14 захворали, а 2 умерли отъ непривычныхъ трудовъ; но Богъ ихъ, вѣрно, не оставитъ за добрыя дѣла; я описываю великой княгинѣ дѣятельность посланныхъ ею сестеръ и врачей, которые, по правдѣ, достойны похвалы. Живемъ мы теперь вчетверомъ или впятеромъ вмѣстѣ, въ 2 комнатахъ: я, Каде, Обермиллеръ, Калашниковъ и Никитинъ.

Письмо Никитина женѣ передай, а Калашниковъ отъ жены еще не получалъ ни одного письма, а послалъ уже

три. Обермиллеръ также еще ни одного не получилъ, а послалъ пять. Справься черезъ кого-нибудь, отчего это.

Твой навсегда, моя душка.

(4 января).

13.

13 января 1855. Севастополь.

Два дня тому назадъ мы переѣхали въ городъ; не думай, однакожъ, душка, что въ городѣ опаснѣе, чѣмъ въ батареѣ, гдѣ мы жили; и здѣсь и тамъ одинаково покуда безопасно; что будетъ дальше, Богъ знаетъ. Стрѣляютъ все такъ же, какъ и прежде, вообще мало; пускаютъ отъ времени до времени нѣсколько бомбъ отъ насъ и отъ него;—ты знаешь, что онъ,—это значитъ—непріятель,—не знаю, какъ наши бомбы, но непріятельскія вообще мало дѣлаютъ вреда; недавно, однакожъ, одна влетѣла въ матросскій домикъ въ Корабельной слободкѣ, убила одного мальчика и, разорвавшись, обожгла 2 маленькихъ дѣтей и мать. Но вообще это рѣдко; большая часть ихъ бомбъ такъ же, какъ и нашихъ, направлены на батареи южной стороны города; здѣсь случается, что иная, лопнувъ, разорветъ такъ человѣка, что его и по кускамъ не соберешь; всего чаще, однакоже, встрѣчаются раны штуцерными пулями. Что непріятель теперь думаетъ дѣлать, трудно рѣшить; работы его медленны, недавно онъ велъ мину противъ 4-ой южной батареи, мы вели контръ-мину, онъ узналъ это и бросилъ. Прежде все говорили, что онъ скоро откроетъ батарею противъ сѣверной бухты, гдѣ стоитъ большая часть флота; но теперь и объ этомъ стало не слышно; батарея эта видна, но безъ пушекъ, противъ нея и наши сдѣлали 2 батареи на возвышеніяхъ; говорили, что онъ хочетъ устремиться на сѣверную сторону, что будетъ новая высадка; теперь и объ этомъ ничего не слышно. Къ намъ подходятъ понемногу резервы, но транспортъ все еще труденъ, какъ и прежде. Послѣ того, какъ около шестого января были морозы градусовъ въ 7—8, и стоялъ дней 5 санный путь, все опять растаяло, сдѣлалось тепло, какъ въ апрѣлѣ, а теперь вотъ уже 3 дня

тихо, градуса 2 мороза, а на солнцѣ градусовъ 10 тепла. Непріятель, вѣрно, много терпитъ; вчера еще перешли къ намъ человѣкъ 16 англичанъ и египтянъ; жалуются на холодъ и удручающія работы; отъ насъ также иногда перебѣгаютъ то какой-нибудь полякъ, то рядовой, пропившій аммуницію. Вылазки ночныя дня 4 не дѣлаются, можетъ быть, приготавливаются къ чему-нибудь подѣльнѣе; на этихъ вылазкахъ англичанъ застаютъ въ траншеяхъ почти всегда спящихъ и потому наши вылазки въ англійскія траншеи почти всегда удачны: и бьютъ ихъ, и вяжутъ, и живьемъ берутъ; во французскихъ траншеяхъ это не такъ легко удается, французы бдительнѣе. Наши покуда переносятъ труды и перемѣну погоды еще довольно порядочно, хотя больныхъ поносами и лихорадками и у насъ довольно; но резервы на пути, около Перекопа, потеряли отъ усталости по топкой грязи, холода и изнуренія разомъ 300 человѣкъ, которыхъ поутру нашли въ грязи замерзшими. Мясо и хлѣбъ покуда есть, вино также есть, хотя и не всегда, сахаръ вздорожалъ: пудъ—17 руб. и болѣе, а дня 2 его почти совсѣмъ и достать нельзя было; но покуда все еще нельзя жаловаться на сильные недостатки, прибываютъ постепенно и полушубки для арміи. Итакъ, что будетъ изъ этого всего, никто ничего не знаетъ. Князь Меньшиковъ живетъ такъ же, какъ и прежде—какъ будто бы его и не существовало; Сакенъ, о которомъ прежде много говорили, также стихъ, его также мало слышно. Корабли на бухтѣ стоятъ спокойно; одни—въ половину или меньше вооружены, а другіе, какъ наприм., корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», и совсѣмъ безъ пушекъ, — стоятъ и зѣваютъ, пароходы, штуки 4, иногда снуютъ по бухтѣ, да вечеромъ держатъ караулъ; мачты затопленныхъ кораблей выглядываютъ изъ моря; одинъ изъ нихъ подмыло и приподняло изъ воды, по этому-то случаю, говорятъ, и «Двѣнадцать Апостоловъ» обезоружили, приготовивъ для затопленія. Шесть непріятельскихъ винтовыхъ стоятъ въ виду верстахъ въ 7 отъ входа въ бухту, всѣ другіе отосланы ими въ Стамбулъ на зимовку. Что дѣлается въ Балаклавѣ, мало извѣстно; словамъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ нельзя вѣрить, а другихъ лазутчиковъ, кажется, у насъ нѣтъ; въ какой мѣрѣ англи-

чане и французы терпятъ, мы знаемъ только изъ газетъ и отъ дезертировъ. Конца еще не скоро предвидится, но, кажется, наступленіе весны въ февралѣ должно же что-нибудь рѣшить, кто сильнѣе и настойчивѣе. Въ городѣ все тихо; мы занимаемъ домъ на Екатерининской улицѣ, которая идетъ прямо отъ пристани (Графской) въ гору и оканчивается бульваромъ, къ которому примыкаетъ возвышеніе съ батареей № 3. Квартира наша теперь огромная, комнатъ 7, всѣ меблированы, только холодны и, какъ дровъ здѣсь нѣтъ въ излишествѣ, то мы и заняли только 3 комнаты. Екатерининская улица мало пострадала отъ бомбардированія, только нижній ея конецъ, примыкающій къ батареѣ, усыпанъ черепками бомбъ; окна домовъ перебиты, и есть мѣстами пробоины въ стѣнахъ, но нѣтъ ни одного совершенно разрушеннаго дома. Въ этой улицѣ сдѣланы 4 баррикады изъ камней, въ каждой по 2 и по 4 пушки. Къ нашему жилью нужно такъ же пробираться черезъ 1 баррикаду. Мы однажды, въ прекрасную лунную ночь, гуляли вдоль нашей улицы и, заговорившись, дошли до подошвы батареи. Мы замѣтили это, когда уже увидали вблизи бомбы, которыя летали вблизи насъ. Обермиллеръ началъ жаловаться, что у него подошвы отъ страха вспотѣли; Калашниковъ увѣрялъ, что, подвергаясь во время прогулки опасностямъ, мы не можемъ надѣяться ни на какую награду; вслѣдствіе этихъ причинъ, мы воротились по отломкамъ бомбъ домой, положивъ за правило впередъ не подвергать жизнь опасности, гуляя. Впрочемъ, все это страшно и жутко издали, вблизи опасность принимаетъ совсѣмъ другой характеръ. Занятій все еще гибель, устраиваются новые госпитали, по причинѣ труднаго транспорта раненыхъ, въ самомъ городѣ; въ Дворянскомъ собраніи устроенъ уже давно перевязочный пунктъ, въ танцовальной залѣ и на хорахъ лежатъ больные, на бильярдѣ лежатъ корпія и бинты, въ буфетѣ лежатъ фельдшера. Только что сейчасъ прибыло 2-е Отдѣленіе сестеръ; начальница ихъ, Меркурова, принесла мнѣ твой и дѣтей дагерротипы; Коля—не попохожъ, серьезенъ; ты прекрасно удалась, и я цѣловалъ тебя и дѣтей нѣсколько разъ; спасибо, душка, за прекрасный подарокъ; сегодня же получилъ и письмо отъ 30 декабря. Сестры

1-го отдѣленія отъ занятій, непривычныхъ для нихъ, отъ климата и отъ усердія къ исполненію обязанностей почти всѣ переболѣли; сама ихъ начальница лежитъ при смерти: три уже умерли. Я радъ, что наконецъ хоть одно отдѣленіе сюда прибыло; оно здѣсь необходимо; некому поручить раздавать вино и чай больнымъ: всѣ здѣшнія женщины, не исключая и знаменитой Дарьи, украшенной золотой медалью, неблагонадежны и дѣлаютъ, кажется, все, чая будущія награды.

Жизнь моя здѣсь такова: я встаю въ 7, въ 8½ меня ждутъ прикомандированныя ко мнѣ распорядительнымъ начальникомъ штаба Сакена (кн. Васильчиковымъ) дрожки, и ѣду въ госпиталь, гдѣ и остаюсь до 2 и болѣе, а потомъ ѣду въ лодкѣ на другую сторону (Сѣверную) въ прежніе госпиталя и остаюсь тамъ до 4; обѣдаю 2 кушанья: борщъ и котлеты съ пикулями и кайеномъ, которые я вмѣстѣ съ сигарами и шеколадомъ отъ Маши получилъ 9 января 1855 г.; изъ 3 или 4 стклянокъ пикулей только одна уцѣлѣла, а другія разбились, но и одной совершенно достаточно. Поцѣлуй Машу, скажи ей отъ меня, чтобы она бодрилась и не ослабѣвала духомъ, надѣялась на Бога и имѣла бы полное довѣріе къ своему врачу, а моему пріятелю. Кланяйся Богд. Алекс. и Эмиліи Ам. [38]). Скажи, что Богд. Алекс. долженъ теперь перемѣнить взгляды на войну и флотъ нашъ. Кланяйся Шульцу, скажи, чтобъ онъ мнѣ что-нибудь писнулъ, и я соберусь скоро ему написать. Кланяйся Здекауеру и Сольбригу. Цѣлуй и благослови дѣтей. Благословитъ васъ Богъ, моихъ милыхъ душекъ.

14.

Севастополь 26 января 1855 г.

Твое послѣднее письмо отъ 14 января лежитъ передо мною. Вижу, что ты опять начинаешь терять терпѣніе. Это не должно быть, однажды говорю навсегда. Какъ я могу тебѣ опредѣлить навѣрное, когда возвращусь; развѣ оно зависитъ теперь отъ меня, и я не понимаю, какъ ты, зная меня, спрашиваешь о 22 марта; развѣ я когда опре-

дѣляю день или срокъ. Напрасно ты упрекаешь меня, что я тебя надулъ. Я говорилъ и тебѣ и всѣмъ, что я ѣхать или исправлять какую-либо должность никогда не буду напрашиваться, какъ я бы ни былъ убѣжденъ, что эта должность будетъ по-мнѣ; а если мнѣ дадутъ ее, то считаю за низость и малодушіе отказываться. Чѣмъ же я виноватъ и передъ кѣмъ, что у меня въ сердцѣ еще не заглохли всѣ порывы къ высокому и святому, что я не потерялъ еще силу воли жертвовать; а то, для чего я жертвую счастьемъ быть съ тобой и дѣтьми, должно быть также дорого для тебя и для нихъ. Сюда пріѣхалъ на-дняхъ старикъ Волковъ изъ Москвы, служившій въ 12 году въ ополченіи; онъ уѣхалъ отъ дѣтей и внучатъ, чтобы помогать раненымъ, и говоритъ: «Какъ же можно, батюшка, такую крѣпость отдать, а я сюда пріѣхалъ потому, что маракую и Четь-Минеи, сумѣю помочь, сумѣю и ублажить больному». Также и я думаю.—Впрочемъ, я знаю, что и ты такъ же думаешь, а написала это въ минуту горести. Отгони грусть,—вѣрь, люби и уповай. Я, слава Богу, покуда не унываю, да и скучать здѣсь времени нѣтъ, хотя бы иногда и хотѣлось поскучать о васъ, моихъ милыхъ; но день, несмотря на однообразіе осады, летитъ въ заботахъ. Я перемѣнилъ квартиру; мнѣ отвели почти цѣлый домъ на Николаевской улицѣ, дали дрожки съ одной лошадью въ мое распоряженіе, и я разъѣзжаю по 4 госпиталямъ и перевязочнымъ пунктамъ; всякій день новые раненые; у меня мой отдѣльный дворъ, состоящій изъ 10 врачей и 20 сестеръ; все вокругъ меня въ дѣятельности. До 2 и до 3 продолжается перевязка раненыхъ и операціи, потомъ я схожу обыкновенно на баркасъ и переѣзжаю черезъ бухту на Сѣверную сторону, тамъ также госпиталь, оттуда возвращаюсь къ обѣду домой, наѣвшись борща и котлетъ или котлетъ и борща, пью чашку кофе и засыпаю, въ 6 ч. вечерняя визитація, вечеромъ—повѣрки и корреспонденціи или иногда и шахматы; такъ проходитъ день за день; грохота пушекъ, лопанья бомбъ и не замѣчаешь; недавно однако же французы вздумали пустить нѣсколько ракетъ, состоящихъ изъ чугунныхъ цилиндровъ съ какимъ-то зондикомъ на концѣ, изъ которыхъ 2 упали саженяхъ въ

10 отъ нашего перевязочнаго пункта, и одна сдѣлала глубокую яму аршина въ $2^1/_2$ на улицѣ, но никому и ничему вреда не причинила; ночью слышится пальба при вылазкахъ; недавно (третьяго дня) наши у 4-й батареи Южной стороны засыпали 9 пуд. пороха въ контръ-мину и взорвали непріятельскую мину, какъ слышно, весьма удачно. За полъ-часа до взрыва перебѣжалъ къ непріятелю одинъ изъ солдатъ, полякъ, а съ 12 января перебѣжало поляковъ и подсудныхъ солдатъ человѣкъ до 15, за то и отъ нихъ, то и дѣло, къ намъ перебѣгаютъ по 3 и по 4, разсказывая разныя нелѣпости. На этихъ дняхъ, однако же, къ чему-то приготовляются,—это секретъ покуда, но когда это письмо придетъ къ тебѣ, то уже не будетъ болѣе секретомъ; отъ меня потребовали также сестеръ и двухъ хирурговъ; дѣло будетъ, какъ кажется, между Евпаторіей и Севастополемъ, да можетъ быть и у самаго Севастополя, потому что мнѣ велѣно готовить кровати для больныхъ. Мѣсто-то еще можно какъ-нибудь найти, но матрацовъ и бѣлья не хватаетъ, больные лежатъ недѣли по 3 на одномъ и томъ же грязномъ матрацѣ и въ одной и той же одеждѣ; всетаки, однакоже, теперь меньше грязи и нечистоты; сестры помогаютъ намъ усердно; жаль только, что между ними, точно такъ же, какъ и между военными въ главной квартирѣ, есть множество интригъ. Сегодня былъ въ первый разъ у Остенъ-Сакена—человѣка чрезвычайно вѣжливаго и любезнаго. Онъ объ одномъ человѣкѣ говоритъ напрямикъ правду и—подѣломъ. Я радъ, что перебрался сюда въ городъ; въ Главномъ штабѣ главнокомандующаго сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму, не въ упрекъ будь ему сказано, зѣло скучновато; хоть бы онъ острилъ побольше, а то теперь и остротъ даже отъ него не слышно. Въ городѣ хоть есть чего посмотрѣть; дома мало пострадали отъ бомбардировки, только что народу мало, за то солдатъ много; виднѣются иногда и женщины, остались нѣкоторыя, даже и жены моряковъ, такъ, одна—жена капитана Протопопова (парох. «Крымъ») поитъ больныхъ въ баракахъ на Сѣверной сторонѣ чаемъ, а сама живетъ съ мужемъ на пароходѣ, куритъ папироски и весьма уважаетъ Калашникова, съ которымъ она познакомилась при по-

сгели больныхъ.—Ты меня пожалуйста, моя душка, не торопи; не забудь, что я уже теперь вольный казакъ и заслуженный профессоръ; отслужилъ мои 25 лѣтъ по новой царской милости [39]) и отслуживаю уже еще пятилѣтіе, а служить здѣсь мнѣ во сто кратъ пріятнѣе, чѣмъ въ Академіи: я здѣсь, по крайней мѣрѣ, не вижу удручающихъ жизнь, умъ и сердце чиновническихъ лицъ, съ которыми по волѣ и неволѣ встрѣчаюсь ежедневно въ Петербургѣ. Въ войнѣ много зла, но есть и поэзія: человѣкъ, смотря смерти прямо въ рыло, какъ выражался начальникъ штаба Семякинъ, когда шелъ на приступъ съ азовцами, смотритъ и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды, много заботъ, много и разливной беззаботности. Мелочность, весь хламъ приличій, вся однообразность формъ исчезаетъ; здѣсь не видишь ни киверовъ съ лошадиными хвостами, ни эполетъ, ни чиновническихъ фраковъ и даже ордена видишь только изрѣдка,—просто все закутано въ солдатскую сермягу, въ длинные грязные сапоги, какъ дома, такъ и на дворѣ; я этотъ костюмъ довелъ до совершенства и сплю даже въ солдатской шинели. Посмотришь въ госпиталѣ, и тутъ вся наша формальность исчезаетъ: кто лежитъ на кровати, кто на нарѣ, кто на полу, кто кричитъ такъ, что уши затыкай, кто умираетъ не охнувъ, кто махорку куритъ, кто сбитень пьетъ. Теперь въ госпиталѣ на перевязочномъ пунктѣ лежитъ матросъ Кошка, по прозванію, онъ сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ, его посѣщали и великіе князья. Кошка этотъ участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ, да не только ночью, а и днемъ чудеса дѣлалъ подъ выстрѣлами. Англичане нашли у себя въ траншеяхъ двоихъ нашихъ убитыхъ и привязали ихъ, чтобы обмануть нашихъ, думая, что ихъ будутъ считать за часовыхъ. Кошка днемъ подкрался ползкомъ до траншей, нашелъ англійскія носилки, положилъ трупъ на эти носилки изъ полотна, прорѣзалъ въ нихъ дырья и пропустивъ черезъ дырья руки по плечо, надѣлъ носилки вмѣстѣ съ трупомъ себѣ на спину и потомъ опять ползкомъ съ трупомъ на спинѣ отправился назадъ во-свояси; градъ пуль былъ въ него пущенъ, шесть пуль попали въ трупъ, а онъ приползъ здоровехонекъ; теперь онъ ле-

житъ въ госпиталѣ; его хватили на вылазкѣ штыкомъ въ брюхо, но, къ счастью, штыкъ прошелъ только подъ кожей и не задѣлъ кишки. Онъ теперь уже оправился, погуливаетъ, покуриваетъ папироску и содралъ еще недавно съ попа и съ Калашникова по двугривенному на водку; съ великими князьями пріѣхалъ, говорятъ, сюда Тиммъ, и портретъ Кошки будетъ напечатанъ въ Листкѣ. Погода здѣсь опять измѣнилась. Послѣ морозовъ въ началѣ января настала весенняя погода, дня 3 тому назадъ подмерзло опять, а теперь 2 дня опять оттепель и дуетъ южный вѣтеръ; мы отворяемъ балконъ, погода какъ въ С.-Петербургѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. О дѣлахъ въ Европѣ я знаю только по слухамъ и по нѣкоторымъ запоздалымъ вѣдомостямъ; не вѣрю, чтобы миръ состоялся,—слишкомъ далеко зашли, развѣ какое чудо случится и будетъ какая-нибудь блистательная неудача съ той или съ другой стороны. Во французскихъ газетахъ я читалъ всетаки о «coup decisif»; плѣнные и дезертиры толкуютъ также о бомбардировкѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, но все это пустое,—un coup decisif теперь покуда ни съ той ни съ другой стороны невозможенъ; непріятелю, очевидно, нельзя взять Севастополь, не обошедши насъ и съ Сѣверной стороны, на штурмъ они не сунутся; чтобы обойти насъ съ Сѣверной стороны, имъ нужно сдѣлать еще сильный десантъ, а чтобы сдѣлать сильный десантъ, нужно другое время года. Что будетъ съ нашей стороны, если состоится это движеніе одного отряда, вѣроятно, къ Евпаторіи, которое теперь предполагается (и содержится въ тайнѣ), одинъ Богъ знаетъ, а ужъ вѣрно, не Меньшиковъ, который недавно, встрѣтивъ одного изъ врачей, спрашивалъ его: «Много ли раненыхъ?»—«Всякій день прибываютъ», отвѣчалъ тотъ.—«Долго ли же это будетъ продолжаться, скажите мнѣ?», сказалъ Меньшиковъ.—«Это вашей свѣтлости лучше знать».—«Поговариваютъ что-то о мирѣ», отвѣтилъ главнокомандующій.—Сколько можно судить, по разсказамъ дезертировъ, войско у англичанъ довольно деморализовано: всѣ наши вылазки противъ англичанъ гораздо лучше удаются, чѣмъ противъ французовъ, англичанъ застаютъ обыкновенно спящими въ траншеяхъ; недавно одинъ дезертиръ разсказывалъ, что лордъ Рагланъ

исчезъ, вѣроятно, что его хотятъ смѣнить; говорятъ, что если бы не удерживалъ строгій караулъ, то перешли бы къ намъ цѣлыя роты изъ legion étranger и отъ англичанъ. Дай Богъ, чтобъ эта была правда. Кораблей ихъ теперь немного видно, изъ моихъ оконъ можно насчитать только до 6, въ разстояніи 6—7 верстъ.

Скажи Шульцу, чтобы онъ во время пиленія посматривалъ за вещами, сложенными въ той комнатѣ, гдѣ стоитъ пила; вообще, мнѣ не нравится, что ты ему отдала ключъ отъ этой комнаты: въ ней сложенъ и спиртъ, и инструменты, а я знаю, каковъ надсмотрщикъ Шульцъ, и я боюсь, что половина вещей растеряется. Скажи ему, чтобы онъ пилилъ вдоль (Längsschnitte des weiblichen Beckens), какъ можно болѣе женскихъ тазовъ и дѣлалъ бы больше, чѣмъ говорилъ. Кланяйся нашей Машѣ, цѣлуй ее, кланяйся Эм. Ам., Богд. Алекс. Ради Бога, моя душка, вооружись терпѣніемъ. Не грусти, крѣпись, мужайся, надѣйся, ты у меня молодецъ, за энергіей тебѣ не въ карманъ лѣзть; помни, что чѣмъ бодрѣе ты, тѣмъ бодрѣе я. Портретъ у меня всегда въ боковомъ карманѣ у сердца. Цѣлуй и прощай, моя неоцѣненная Саша.

Прилагаемыя 2 письма отправь по адресу.

15.

30 января. Севастополь.

Спѣшу написать тебѣ, моя милая Саша, нѣсколько строкъ; сегодня ѣдетъ фельдъ-егерь. Много поэтому писать некогда. Впрочемъ, все то же, по-старому. Одна только новость о себѣ: я на этихъ дняхъ любопытствовалъ посмотрѣть наши батареи и къ этому открылся удобный случай. Адъютантъ Сакена ѣздилъ парламентеромъ къ французскому лагерю; въ это время стрѣльба съ нашей и съ непріятельской стороны прекращается и можно смотрѣть съ батарей на непріятельскій лагерь такъ же удобно, какъ смотрѣли мы въ Ораніенбаумѣ на англійскій флотъ. Я поѣхалъ на дрожкахъ на 6-й бастіонъ, отстоящій отъ моей квартиры версты $1^1/_2$. Улица, ведущая къ нему, Большая Милліонная, потерпѣла много отъ бомбъ, всѣ

дома въ ней почти разрушены; бомбы пробили крыши и отчасти стѣны, а остальное докончили наши солдатики, которымъ позволено выбирать изъ разбитыхъ домовъ стропилы, полы, двери, словомъ, все, что въ нихъ есть деревяннаго, для топки и для постройки себѣ землянокъ. Когда мы подъѣхали къ 6-му бастіону, то подняли у насъ бѣлый, парламентерный флагъ. Выстрѣлы съ батарей умолкли. Я подошелъ сначала къ стѣнѣ, находившейся уже прежде, до непріятеля, въ этой части города и со оруженной болѣе противъ татаръ, чѣмъ противъ европейскихъ непріятелей. Поэтому, за ней сдѣланъ огромный валъ и снабженъ огромными корабельными пушками. Опустили щиты, заслоняющіе нашихъ отъ выстрѣловъ, чтобы лучше можно было все видѣть, вооружились подзорными трубами и начали смотрѣть въ оба. Вдали, саженъ за 400, виднѣлась на возвышеніи непріятельская батарея, а саженяхъ въ 200 отъ насъ видны были и траншеи; изъ нихъ выстроилось также множество головъ французскихъ, любопытствующихъ подобно намъ. Нашъ парламентеръ, съ бѣлымъ знаменемъ въ рукахъ, верхомъ, сопровождаемый 3 или 4 всадниками, спускался медленно внизъ съ нашей горы въ долину; впереди ѣхалъ трубачъ и трубилъ. На углу кладбища, въ разстояніи отъ насъ саженъ 150, онъ остановился; изъ непріятельскихъ траншей выступило человѣкъ 6 пѣшихъ, изъ которыхъ одинъ также несъ бѣлое знамя; между ними былъ парламентеръ полковникъ. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы передать отъ находящихся у насъ плѣнныхъ письма и отвѣтить на вопросъ Канробера, который справлялся, нѣтъ ли у насъ въ плѣну такихъ-то. Вся конференція продолжалась съ четверть часа. Парламентеры возвратились потомъ во-свояси, щиты спустили, я сѣлъ опять на дрожки и убрался; когда я ѣхалъ уже по дорогѣ, то опять начали пускать бомбы и еще сильнѣе прежняго, чтобы вознаградить себя за напрасно потраченное время въ переговорахъ. Въ эти 2 дня были ночью сильныя канонады, чтобы препятствовать работамъ; но раненыхъ мало. Несмотря на то, у насъ дѣла вдоволь, основываемъ новые перевязочные пункты въ обывательскихъ домахъ, отдѣляемъ гангренозныхъ, которые раз-

велись довольно отъ нечистоты и времени года. Надобно отдать справедливость Калашникову, который утромъ и вечеромъ, часовъ по 5-ти, работаетъ въ гангренозномъ отдѣленіи; только человѣкъ такой, какъ онъ, привыкшій къ нечистымъ работамъ въ анатоміи, можетъ выносить столько, сколько онъ выноситъ, возясь съ гнилью и живыми трупами. Два дома заняты подъ это благоуханное отдѣленіе; хозяевамъ послѣ, если Севастополь не будетъ разрушенъ, придется все передѣлать: стѣны, полы и все пропиталось гнилью. Погода безпрестанно мѣняется. Сегодня чудеснѣйшій день, почти весенній, вчера былъ сильнѣйшій южный вѣтеръ, продолжался, однако, недолго, съ дождемъ, и опять испортилъ дорогу. Слякоть по колѣно. Я очень доволенъ своею новою квартирой; у меня есть каминъ, и мы живемъ втроемъ: я, Обермиллеръ и Калашниковъ. Никитинъ въ отдѣльной комнатѣ. За мной ухаживаютъ эти господа, какъ дѣти за отцомъ. Калашниковъ—геній хозяйства. Кто его знаетъ, откуда онъ все достаетъ, — и капустки кислой для салата, и икры, и шнапса, такъ что на недостатокъ нельзя жаловаться, нашелъ даже и баранковъ къ чаю.

Д-ръ Каде, который также жилъ съ нами и такъ часто со мною игралъ въ шахматы, отправленъ мною въ отрядъ вмѣстѣ съ Беккерсомъ [40]) къ Евпаторіи; тамъ предвидится какое-то дѣло. 8-я дивизія пришла также туда изъ Перекопа, но до сихъ поръ ничего еще не слышно, хотя прошло уже нѣсколько дней, какъ онъ уѣхалъ. Великіе князья тоже часто бываютъ въ городѣ; но Меньшикова не видать, онъ сидитъ въ своей берлогѣ, между тѣмъ какъ Сакенъ безпрестанно разъѣзжаетъ, высматривая все своими сжатыми въ булавочную головку зрачками (что придаетъ его взгляду что-то особенное, именно, что называется по-русски моргослѣпствомъ). Я писалъ тебѣ уже, что главнокомандующій морскими и сухопутными силами больше не остритъ; послѣдняя его острота осталась, кажется, съ октября на счетъ здѣшняго коменданта Кизлера, толстяка такого, что въ дверь не пролѣзетъ, и сѣдого, какъ лунь. Этотъ дородный господинъ, увидавъ телеграфическій знакъ SO, принялъ зюдъ-остъ за число 50 и прибѣжалъ къ Меньшикову, за-

пыхавшись, объявить, что 50 непріятельскихъ пароходовъ приближаются. Меньшиковъ, понявъ въ чемъ дѣло, назвалъ его «вѣтренной блондинкой». Это была послѣдняя острота. Видаюсь нерѣдко и съ Нахимовымъ, который, какъ и всѣ благомыслящіе, называетъ Меньшикова скупердяемъ. Я тебѣ писалъ уже, что наши взорвали непріятельскую мину съ успѣхомъ. Недавно (третьяго дня) повторили еще взрывъ, а на-дняхъ французы ошибочно взорвали собственную мину, думая, что мы въ этомъ мѣстѣ ведемъ контръ-мину. Не забудь, что это все дѣлается на 6 саженъ въ глубину, подъ землей. Говорятъ (плѣнники), что у французовъ сдѣлано слишкомъ двадцать галлерей, и все около 4-го бастіона, къ которому они всего ближе (на 60 саженъ) подошли. Но покуда они новымъ десантомъ не отрѣжутъ намъ дороги отъ Перекопа, бояться нечего; говорятъ, что англичане наняли сардинцевъ и хотятъ сдѣлать, кромѣ Евпаторіи, еще десантъ въ Алуштѣ на южномъ берегу и отсюда двинуться къ Симферополю, чтобы окружить насъ, тогда какъ Омеръ-паша, который также въ Евпаторіи, на пароходахъ пойдетъ изъ Евпаторіи, чтобы окружить такимъ образомъ Севастополь со всѣхъ сторонъ. Qui vivra, verra. Вотъ тебѣ почти всѣ наши новости. Тебѣ же, мой ангелъ, надо вооружиться терпѣніемъ; нѣсколько прежнихъ твоихъ писемъ, въ которыхъ выражалась такъ чудесно твоя чистая вѣра въ промыселъ Всемогущаго, успокоили было меня совершенно, а послѣднее письмо отъ 13 января опять меня встревожило, опять житейскія заботы и грусть начинаютъ одолѣвать тебя. Брось ихъ; обращайся почаще къ Тому, Кто руководитъ нами, и возложи на него все твое упованіе. Начатое нужно кончить. Покуда я чувствую, что здѣсь полезенъ, покуда Господь даетъ мнѣ силу и здоровье и покуда меня не прогнали отсюда, я долженъ начатое уладить и не возвращаться домой безъ результата; я ѣхалъ въ Севастополь не для того, чтобы только сказать, что былъ здѣсь. Успокойся же, моя душка, помни, безпрестанно помни, что твоя твердость, твое спокойствіе—это моя сила. Портретъ твой и дѣтей я ношу, какъ талисманъ, всегда при себѣ возлѣ самаго сердца. Цѣлуй и благослови дѣтей.

Шульцу дай прочесть написанное *): Нельзя ли приготовить разрѣзъ глаза въ различныхъ направленіяхъ. Попытайтесь-ка.—Сдѣлайте разрѣзы (продольные) носового канала съ помѣткой, принадлежалъ ли черепъ недѣлимымъ съ короткимъ носомъ (калмыкамъ) или же съ длиннымъ носомъ.

Не забудьте сдѣлать, сколько только возможно продольныхъ разрѣзовъ женскаго таза.

Прощай, моя несравненная. Цѣлуй дѣтей; молю Бога, чтобы всѣ вы были живы и здоровы. Кланяйся Машѣ и цѣлуй ее, кланяйся Глазенапамъ. Спѣшу отправить письмо, фельдъегерь ѣдетъ.

16.

Севастополь, 15 февраля.

Не писалъ къ тебѣ уже полторы недѣли; это оттого, что, во-первыхъ, было множество дѣла: ночью было нападеніе на редутъ, и французы отбиты съ урономъ, а во-вторыхъ, я въ это время нѣсколько прихворнулъ своимъ обычнымъ недугомъ и теперь засѣлъ дня на 4 дома. Отрыжка и вѣтры скопились, я велѣлъ себѣ сварить сенеги по твоему способу, но аптекарь сдѣлалъ мнѣ такую штуку, что меня разъ 8 жестоко пронесло. Скажи Сартори, чтобы онъ обратился, какъ можно скорѣе, въ конференцію; я писалъ Пеликану съ этимъ же письмомъ, а росписку пусть онъ потомъ подпишетъ у тебя, и ты ее спрячь. Я не знаю, получила ли ты всѣ мои письма; нужно бы было счесть. Не помнишь ли ты, сколько я денегъ пожертвованныхъ имѣлъ при себѣ, 4000 ровно или съ чѣмъ-то; письма должны лежать у меня въ столѣ, справься. Посланныхъ вещей по почтѣ еще не получилъ. Прислали за письмомъ; фельдъегерь ѣдетъ. Прощай, моя несравненная, дорогая душка; Господь съ тобою и съ дѣтками. Цѣлуй и благослови ихъ.

---

*) Написано по нѣмецки. *Ред.*

17.

Севастополь, 19 февраля.

На письмо твое, касающееся дѣлъ Березина [40]), спѣшу отвѣчать слѣдующее. Держись всѣхъ этихъ дѣлъ дальше. Я въ молодомъ Березинѣ не имѣю ни малѣйшаго довѣрія; я зналъ его, когда мальчишкой онъ еще долги дѣлалъ, выросши игралъ, проигрывалъ все, что отецъ давалъ, бралъ у всѣхъ, никому не отдавалъ; у меня еще въ 41 году взялъ 300 руб. асс., такъ они и лопнули. Н. И. Пущинъ добръ и благороденъ, но сужденія его о людяхъ не всегда справедливы. Вся эта наслѣдственность частей для дѣтей состоитъ въ 6000 р. срб. или 64 душ.; Березинъ проситъ 7000, которые послѣ передастъ моимъ дѣтямъ. Нѣтъ, этому человѣку я ни на волосъ не вѣрю. И такъ, чтобъ и помину не было объ этомъ. Только письма моего не показывай, скажи, что ты отъ меня писемъ не получала еще, и томи, тяни долѣе срока; впрочемъ, имъ ждать нельзя будетъ и тогда они увидятъ, что я не согласился на спекуляцію.

Я сижу все еще дома, мой желудокъ все не въ порядкѣ. Ослизненіе такое, что все—языкъ, зѣвъ—какъ будто покрыты слоемъ этой поганой тягучей слизи, и я думаю просидѣть еще недѣли 3 дома; мнѣ кажется, это необходимо. Между тѣмъ, здѣсь дѣла обстоятъ по старому. Недавно, однако же, придумали построить такой редутъ подъ носомъ у непріятеля, который, если окончится благополучно, то, по увѣренію нашихъ, будетъ обстрѣливать всѣ англійскіе редуты; этого мало, заложивъ его, принялись еще и за другой выше и тотъ стокарили. Въ первую ночь послѣ заложенія редута французы сдѣлали нападеніе и ворвались въ него, но съ одной стороны наши пароходы, а съ другой штыки такъ ихъ отжарили, что, по словамъ плѣнныхъ раненыхъ, les russes se sont battus comme des lions. У Евпаторіи тамъ наши были отбиты безъ результата. Эта евпаторійская экспедиція, которая въ Петербургѣ представлена, какъ рекогносцировка, очевидно, была самая глупая штука.

Интриги! Какому-нибудь генералу непремѣнно захочется что-нибудь схватить, вотъ онъ ищетъ и домогается, пока ему дадутъ чѣмъ-нибудь поковырять, а на повѣрку выйдетъ плохо.

Я во время моего затворничества буду писать къ тебѣ чаще, но понемногу; не о чемъ много. Между сестрами множество больныхъ и здѣсь, врачи также прихварываютъ. Главнокомандующій также боленъ. Нахимовъ прислалъ мнѣ изъ библіотеки много разныхъ книгъ, и я, оставаясь дома, если не сплю, наклонность ко сну есть, то читаю; главное, лишь бы Господь Богъ мнѣ вкусъ поправилъ, котораго почти совсѣмъ нѣтъ, и я, кромѣ чаю, почти ничего не ѣмъ; но такъ ничего не могу сказать, чтобы гдѣ бы болѣло или что безпокоило; короче, ты знаешь мою исторію,—когда ослизненіе у меня разгуляется, то считай на нѣсколько недѣль. Надобно имѣть терпѣніе.

Прощай, мой милый ангелъ, другъ мой неоцѣненный, моя ненаглядная Саша. Цѣлую тебя и прижимаю крѣпко, крѣпко къ груди. Благослови и расцѣлуй за меня дѣтей. Господь съ вами. Прощай и даже добраго утра.

18.

Севастополь, февраля 22.

Хожу по комнатамъ съ сигарой и съ стаканомъ воды. Вотъ ужъ выпилъ 2 стакана на тощакъ прекраснѣйшей воды, авось, послабитъ. Вчера въ первый разъ ѣлъ супъ съ курицей; вкусъ чая еще не могу провкусить, но слизи начинаетъ, слава Богу, менѣе отдѣляться. Вчера я принялъ 3-ю морскую ванну, и дѣйствіе ихъ, очевидно, благодѣтельно: какъ сядешь въ ванну, такъ какъ-будто въ раю. Сижу минутъ 15, потомъ обливаю себя ведромъ холодной морской воды и снова сажусь минутъ на 5. Кофе еще не пробовалъ; но сегодня или завтра попробую и думаю, что также теперь пойдетъ на вкусъ. Впрочемъ, сонъ довольно спокойный. Мнѣ прислали изъ библіотеки множество книгъ, и я обыкновенннно читаю, но

уставъ читать, засыпаю. На низъ безъ клистира еще не дѣйствуетъ, но завтра попробую опять сигарку съ водой.

Вотъ тебѣ, моя милая душка, бюллетень моего здоровья, изъ котораго ты видишь, что, слава Богу, идетъ лучше. Погода стоитъ здѣсь прекрасная, покуда сухая, солнечная и теплая. Во время моей болѣзни заболѣло еще 4 медика, и Обермиллеръ отличается истинно своей дѣятельностью: онъ и на перевязочномъ пунктѣ, онъ посѣщаетъ этихъ врачей и 6 сестеръ, занемогшихъ тифомъ.

Вчера навѣстилъ меня Сакенъ, но засталъ меня въ ваннѣ. Меньшиковъ отправился отсюда въ Симферополь и сдалъ команду Сакену, на долго ли—неизвѣстно; у него разболѣлся пузырь: прежняя, давнишняя его болѣзнь, онъ мочился кровью и съ жестокими болями. Всѣ этому очень рады, и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы совсѣмъ не возвращался изъ Симферополя.

Вотъ намъ бы твой желтый чай по почтѣ поскорѣе прiѣхалъ, не худо бы было.

Посылаю письмо Даля [42]), его взглядъ на наше положенiе; къ чему онъ приплелъ Сведенборга [43]), ужъ Богъ его знаетъ; но «наши кишки и тонкiя, да долгiя, хоть жилимся, да тянемся», по моему, содержитъ истинную правду.

Лишь бы насъ не покинули наши душевныя силы и наша вѣра, а то, какъ-то предчувствуешь, отстоимъ.

Я получилъ вчера послѣднее твое письмо отъ 9 февраля и плакалъ отъ радости, читая твои благородныя чувства; но молиться, молиться съ вѣрою и упованiемъ—это самое утѣшительное дѣло. Какъ помолишься поусерднѣе, такъ и чувствуешь себя надолго подкрѣпленнымъ.

Итакъ, крѣпись и молись, моя несравненная Саша; иногда ты меня упрекаешь, говоришь, Богъ тебѣ судья, иногда же говоришь, какъ нужно; я понимаю, что разлука не можетъ тебя не разстраивать и выводить иногда изъ терпѣнiя. Поэтому и не гоняюсь за всякимъ выраженiемъ. Не всякое лыко въ строку.—Вотъ только для чего ты мнѣ не напишешь подробнѣе о твоемъ здоровьѣ: твои зубы, твоя спина, твоя сыпь на рукахъ; ты мнѣ еще ни разу не написала, въ какомъ

все это положеніи, а вѣдь ты знаешь, что это для меня не все равно; особенно теперь, когда приближается весна и когда ты обыкновенно страдала; напиши, ради Бога, подробнѣе, а то и я тебѣ не буду посылать подробныхъ бюллетеней моего здоровья.

Прощай, мой несравненный ангелъ, моя душа, моя жизнь. Благослови и поцѣлуй дѣтей за меня. Богъ васъ да благословитъ всѣхъ.

19.

24 февраля.

Слава Богу, всякій день идетъ лучше. Вчера я ѣлъ съ аппетитомъ тарелку супа куринаго и жаренаго голубя. Продолжаю еще брать морскія ванны. Вотъ 2 дня уже, какъ меня слабитъ жидко, раза 3—4 въ день, чему я очень радъ и не останавливаю. Хожу по комнатамъ, сижу предъ каминомъ; вчера въ прекрасное утро выходилъ на балконъ. Сонъ хорошъ. Вотъ тебѣ, моя душка, мой бюллетень. Если такъ пойдетъ, то скоро выйду, но спѣшить не буду.

Великіе князья отсюда внезапно уѣхали ночью дня 3 или 4 тому назадъ. Говорятъ, будто императрица опять занемогла опасно.

Впрочемъ, все идетъ по-прежнему. Та же стрѣльба днемъ и ночью, на которую по привычкѣ уже не обращаешь вниманія. Съ недавняго времени непріятель пробуетъ бросать къ намъ, говорятъ, изъ-за Малахова кургана, слѣдовательно верстъ изъ-за 6, ракеты. Одна изъ нихъ упала вблизи дома, гдѣ жили великіе князья (въ Сухой Балкѣ), одна недалеко отъ Меньшикова, у 4-ой батареи, нѣсколько въ городѣ, одна въ домѣ, гдѣ живетъ Сакенъ, который было загорѣлся, но его вскорѣ потушили, одна въ домѣ, рядомъ съ домомъ, гдѣ лежатъ гангренозные больные, пробила потолокъ и углубилась въ полъ, въ другихъ мѣстахъ врылись въ землю на сажень, но поврежденій значительныхъ нигдѣ не сдѣлали. Калашниковъ выкопалъ часть этой ракеты, и она стоитъ теперь у насъ. Цѣлая должна быть длиною слишкомъ въ

сажень. Наши на этихъ дняхъ опять имъ подвели и взорвали контръ-мину, такъ что ихъ галлерею взорвали на 16 сажень. Про англичанъ уже ничего не слышно, только про однихъ французовъ, которые дѣйствуютъ и работаютъ. Но 14 февраля наши заложили новый редутъ, который долженъ обстрѣливать почти всѣ англійскіе редуты, а выше его еще другой; французы ночью сдѣлали нападеніе, но я тебѣ, кажется, писалъ уже, какъ ихъ отпотчивали.

Прощай, мой ангелъ. Господь съ тобой; съ 3-го дня я начинаю пить кофе. Цѣлую тебя милліонъ разъ; прижимаю къ сердцу. Цѣлуй и обними дѣтей. Благослови васъ Господь.

20.

25 февраля. Севастополь.

Вѣрный моему слову пишу и сегодня мой бюллетень. Вѣрь мнѣ, моя душка, что когда могу, когда усталость, занятія не отвлекаютъ меня, то мнѣ наслажденіе писать къ тебѣ и тебѣ разсказывать все, что у меня на умѣ. Ты еще, я знаю, думаешь, что я отъ тебя скрытничаю, тебя надуваю, но вѣрь, это пустяки. Клянусь Богомъ, у меня съ тобою нѣтъ ничего скрытаго и только то тебѣ не сообщаю, что, я знаю, ты не поймешь и потому тебѣ будетъ совсѣмъ неинтересно знать.

Письмо о Меньшиковѣ можешь дать прочесть теперь всѣмъ. Я дождался, наконецъ, что этого филина смѣнили; можетъ быть, и мы къ этому кое-что содѣйствовали; пора, пора; на мѣсто его ѣдетъ Горчаковъ изъ южной арміи; покуда командуетъ Сакенъ.

Я себя чувствую уже довольно крѣпкимъ. Хожу по комнатамъ. Всякій день беру морскую ванну, съѣдаю 2 тарелки куринаго супу и одного жаренаго голубя, одну чашку кофе. Вкусъ во рту сталъ гораздо лучше, такъ же и ослизненіе, но еще не совсѣмъ исправились.

Это письмо отправляю съ флигель-адъютантомъ Шеншинымъ, который, кажется, въ двадцатый разъ уже катается изъ С.-Петербурга въ Севастополь.

Изъ того письма, гдѣ я тебѣ описывалъ Меньшикова, видно, что я правду говорилъ: онъ не годится въ полководцы, скупердяй, — вѣрно, весь родъ такой, доказательство Суза,—сухой саркастъ, отъявленный эгоистъ,—это ли полководецъ. Какъ онъ запустилъ всю администрацію, всѣ сообщенія, всю медицинскую часть. Это ужасъ! И взамѣнъ, что же сдѣлалъ въ стратегическомъ отношеніи? Ровно ничего. Дѣлалъ планы, да не умѣлъ смотрѣть за исполненіемъ ихъ, потому что ему не доставало умѣнья на это; онъ не зналъ ни солдатъ, ни военачальниковъ; окружилъ себя ничтожными людьми, ни съ кѣмъ не совѣтовался;—ничего и не вышло. Онъ хотѣлъ было сыграть комедію и подъ видомъ мистицизма, что онъ молчитъ, но знаетъ и скрываетъ многое, хотѣлъ бросить пыль въ глаза; ему и удалось надуть нѣкоторыхъ дураковъ (съ однимъ изъ такихъ, Апраксинымъ, я встрѣтился на дорогѣ), которые кричали, что безъ Меньшикова Севастополь погибъ. Но теперь всѣ мы знаемъ, что Севастополь стоитъ совсѣмъ не черезъ него, а malgré lui. Слава Богу, я радъ, что этого стараго скупердяя прогнали. Онъ только что мѣшалъ.

Раненыхъ здѣсь всякій день человѣкъ по 10 бываетъ. Двое изъ моихъ врачей вчера возвратились изъ экспедиціи въ Козловъ, куда я ихъ посылалъ, и они двое только и были тамъ операторами на 600 раненыхъ (это— Каде и Беккерсъ). Прощай, мой несравненный ангелъ, Господь съ тобой и дѣтьми. Цѣлую и благословляю Васъ.

21.

1 марта. 1855. Севастополь.

Сегодня приводили войска и чиновниковъ присягать императору Александру II. Итакъ, имя Николая I принадлежитъ уже исторіи. Я слышалъ подробности, но не вѣрится. Здѣсь все по-прежнему; о новомъ десантѣ еще не слышно. Въ мартѣ или апрѣлѣ должно что-нибудь разыграться. Апрѣль—мой послѣдній терминъ, если Богъ продлитъ живота да вѣку. Здоровье мое, слава Богу, съ каждымъ днемъ поправляется. Я цѣлый часъ прохажи-

ваюсь по комнатамъ, ѣмъ $1^{1}/_{2}$ тарелки куринаго супа, куриную котлетку и беру морскія, едва тепловатыя, ванны; но на воздухъ еще не рѣшаюсь выходить, зная, что если выйду, то тотчасъ же попаду опять на старую свою колею; а это еще рано.

Сегодня ѣдетъ курьеръ, и я не хотѣлъ оставить тебя безъ извѣстій, хотя, впрочемъ, писать не о чемъ; у васъ теперь, я думаю, слуховъ и разговоровъ не оберешься; здѣсь все тихо, все осталось безъ перемѣны, по прежнему выстрѣлы, лопанье бомбъ и ракетъ, раненые,—все то же. Посмотримъ, что будетъ впередъ. Это уже здѣсь совершенно рѣшенный вопросъ, что Севастополя нельзя взять, не окруживши его и съ сѣверной стороны и не прекративши всѣ сообщенія; но вѣдь это не мутовку облизать; сюда, мы слышали, идутъ еще 2 дивизіи, и тогда посмотримъ, что сдѣлаютъ сардинцы и турки. Нехорошо только то, что отъ насъ часто передаются подлецы-поляки, и именно офицеры; недавно ушли 2 и 15 офицеровъ; всѣ поляки хотѣли еще перебѣжать; къ нимъ навстрѣчу былъ даже посланъ изъ непріятельскаго лагеря цѣлый взводъ; но попытка не удалась, и они захвачены. Замѣчательно также и то, что французскій парламентеръ сказалъ нашему (а я слышалъ лично отъ нашего) 16 числа еще, что Государь скончался и что будетъ миръ. Меня увѣрялъ самъ парламентеръ, передаю, что слышалъ. Если правда, то необъяснимо. Погода здѣсь стоитъ вообще уже недѣли 2 очень порядочная; солнце грѣетъ сильно, но вѣтеръ холоденъ, и мы топимъ еще и печки и каминъ.

Если Богъ дастъ здоровья, то на послѣдней недѣлѣ буду говѣть. Сестры, за исключеніемъ послѣдняго отдѣленія, которое еще въ дорогѣ, теперь всѣ здѣсь и трудятся истинно по-христіански. Изъ нихъ 6 однакожъ больныхъ, а 2 умерли отъ тифа, который господствуетъ здѣсь и между больными и между врачами. Многіе, однакоже, слава Богу, поправляются.

А главное дѣло, ты, моя милая, несравненная душка, не тоскуй; въ концѣ апрѣля—это мой послѣдній терминъ; лишь бы Богъ далъ силъ и здоровья. Не забудь, что уже теперь я отслужилъ мои годы и свободенъ.

Итакъ, теперь уже не долго, Богъ милостивъ и, вѣрно, ускоритъ наше свиданіе, зная нашу теплую вѣру въ Него и любовь.

Пожалуйста не забудь написать, сколько пожертвованныхъ денегъ я взялъ съ собой, я теперь свожу счеты, мнѣ кажется, что 4000; но ты справься съ письмами отъ Безбородко, сколько онъ прислалъ, я забылъ.

Прощай, мой ангелъ, будь спокойна; Господь храни насъ всѣхъ; поцѣлуй и благослови за меня дѣтей; береги ихъ, береги себя, и скуку и грусть выбрось вонъ изъ сердца. Надѣйся, вѣрь и молись. Прощай, моя несравненная.

Кланяйся Машѣ, поцѣлуй ее за меня. Кланяйся Глазенапу и Здекауеру. Шульцу скажи, чтобы онъ пилилъ женскіе тазы, сколько можетъ болѣе.

22.

6 марта. Севастополь.

Слава Богу, здоровье мое поправилось. На этой недѣлѣ, завтра или послѣзавтра, выѣду, если будетъ хорошая погода. Обливаюсь уже холодной морской водой. Но отъ тебя съ 14 февраля ни слова; что это значитъ? Задерживаютъ письма, что-ли? Впрочемъ, Паскевичъ былъ послѣдній курьеръ, привезшій извѣстіе о смерти Государя. Послѣ него еще никто не пріѣзжалъ. Я тебѣ писалъ уже, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля, если живъ и здоровъ буду, уѣду отсюда; развѣ только будетъ предстоять, очевидно, какое-либо важное военное дѣло, которое, разумѣется, тогда меня задержитъ до мая. Но весьма вѣроятно, что если что-либо будетъ рѣшительное, то въ эти 2 мѣсяца, именно, въ апрѣлѣ, если же не будетъ, то исторія эта можетъ протянуться, пожалуй, еще годъ. Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ; насколько человѣку позволено загадывать впередъ, то въ послѣднихъ числахъ апрѣля я выѣду отсюда. Здѣсь все по-прежнему—вылазки, ночныя нападенія на редуты, канонада; но все безъ толку. Кажется, пора бы убѣдиться, что, такъ дѣйствуя, непріятель ничего не достигнетъ;

объ англичанахъ уже даже не слышно, они удалились съ выстроенныхъ ими редутовъ и мѣсто ихъ заняли французы. Вновь выстроенный нами редутъ около Малахова кургана имъ очень не нравится, и они уже не разъ пытались отнять его, но всегда ихъ отбивали; онъ очень близко къ ихъ редутамъ, такъ что наши ночью украли у нихъ 150 туровъ и перенесли на нашу сторону, это ихъ ужасно раззадорило; короче, другого средства имъ не осталось взять Севастополь, какъ окруживъ его съ сѣверной стороны; безъ этого имъ на штурмъ лѣзть невозможно, а чтобы окружить, то надобно знать, у кого будетъ болѣе войскъ. Ожидаютъ со дня на день сюда Горчакова съ его штабомъ и съ войскомъ. Про Меньшикова носятся слухи, что онъ умеръ въ Перекопѣ, и слава Богу! Мы теперь здѣсь ничего не знаемъ объ европейскихъ дѣлахъ: нѣтъ ни писемъ, ни газетъ. Надобно думать, что дороги, транспорты, провіантировка и госпитали, наконецъ, существенно улучшатся послѣ того, какъ Анненкову дана власть распоряжаться и въ сосѣднихъ губерніяхъ: Воронежской, Екатеринославской и Курской. Давно бы такъ; я, какъ пріѣхалъ, то написалъ докладную записку, что отъ здѣшней губерніи ничего нельзя надѣяться получить для транспорта больныхъ и проч. и что нужно для этого, чтобы сосѣднія губерніи приняли участіе. Я имъ говорилъ также, что если не предпримутъ мѣръ, то разовьется тифъ—онъ и развился; врачи и сестры то и дѣло что хворають, и нѣкоторые, разумѣется, умираютъ. Когда я занемогъ, я тоже думалъ, что у меня онъ разовьется, но, слава Всевышнему, «наказуя наказалъ мя сего, смертію же не предаде мя». Эта болѣзнь показала мнѣ еще болѣе, что значитъ теплая вѣра въ нашего Искупителя, на котораго одного возложилъ я все мое упованіе. Это придало мнѣ бодрости духа и воли. Безъ вѣры—жизнь не жизнь. Тверди это, моя душка, дѣтямъ; пусть они идутъ этой стезей и не сбиваются съ нея, какъ это сдѣлалъ въ молодости (я) и именно потому, что сердце не было проникнуто благодатью. Да сохранитъ васъ всѣхъ Господь, мои несравненные. Благослови и цѣлуй дѣтей. Прощай, мой несравненный ангелъ.

Твой.

23.

18—19 марта. Отошлется еще на этихъ дняхъ.

Севастополь.

Христосъ Воскресе!

Теперь точно не писалъ недѣли 2. За то предъ этимъ, когда былъ боленъ и сидѣлъ дома, писалъ каждые 4 дня, писалъ къ тебѣ и о дѣлѣ Березина, писалъ и мои бюллетени о здоровьѣ, Богъ знаетъ, куда все это дѣвается. Отъ тебя же—вотъ 12 дней ни строчки, да еще и послѣ одного ужаснаго письма, гдѣ ты описываешь свою болѣзнь, свою грусть и свои заботы о дѣтяхъ. Господь съ тобой, моя душка, потерпи еще хоть немножко. Если я только буду живъ, если насъ не запрутъ со всѣхъ сторонъ, а оставятъ хоть маленькую прорѣху, я въ маѣ, рано ли поздно ли—не знаю къ какому числу,—но пріѣду; баста,—это рѣшено и подписано у меня. Я бы рѣшился и прежде пріѣхать, но 2 вещи меня удерживаютъ; во-первыхъ, уѣзжая, я потяну за собой почти 10 врачей, которые были здѣсь, можно по совѣсти сказать, весьма полезны втеченіе 5 мѣсяцевъ; они ни за что на свѣтѣ не хотятъ безъ меня здѣсь оставаться, сколько я ихъ ни уговаривалъ, и скорѣе хотятъ уѣхать до меня, но не послѣ меня; во-вторыхъ, въ маѣ мѣсяцѣ окончится 5 лѣтъ службы, и теперь уже меня никто ни лаской и ничѣмъ не принудитъ служить долѣе,—послѣ же 25 можно быть выбраннымъ еще на 5-лѣтіе, и кто знаетъ, можетъ быть, меня бы лукавый попуталъ еще остаться; а послѣ же 30-лѣтія не велѣно указомъ долѣе оставаться, для этого и пенсія прибавляется. Пробывъ здѣсь уже $4^1/_2$ мѣсяца, я подумалъ, что лучше прибавить еще $1^1/_2$ и уже gründlich рѣшить. Въ маѣ же мѣсяцѣ можетъ Севастополь дѣлать, что ему угодно, но меня не удержитъ, пора и на Балтійское, тамъ, можетъ быть, такъ же не останемся безъ дѣла. Если въ эти 2 мѣсяца ничего не рѣшится, то, пожалуй, будетъ продолжаться, какъ осада Трои, и тогда посмотримъ, какой бифштексъ сдѣлается Улиссомъ. Все, что я въ состояніи былъ дѣлать, я сдѣлалъ для Севастополя; при-

несъ мою лепту отъ души; пусть теперь другіе постараются. Врачи также одинъ за другимъ хвораютъ, изъ моихъ еще, слава Богу, никто не умеръ, но другіе умираютъ таки частенько отъ тифа. Лѣтомъ, если все это будетъ продолжаться по-прежнему, какъ теперь, будетъ здѣсь что-нибудь и похуже тифа. Я написалъ Горчакову докладную записку объ этомъ, предложилъ, что считаю необходимымъ для отвращенія заразы; посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ. Онъ при первомъ свиданіи со мною въ госпиталѣ (у него я еще не успѣлъ быть, былъ то еще не совсѣмъ здоровъ, то мѣшали занятія) узналъ меня, со мной расцѣловался на обѣ щеки и тотчасъ же началъ разспрашивать обо всемъ, а потомъ потребовалъ, чтобы я ему между оперированными указалъ какого-нибудь изъ солдатъ, кто, по моему мнѣнію, заслуживаетъ георгіевскій крестъ. Я ему показалъ молодца унтеръ-офицера съ отнятой рукой, которому наканунѣ была сдѣлана операція, и онъ тотчасъ же своеручно далъ ему крестъ и поздравилъ кавалеромъ. Вотъ за это люблю! Онъ гдѣ-нибудь да слышалъ, что я говорилъ о Меньшиковѣ, упрекая его, что онъ не посѣщаетъ раненыхъ, не даетъ имъ награды и ставилъ ему въ примѣръ Воронцова, который на Кавказѣ самъ раздавалъ кресты въ госпиталяхъ.

Какъ бы то ни было, но Горчаковъ, изъ этого видно, человѣкъ, а Меньшиковъ просто мумія. На этихъ дняхъ я буду у него, встрѣчу тамъ и стараго знакомаго Коцебу. Здѣсь новое только то, что стали драться сильнѣе; послѣ того, какъ наши построили или почти построили новый редутъ впереди Малахова кургана, всякую ночь нападенія. Въ одну ночь, назадъ тому съ недѣлю, было 1,200 раненыхъ, и намъ работы было на цѣлыхъ 2 сутокъ, когда я только что въ первый разъ выѣхалъ послѣ болѣзни. Теперь почти всѣ батареи молчатъ, исключая этого новаго редута. Онъ непріятелю, какъ спица въ глазу. Ожидаютъ новаго войска, которое ускоренными маршами подвигается къ намъ изъ Одессы и изъ Бессарабіи. Пороху мало, но провіантъ есть на 2 мѣсяца. Я на случай и для себя заготовилъ сухарей на 6 недѣль, да 5 или 6 окороковъ; кофе вдоволь. Можно жить, хоть и осадятъ со всѣхъ сторонъ; но о новомъ десантѣ еще ни-

чего не слышно; а о мирѣ и помину у насъ нѣтъ. Какой миръ, когда они принялись 10 марта насъ въ ночь бомбардировать, чтобы отвлечь отъ редута; пустили къ намъ въ городъ тысячи три бомбъ, а мы стояли да посматривали, какъ онѣ свѣтясь летали прямо на насъ, да только мимо, въ бухту или лопались на воздухѣ. Никитинъ, однакоже, увѣряетъ, что ему песокъ въ глаза попалъ отъ одного лопнувшаго черепка бомбы. Вблизи насъ загорѣлся домъ, и на этотъ пожаръ они прямо начали пускать въ нашу сторону; я собрался разомъ; у меня здѣсь только одинъ мѣшокъ, да погребецъ и шинель; а въ батареѣ (Николаевской) для насъ стоитъ готовымъ отведенный казематъ; тамъ можно быть безопасными отъ бомбъ; я не переѣзжаю, однакоже, потому что у насъ славная и веселая квартира, съ балкономъ прямо на море.

Сигары и желтый чай, наконецъ, получилъ на этихъ дняхъ, 12 или 13 числа, и получилъ еще отъ кого-то ящикъ съ сигарами, кажется, отъ Зубкова. Про сестеръ милосердія долженъ писать еще великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать, когда поѣду; онѣ также объ этомъ безпокоятся. Приложенное огромное письмо, которое я сочинялъ цѣлую недѣлю, во время болѣзни, да нѣсколько дней послѣ болѣзни все отрывками да урывками, адресовано къ Зейдлицу [44]) въ отвѣтъ на его 2 письма, но назначено мною и для нашего маленькаго общества врачей; покажи Шульцу, который, коли хочетъ, можетъ исправить грамматическія ошибки *), а потомъ отдай Здекауеру, пусть онъ его читаетъ себѣ и другимъ пріятелямъ, а послѣ перешлетъ Зейдлицу. Два письма Зейдлица такъ же дай имъ прочесть, чтобы лучше поняли мой отвѣтъ. Счетъ пожертвованнымъ деньгамъ твой, не знаю, правиленъ-ли; мнѣ кажется, Екатерина Михайловна пожертвовала не 400, а 500, справься лучше съ письмами въ столѣ. Квитанціи Сартори я позабылъ передать. Для департамента внутреннихъ дѣлъ закажи Полю Пети 16 экземпляровъ картинъ моихъ всѣхъ выпусковъ съ перваго

*) Письмо къ Зейдлицу было написано по-нѣмецки.
Ред.

до послѣдняго. Департаментъ присылалъ сюда ко мнѣ бумагу. Если нужны Пети деньги, пусть пришлетъ счетъ, я подпишу, но, вѣрнѣе, пусть уже подождетъ. Квартиру въ Ораніенбаумѣ найми заранѣе, я думаю, ту же. Сюда мнѣ ничего теперь не присылай, а то, пожалуй, не успѣетъ и притти, судя по чаю и сигарамъ. Себя поздравь съ рожденіемъ; кажется, уже тебѣ за 26 перевалило—что еще юноша въ сравненіи съ нашимъ братомъ старикомъ; поздравь себя и съ Свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ; не унывай, не грусти, если хоть и занеможешь; отгоняй эти грустныя мысли; дѣтей сберегай весною (беладоны не забывай); сама хининомъ запасись; три поясницу холодной губкой, когда болитъ. Писемъ теперь не ожидай скоро; каждыя 2 недѣли—разъ; рѣшившись разъ отправиться въ маѣ и имѣя теперь дѣла по уши, писать не могу скоро, но въ 2 недѣли разъ буду: хоть рѣдко да мѣтко. Прощай, моя душка, ангелъ мой, моя ненаглядная, цѣлуй и благослови дѣтей.

Кланяйся Машѣ, поцѣлуй ее въ праздникъ за меня. Кланяйся Глазен., Пущину, Здекауеру и всѣмъ близкимъ.

24.

25 марта. Севастополь.

Христосъ Воскресе и съ прошедшимъ 27-лѣтіемъ!

Это письмо ты получишь, вѣрно, прежде, чѣмъ написанное отъ 21 марта, точно такъ же, какъ и я получилъ твое отъ 13 прежде, чѣмъ отъ 8. Это письмо идетъ съ курьеромъ, а другое съ однимъ генераломъ, который довольно уже докучалъ мнѣ въ С.-Петербургѣ и пріѣхалъ и сюда также надоѣдать. Я въ томъ письмѣ написалъ различныя распоряженія, а въ этомъ прибавлю только, чтобы ты ждала меня уже непремѣнно на дачѣ, въ Ораніенбаумѣ, куда, надѣюсь, если будешь жива и здорова, то переѣдешь съ дѣтьми, какъ всегда, около 20 мая. Въ домѣ оставь кого-нибудь, чтобъ принялъ вещи, а я, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же поѣду на дачу, оставь росписаніе часовъ на квартирѣ, когда пароходъ будетъ отходить въ Ораніенбаумъ. Изъ Севастополя я уѣду около

15 мая, останусь въ Симферополѣ, можетъ быть въ Херсонѣ и пр., а потомъ уже не останавливаясь въ С.-Петербургъ. Въ Москвѣ я думаю остаться только нѣсколько часовъ и хочу заѣхать къ сестрамъ; пришли ихъ адресъ, не знаю вмѣстѣ, или розно теперь онѣ живутъ. Дѣтей поцѣлуй за ихъ письма; скажи имъ, чтобы они теперь держали уши остро и слушались бы и вели бы себя хорошенько; я пріѣду, потребую отчета и буду ослушниковъ судить уже теперь военнымъ судомъ; для этого съ собой привезу и шинель съ мундирнымъ воротникомъ.

На дняхъ здѣсь узнали, что два первыхъ условія мира приняты въ Вѣнѣ, остается теперь самый главный—третій: свобода плаванія по Черному морю. Между тѣмъ здѣсь всякій день, или лучше всякій вечеръ и всякую ночь, на новомъ редутѣ валяютъ напропалую, и число раненыхъ съ каждымъ днемъ прибываетъ; но за то на всѣхъ другихъ батареяхъ почти совсѣмъ утихъ огонь, только и слышно и видно перестрѣлку у Малахова кургана. Новыя войска, $2^1/_2$ дивизіи южной арміи, начнутъ вступать въ Севастополь 27 апрѣля, какъ это мнѣ вчера сказывалъ Анненковъ, который теперь сюда пріѣхалъ на нѣсколько дней; но ничего, кажется, не въ состояніи сдѣлать, чтобы усилить транспортъ больныхъ и опорожнить отъ нихъ городъ, въ которомъ теперь скопилось до 7000 больныхъ, въ Симферополѣ 6000; и, если не будутъ вывозить, а осада продолжится, то въ лѣтнія жары и при существующихъ недостаткахъ непремѣнно разовьется какая-нибудь зараза; я объ этомъ толкую всѣмъ и каждому; писалъ докладную записку Горчакову, самъ толковалъ съ нимъ и съ начальникомъ штаба Коцебу, съ Анненковымъ, съ Нахимовымъ, — короче, со всѣми, прошу ихъ и убѣждаю, чтобы они вывозили больныхъ изъ города на Сѣверную сторону, раскинули бы тамъ палатки, которыя можно лучше провѣтривать, чѣмъ казармы и госпитали, чтобы отсюда возили безпрестанными и постоянными транспортами далѣе, чтобы запасали мѣста для вновь прибывающихъ,—все это принимается, но ничего не дѣлается; средствъ нѣтъ, палатокъ нѣтъ, лошадей и фуръ мало; куда везти больныхъ, также еще хорошо не знаютъ; всѣ ближайшіе госпитали уже переполнены,

и вездѣ воруютъ и вездѣ безпорядокъ по-прежнему. Генералъ-штабъ-докторъ—пѣшка и только умѣетъ поддакивать да хвалить то, что худо. Въ госпиталяхъ нѣтъ ни одного лишняго матраца, нѣтъ хорошаго вина и хинной корки, ни кислотъ даже на случай, когда тифъ разовьется. Врачей почти цѣлая половина лежитъ,—больны, и еще что изъ всего этого хаоса точно хорошо, такъ это сестры милосердія. Дай Богъ здоровья великой княгинѣ: она одна сдѣлала истинное благодѣяніе для края. Еслибы не онѣ, такъ больные лакали бы вмѣсто сытнаго супа помои и лежали бы въ грязи. Онѣ и хозяйничаютъ въ госпиталяхъ, и кушанье даже готовятъ, и лекарство раздаютъ,—за то также и болѣютъ, опять двое заболѣли и одна, Бакунина [45]), тифомъ. Если будешь кого видѣть отъ великой княгини, то скажи, что я приготовляю 2-й подробный отчетъ о дѣйствіяхъ сестеръ, и прочтетъ ли его она или нѣтъ, а я ей пришлю, потому что я горжусь самъ ихъ дѣйствіями; я защищалъ мысль введенія сестеръ въ военныхъ госпиталяхъ противъ дурацкихъ нападеній старыхъ колпаковъ, и моя правда осуществилась на дѣлѣ. Князь Горчаковъ весь въ рукахъ Коцебу, и если Богъ самъ не поможетъ нашей матушкѣ родной Россіи, то не далеко на немъ уѣдемъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ съ душой, не такая копченая мумія, какъ Меньшиковъ, и желаетъ добра—это уже много, хоть и недалеко хватаетъ. Въ военномъ дѣлѣ, разумѣется, я не судья, и самъ лукавый ихъ не разберетъ, что они дѣлаютъ и что думаютъ дѣлать,—да еще и думаютъ ли—вопросъ. Одинъ другому завидуетъ и другъ другу ногу подставляетъ, какъ бы свалить; но если можно было бы, пожертвовавъ тысячъ 20, сдѣлать съ нашей стороны что-нибудь рѣшительное, какъ это увѣряютъ нѣкоторые изъ военныхъ (разумѣется, больше молодые), такъ я бы совѣтовалъ не медля это сдѣлать. Что значитъ и 20000, выбывшихъ изъ строя, въ сравненіи съ тѣми жертвами, которыя падутъ отъ заразы, если она успѣетъ развиться; тогда и 50000 не досчитаются. Впрочемъ, Богъ имъ судья. Я что сумѣлъ, исполнилъ по совѣсти, а на нѣтъ—суда нѣтъ. Поэтому, я считаю мою миссію оконченной или почти оконченной здѣсь.

Уѣзжая отсюда, правда, я отнимаю отъ Севастополя около десятка дѣльныхъ врачей, но кто думаетъ, что я поѣхалъ въ Севастополь только для того, чтобы рѣзать руки и ноги, тотъ жестоко ошибается; этого добра я уже довольно передѣлалъ; я предоставилъ это другимъ, а самъ смотрѣлъ больше и что увидѣлъ, то было то же самое, что уже прежде видѣлъ и зналъ. Я зналъ уже прежде, какова участь нашихъ раненыхъ (впрочемъ, не однихъ нашихъ), думалъ содѣйствовать къ улучшенію, теперь убѣдился, что при нашей распорядительности это дѣло—несбыточное; безпорядокъ, беззаботность славянская и непредусмотрительность — неискоренимы, — хоть колъ на головѣ теши. Теперь, напримѣръ, я всѣмъ уши прожужжалъ, что при новомъ дѣлѣ, если будетъ хоть 1000 раненыхъ, то они будутъ валяться, какъ свиньи; но никто ни съ мѣста,—авось-ка вывезетъ какъ-нибудь. Послѣ все будетъ гладко и песочкомъ посыпано. Вмѣсто разныхъ прихотей—сигарокъ и папиросъ, и даже вмѣсто чаю и сахару, которые благотворители наши посылаютъ сюда для раненыхъ, лучше бы было имъ выслать на чемъ бы и гдѣ бы можно было лежать, но это, разумѣется, не такъ легко. Анненковъ вмѣсто подводъ и палатокъ привезъ также пожертвованіе, не знаю, свое ли или чужое,—сткляночку съ хлороформомъ. Заботы начальства о смертности—какъ и всегда—большія; переписокъ о числѣ больныхъ и выбывающихъ изъ строя—какъ и всегда—тьма,—бумага все терпитъ,—врачамъ нѣтъ покою ни днемъ ни ночью, — а что толку? До смертности ли тутъ, до успѣха ли въ леченіи,—когда больныхъ скучатъ, какъ селедокъ въ боченкѣ, и въ началѣ болѣзней и раненій не хотятъ или и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не могутъ позаботиться объ ихъ пріютѣ, о логовищѣ и о чистотѣ тѣла.—Да, вотъ еще геройскій поступокъ сестеръ, о которомъ я сейчасъ услышалъ и который уже, вѣрно, извѣстенъ великой княгинѣ,—онѣ въ Херсонѣ аптекаря, говорятъ, застрѣлили. Истинныя сестры милосердія! Такъ и нужно, однимъ мошенникомъ меньше. Не худо, если бы и съ здѣшнимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ сдѣлали то же. Правда, аптекарь самъ застрѣлился или зарѣзался,—до оружія дѣла нѣтъ; но это все равно. Сестры

подняли дѣло, довели до слѣдствія, и дѣла херсонскаго госпиталя, вѣрно, были хороши, коли уже аптекарь рѣшился себя на тотъ свѣтъ отправить. Но за то онѣ должны теперь ухо остро держать: съ коммисаріатскимъ вѣдомствомъ шутки плохи. Здѣсь, покуда я здѣсь, ихъ на рукахъ носятъ, что будетъ послѣ, не знаю, но подъ эгидою великой княгини можетъ быть и хорошо отдѣлаются, лишь бы она не слушала навѣтовъ, и лишь бы они, какъ бабы или какъ военноначальники, между собой не ссорились и другъ другу не пакостили. Я уже объ этомъ почти со слезами умолялъ и ихъ іеромонаха, который, между нами будь сказано, очень глупъ, и начальницъ самихъ.

Однакожъ, я заговорился; пора въ госпиталь; ночью прибыли раненые. Прощай, моя душка. Будь, ради Бога, здорова и храни дѣтей. Я часто думаю, что-то онѣ дѣлаютъ одни, когда тебѣ нездоровится; впрочемъ, когда я и въ Петербургѣ, то они всетаки остаются одни, если ты нездорова, хотя я знаю, что ты и больная за ними смотришь.

Да, еще о Березинѣ, я не понялъ, получила ли ты объ немъ мое письмо. Но это яблочко не далеко упало отъ яблони. И я ему не вѣрю, хотя Ник. Ив. и Марья Никол. [46]) за него и горой стоятъ, и потому не хочу съ нимъ вступать въ переговоры. Я злопамятенъ, и кто меня однажды надулъ, хоть и бездѣлицей, тотъ не скоро у меня получитъ кредитъ. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, какъ и съ его отцомъ, царство ему небесное.

Сигары и желтый чай, наконецъ, на прошлой недѣлѣ получилъ; также и твою корпію; теперь пью всякій день утромъ Машинъ шеколадъ, который цѣлую зиму лежалъ въ бездѣйствіи. Пожелай Машѣ благополучнаго разрѣшенія.

Прощай, моя душка, цѣлую и обнимаю тебя. Писать теперь не буду такъ часто,—некогда, долженъ сводить разные счеты, переисправить бумаги, а сверхъ того новые раненые всякій день прибываютъ. Прощай, до свиданія на дачѣ, если Богу будетъ угодно продлить живота и вѣку.

25.

7 апрѣля. Севастополь.

Пишу тебѣ съ перевязочнаго пункта, куда я на время, а можетъ быть, и до окончанія моего срока пребыванія въ Севастополѣ, переѣхалъ на другой день Свѣтлаго Воскресенія. Настало замѣчательное время; на Страстной я хотѣлъ говѣть, но боялся испортить постнымъ только что оправившійся отъ болѣзни желудокъ. Въ Свѣтлое Воскресеніе былъ у заутрени въ соборѣ, и во время служенія уже раздавались издали сильные выстрѣлы; бомбы летали въ городъ; потомъ опять все замолкло. Но въ понедѣльникъ на Святой, 29 марта, въ 5 час. утра мы были разбужены сильной канонадой, окна комнаты дрожали, по стѣнамъ дома какъ будто сотни кузнецовъ стучали молотами, мы вскочили, наскоро одѣлись и узнали, что непріятель открылъ сильную бомбардировку со всѣхъ бастіоновъ; наши отвѣчали; завязалась сильная канонада изъ 1500 осадныхъ орудій, полетѣли бомбы и ракеты, мы побѣжали стремглавъ на перевязочный пунктъ, и вскорѣ вся огромная зала начала наполняться ранеными съ ужасными ранами: оторванныя руки, ноги по колѣна и по поясъ приносились вмѣстѣ съ ранеными на носилкахъ; слишкомъ 400 раненыхъ нанесли намъ въ сутки, слишкомъ 30 ампутацій. Съ этого дня бомбардированіе продолжалось днемъ и ночью до 6 апрѣля и даже сегодня еще не совсѣмъ окончилось, хотя сдѣлалось несравненно тише. Въ первый день непріятель выпустилъ слишкомъ 30000 снарядовъ; считаютъ, что по сей день выпущено до 400000. Бомбы падаютъ гдѣ ни попало, но вообще вреда изломамъ бастіоновъ сдѣлали немного. На бастіонахъ считаютъ до 100 подбитыхъ пушекъ изъ тысячи; разрушенныя амбразуры исправляются ночью, но это стоитъ людей, и у насъ считаютъ втеченіе этого времени (отъ 28 марта до 7 апрѣля) до 6000 выбывшихъ изъ строя. На нашъ перевязочный (главный) пунктъ, куда являются раненые съ самыхъ главныхъ бастіоновъ (4, 5 и 6), является до 200—400 въ день. Два нашихъ небольшихъ пороховыхъ погреба и одинъ англійскій взлетѣли на воз-

духъ. Непріятель взорвалъ мину передъ 4-мъ бастіономъ и образовалъ воронку, которую и занялъ; но сегодня ночью наши 2 роты подползли тишкомъ, разрушили поставленные уже около воронки туры, закидали засѣвшихъ тамъ французовъ камнями, выгнали ихъ вонъ, взяли человѣкъ 5 въ плѣнъ и ушли. Бомбардировані е очевидно, уже утихло. Чего хотѣлъ непріятель? Богъ знаетъ. Кажется, однако, надѣялся болѣе причинить намъ вреда и готовился на штурмъ. Третьяго дня ночью сильныя его колонны, какъ говорили, до 20.000, хотѣли во время взрыва мины пробраться между 4 и 5 бастіономъ, но были встрѣчены перекрестнымъ картечнымъ огнемъ и удрали назадъ. Между тѣмъ, къ 10 или 12 апрѣля придутъ новыя войска къ намъ, $2^1/_2$ дивизіи, и мы подкрѣпимся. Съ моря онъ (непріятель) выставилъ тоже въ нашемъ виду 15 кораблей, которые, однако, только стоятъ и ничего не дѣлаютъ. Только съ 3-яго дня одна канонерская лодка, пользуясь туманомъ, подъѣзжаетъ близко къ бухтѣ, даетъ нѣсколько выстрѣловъ изъ большихъ ланкастерскихъ орудій и тотчасъ же поворачиваетъ назадъ; бомбы и ядра изъ нихъ падаютъ возлѣ насъ въ бухту. Говорили, что Наполеонъ сюда пріѣхалъ и по этому случаю открыто бомбардированіе; но эти слухи не подтвердились. Полагаютъ, что бомбардировка теперь прекращается, потому что у непріятеля уже нѣтъ зарядовъ, которыхъ у насъ также мало, такъ что каждый бастіонъ долженъ дѣлать въ сутки только положенное число выстрѣловъ. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Будетъ ли штурмъ или нѣтъ, но пора бы положить одинъ конецъ этой глупой осадѣ. На перевязочный пунктъ, кромѣ солдатъ, приносятъ и женщинъ и дѣтей съ оторванными членами отъ бомбъ, которыя падаютъ въ корабельную слободку, часть города, гдѣ еще, несмотря на видимую опасность, продолжаютъ жить матросскія жены и дѣти. Мы заняты и ночь и день, и ночью, какъ нарочно, еще болѣе, чѣмъ днемъ, потому что всѣ работы, вылазки, нападенія на ложементы и т. п. производятся ночью. Странно будетъ, если послѣ этой усиленной бомбардировки непріятель опять смолкнетъ, и дѣла пойдутъ по прежнему; но всѣ его усилія теперь обращены, оче-

видно, на 4-ый бастіонъ; черезъ этотъ пунктъ онъ хочетъ проникнуть въ Севастополь. Наши всѣ желаютъ штурма и говорятъ, что это было бы для нихъ самое лучшее. Сѣверная сторона остается, какъ и прежде, для насъ совершенно открыта, и цѣны на съѣстные припасы и проч. нисколько не поднялись.

Письмо твое отъ 21 марта получилъ сейчасъ. Ты, моя душка, та же и въ 26 лѣтъ, какъ была прежде. Я тебя увѣряю, что ты точно родная (мать) дѣтей, и ты безъ всякаго угрызенія совѣсти можешь себѣ присвоить это титло, которое ты вполнѣ заслужила и которое и дѣти заслужили своей любовью къ тебѣ.—Погода здѣсь хороша, но еще не слишкомъ. Стоятъ туманы; передъ нашими окнами расцвѣла акація, но деревья распускаются несравненно медленнѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ; я замѣчаю это, смотря на ихъ свѣжіе листки всякій день. Вино, про которое ты пишешь, я не получилъ, и теперь не высылай уже ничего—не стоитъ. Еще 5 недѣль, и я, если это угодно будетъ Всевышнему, выѣду изъ Севастополя. Надѣюсь, что къ тому времени даже что-нибудь да будетъ сдѣлано либо съ нашей, либо съ непріятельской стороны. Теперь я живу въ 3 разныхъ мѣстахъ. Вещи мои лежатъ въ сохранности въ Николаевской батареѣ, гдѣ для меня приготовленъ также и одинъ казематъ, если на перевязочномъ пунктѣ будетъ слишкомъ опасно долѣе оставаться; на прежнюю мою квартиру ѣзжу обливаться холодной морской водой и обѣдать, а сплю и провожу цѣлый день и ночь на перевязочномъ пунктѣ—въ Дворянскомъ Собраніи, паркетъ котораго покрытъ корой засохшей крови; въ танцовальной залѣ лежатъ сотни ампутированныхъ, а на хорахъ и билліардѣ помѣщены корпія и бинты. Десять врачей при мнѣ и 8 сестеръ трудятся неусыпно, попеременно, день и ночь, оперируя и перевязывая раненыхъ. Вмѣсто танцовальной музыки раздаются въ огромной залѣ Собранія стоны раненыхъ.

Н. И. Пущину скажи, что у его племянника Завалишина оторвало ядро во второй день бомбардированія всю руку, и я ее вырѣзалъ изъ плечевого сустава. Теперь ему идетъ довольно порядочно, сверхъ ожиданія,

потому что рана была чрезвычайно тяжелая, съ большимъ разрывомъ кожи, и онъ былъ принесенъ на перевязку изнеможенный отъ сильной потери крови.

Здекауера попроси, чтобы онъ извѣстилъ черезъ Рауха [47]) Зейдлица, что офицеръ Зейдлицъ, о которомъ онъ меня спрашивалъ въ своемъ письмѣ, убитъ подъ Альмою.

Прощай, мой несравненный другъ и ангелъ, Господь съ тобой; благослови и поцѣлуй дѣтей; кланяйся Машѣ и всѣмъ нашимъ. Цѣлую и благословляю тебя.

26.

Севастополь. 22 апрѣля.

Послѣ бомбардированія *), о которомъ я тебѣ писалъ и которое продолжалось безпрерывно отъ 28 марта до 8 апрѣля и во время котораго выпущено было до полъмилліона снарядовъ, теперь еще буря не утихла: всякую ночь почти что-нибудь да встрѣчается; ложементы предъ 5-мъ бастіономъ уже въ третій разъ переходятъ изъ рукъ въ руки и теперь остались въ рукахъ непріятеля, послѣ того, какъ онъ напалъ врасплохъ на нашихъ, и Углицкій полкъ, опозорившись, далъ тягу изъ траншей; отъ этого у насъ вдругъ привалило до 600 раненыхъ въ одну ночь, и мы сдѣлали въ теченіе 12 часовъ слишкомъ 70 ампутацій. Эти исторіи повторяются безпрестанно въ различныхъ размѣрахъ. Сегодня пронесся слухъ, что непріятель сдѣлалъ опять десантъ или хочетъ дѣлать около Одессы, а другіе говорятъ — опять на Альмѣ; но, слава Богу, у насъ войска довольно, болѣе, чѣмъ было 24 октября.

Ты пишешь, что не можешь рано переѣхать на дачу; ради Бога, и не переѣзжай рано; я тронусь послѣ половины мая только изъ Севастополя, если Богъ велитъ, о чемъ я уже написалъ Пеликану и великой княгинѣ; слѣдовательно, прежде послѣднихъ чиселъ (мая) или начала іюня не могу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Вели сначала прежде, чѣмъ переѣдешь, вытопить домъ хорошенько.

*) Второе бомбардированіе Севастополя. Ред.

Я не понимаю, какъ ты получаешь мои письма и я твои. Въ одинъ день я получилъ 3: отъ 5, 7, 9 апрѣля; такъ, вѣроятно, и ты мои получишь. Если с.....а генералъ Геццевичъ, Свиты Его Императорскаго Величества, не доставилъ тебѣ письмо, которое самъ вызвался доставить и въ которомъ я помѣстилъ еще письмо къ Зейдлицу, то надобно непремѣнно объ немъ справиться въ С.-Петербургѣ и у него достать во что бы то ни стало. Его знаетъ Карелль [48]) и великая княгиня. Онъ выѣхалъ отсюда 26 марта и хотѣлъ на Святой быть уже въ С.-Петербургѣ. Два письма, посланныя послѣ него, ты уже, вѣрно, получила. Теперь здѣсь уже настоящее лѣто: жара, все въ цвѣту, хотя, правда, зелени здѣсь и немного видишь; весь Севастополь набитъ теперь войсками. Для чего ихъ держатъ здѣсь, выставляя и подвергая бомбамъ, не знаю, но, вѣроятно, что-нибудь или приготовляютъ или сами готовятся. Все, что при бомбардированіи было разрушено, теперь опять совершенно поправили. Теперь опять бастіоны, какъ были прежде; правда, у насъ выбыло въ 9 дней тысячъ 9 изъ строя; однѣхъ ампутацій мы сдѣлали съ 27 марта по 21 апрѣля—до 500, но и непріятелю досталось порядочно. Безполезная рѣзня эта уже, я думаю, не мнѣ одному надоѣла; бьютъ другъ друга, ничего ровно не выигрывая, — все остается, какъ было; они не рѣшаются на штурмъ, мы не можемъ ихъ прогнать. И такъ все идетъ безъ конца; трудно рѣшить, чѣмъ все окончится; теперь мы стоимъ ровно.

Будь же здорова и ради Бога не дѣлай ничего, что тебѣ можетъ повредить. Теперь у васъ самое скверное время въ Петербургѣ, — ледъ Ладожскій идетъ. Береги дѣтей также. Прощай, моя несравненная душка, не грусти и не думай. Господь съ тобой. Благослови тебя Господь и дѣтей.

Письмо, можетъ быть, сегодня еще и не отправится, но я спѣшу его отправить на Сѣверную сторону.

27.

Севастополь. 29 апрѣля.

Все тихо и спокойно. Вотъ уже 3-ій день, какъ выстрѣлы слышатся изрѣдка, и число раненыхъ, вмѣсто сотенъ въ сутки, ограничивается десятками. Только на Сѣверную сторону стрѣляютъ изъ непріятельскаго лагеря раскаленными ядрами изъ ланкастеровскихъ пушекъ. Что значитъ эта тишина? Богъ знаетъ; вѣрно, передъ грозой. Непріятель строитъ одну батарею за другой и послѣ послѣдней бомбардировки значительно приблизился. Одна новая батарея сооружается противъ 4-го, одна противъ 3-го бастіона. По Театральной площади (на концѣ Екатерининской улицы) уже нельзя ходить, летаютъ ядра, и потомъ тамъ проводятъ траншею, и войска отправляются къ 4-му бастіону уже не по прежней дорогѣ. Говорятъ о предстоящей намъ снова усиленной бомбардировкѣ. Между тѣмъ городъ наполненъ нашими войсками, полки бивакируютъ на улицахъ, и слава еще Богу, что имъ мало вредятъ бомбы; куда ихъ дѣнутъ во время бомбардированія, не знаю, а если они останутся, какъ теперь, на открытыхъ улицахъ, то безъ вреда не обойдется. Худые слухи носятся въ городѣ; говорятъ, что Севастополь будетъ взятъ. Но что всего хуже—это раздоры и интриги, господствующіе между нашими военноначальниками, — это я заключаю изъ разговоровъ съ адъютантами. Сакенскіе ненавидятъ горчаковскихъ; другъ друга упрекаютъ въ пристрастіи. Видна такъ же и нерѣшительность. Когда 20 или 21 числа наши ложементы передъ 5-мъ бастіономъ были взяты, послѣ того, какъ подлецы Угличскаго полка струсили и бѣжали изъ ложементовъ, оставивъ ихъ занять непріятелю, то непріятель, занявъ ихъ, мигомъ выстроилъ батарею, воспользовавшись нашими же работами, передъ носомъ 4-го бастіона. Хотѣли его выбить, но потомъ опять отдумали. Мы отстояли бомбардировку—правда,—но потерявъ выбывшими изъ строя тысячъ до 10 и допустивъ непріятеля ближе. Отъ раненыхъ безпрестанно слышишь жалобы на безпорядокъ. Когда солдатъ нашъ это говоритъ, такъ ужъ, вѣрно, плохо. Время ли тутъ интриговать, спо-

рить и разсуждать о томъ, за что тотъ или другой получилъ награду, возставать другъ противъ друга, когда нужно единодушіе,—а его нѣтъ, я это вижу ясно. Это ли любовь къ родинѣ, это ли настоящая воинская честь? Сердце замираетъ, когда видишь передъ глазами, въ какихъ рукахъ судьба войны, когда покороче ознакомишься съ лицами, стоящими въ челѣ. Они, не стыдясь, не скрывая передъ подчиненными, ругаютъ другъ друга дураками. Неужели Богъ прогнѣвался такъ на нашу матушку родную Русь. Хорошо говорить самому себѣ: «молчи; это — не твое дѣло», да нельзя, не молчится, особливо, когда говоришь съ женою; такъ и во всемъ. Такъ и съ бѣдными ранеными; когда за мѣсяцъ почти до бомбардировки я просилъ, кричалъ, писалъ докладныя записки главнокомандующему (князю Горчакову), что нужно вывезти раненыхъ изъ города, нужно устроить палатки внѣ города, перевезти ихъ туда,—такъ все было ни да, ни нѣтъ. То средствъ къ транспорту нѣтъ, то палатокъ нѣтъ, а какъ приспичило, пришла бомбардировка, показался антоновъ огонь отъ скученія въ казармахъ, такъ давай спѣшить и дѣлать, какъ ни попало; что же, вчера перевезли разомъ 400, свалили въ солдатскія палатки, гдѣ едва сидѣть можно, свалили людей безъ рукъ, безъ ногъ, съ свѣжими ранами на землю, на одни скверные тюфячишки. Сегодня дождь цѣлый день; что съ ними стало? Богъ знаетъ. Завтра поѣду на ту сторону, такъ увижу; когда полковой командиръ обѣдъ даетъ, такъ онъ умѣетъ изъ этихъ же палатокъ залу устраивать, а для раненыхъ этого не нужно; лежи по 4 человѣка безногихъ въ солдатской палаткѣ. А когда начнутъ умирать, такъ врачи виноваты, почему смертность большая; — ну, такъ лги, не робѣй. Не хочу видѣть моими глазами безславія моей родины; не хочу видѣть Севастополь взятымъ; не хочу слышать, что его можно взять, когда вокругъ его и въ немъ стоитъ слишкомъ 100,000 войска,—уѣду, хоть и досадно. Доложи великой княгинѣ, что я не привыкъ дѣлать что бы то ни было только для вида, а при такихъ обстоятельствахъ существеннаго ничего не сдѣлаешь. Ея высочество обѣщаетъ врачамъ содержаніе, какое они пожелаютъ, лишь бы остались; но пріѣхавшіе со мною го-

ворятъ, что они пріѣхали не для денегъ, и предвидятъ, что безъ меня ихъ скрутятъ по ногамъ и рукамъ; здѣсь недостаточно имѣть только добрую волю или ревность, нужно еще плясать по одной дудкѣ. Богъ съ ними и съ наградами; если бы я добивался до Станислава, то могъ бы его получить и сидя дома, какъ другіе; меня здѣсь представилъ Сакенъ и къ Аннѣ,—когда мнѣ собственныя убѣжденія о достоинствѣ и спокойствіе духа дороже. Я люблю Россію, люблю честь родины, а не чины; это врожденное, его изъ сердца не вырвешь и не передѣлаешь,—а когда видишь передъ глазами, какъ мало дѣлается для отчизны и собственно изъ одной любви къ ней и ея чести, такъ поневолѣ хочешь лучше уйти отъ зла, чтобы не быть, по крайней мѣрѣ, бездѣйственнымъ его свидѣтелемъ. Я знаю, что все это можно назвать одной непрактической фантазіей, что такъ болѣе прилично разсуждать въ молодости только, но я не виноватъ, что душа еще не состарилась. Ты знаешь, я никогда не былъ оптимистомъ и потому, можетъ быть, и теперь вижу вещи хуже, нежели какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ, но нельзя не вѣрить тому, что видишь и встрѣчаешь на каждомъ шагу; когда видишь предъ собою не русскихъ людей, единодушно согласившихся умереть или отстоять, а какой-то хаосъ мнѣній и взглядовъ, изъ которыхъ только одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ, и всякій подставляетъ ногу другому; моряки ненавидятъ сухопутныхъ; пѣшіе — конныхъ; эстляндцы—курляндцевъ; одинъ упрекаетъ другого въ ошибкахъ и въ глупости, и все оставляютъ на произволъ случая. Можетъ быть, то же дѣлается и у нашихъ непріятелей,—дай-то Богъ! Они то же колеблются: то сдѣлаютъ демонстрацію на Чургунъ, то высылаютъ корабли на нѣсколько дней куда-то, чтобы опять воротиться; но все-таки они идутъ впередъ и приближаются; это-то и скверно. Настоящая тишина не предъ добромъ, и если послѣ слѣдующаго бомбардированія они еще подвинутся, то Богъ знаетъ, что будетъ. Впрочемъ, не нужно терять надежды. Русскій Богъ великъ,—да, но и русскіе подлецы—велики. Право, если взглянуть на эту смѣсь нашей посредственности, безталантства, односторонности и низости, то поневолѣ, какъ ни велика надежда на Бога, начинаешь опа-

саться за участь Севастополя, и, слѣдовательно, цѣлаго Крыма. Одного только нужно молить, чтобы такая же безтолочь существовала и у непріятеля.

Къ подобнымъ же экземплярамъ принадлежитъ и Гецдевичъ, котораго ты должна во что бы то ни стало преслѣдовать письменно. Этотъ п.....ъ-полякъ самъ вызвался отвезти мое письмо и отдать его даже лично тебѣ; я запечаталъ въ немъ письма Зейдлица и къ Зейдлицу, полагаясь, что онъ вѣрнѣе доставитъ, чѣмъ фельдъегерь, а этотъ с...ъ до сихъ поръ и глазъ не кажетъ. Узнай въ Петербургѣ непремѣнно, гдѣ онъ находится; напиши ему самое грубое письмо отъ моего имени; я его въ дверь не пущу. Узнать же о немъ можно у Карелля и при дворѣ великой княгини. Онъ свитскій генералъ и, какъ говорятъ, я узналъ это послѣ, взяточникъ немилосердный. Но письмо мое не взятка; его нужно вытащить непремѣнно и сдѣлать то, что я тамъ написалъ, — дать прочесть въ Обществѣ врачей Здекауеру.

Я теперь только одного молю: если не удастся быть свидѣтелемъ нашего торжества, то дай только Богъ убраться, не бывши свидѣтелемъ нашего позора, и уѣхать изъ Севастополя прежде его совершенной гибели.

Вино, бѣлье, кофейникъ и сигары я, наконецъ, получилъ третьяго дня, т. е. 25 апрѣля.

Погода до сихъ поръ, цѣлыя двѣ недѣли, стояла превосходная, какъ у насъ въ самые лучшіе лѣтніе дни; со вчерашняго дня пошелъ дождь, и мои больные, которые третьяго дня отправились на Сѣверную сторону, вѣрно, лежатъ теперь, или лучше—плаваютъ въ грязи на своихъ матрацахъ. Я сейчасъ ѣду смотрѣть ихъ.

Пріѣхалъ и видѣлъ, что они лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами. Я, разумѣется, объ этомъ сейчасъ же доношу главнокомандующему, а тамъ злись на меня, кто какъ хочетъ, я плюю на все. О, какъ будутъ рады многія начальства здѣсь,—которыхъ я также бомбардирую, какъ бомбардируютъ Севастополь,—когда я уѣду. Я знаю, что многіе этого только и желаютъ. Это знаютъ и прикомандированные ко мнѣ врачи, знаютъ, что ихъ заѣдятъ безъ меня, и поэтому, несмотря на всѣ увѣщанія и обѣщанія, хотятъ за мною бѣжать безъ оглядки.

Достанется и сестрамъ; уже и теперь главные доктора и комиссары распускаютъ слухи, что прежде безъ сестеръ, съ одними фельдшерами, шло лучше. Я думаю, дѣйствительно для нихъ шло лучше; я учредилъ хозяекъ изъ сестеръ, у которыхъ теперь въ рукахъ водка, вино, чай и всѣ пожертвованныя вещи, — это комиссарамъ не по зубамъ, и потому прежде шло лучше. Когда ампутированныхъ перевезли и свалили на землю въ солдатскія простыя палатки, я сказалъ, что они при первой непогодѣ будутъ валяться въ грязи. Обѣщали, что этого не будетъ; сегодня я пріѣхалъ самъ и таскался по колѣно въ грязи, нашелъ всѣхъ промокнувшими, пишу сейчасъ же объ этомъ начальнику штаба, и вотъ опять это будетъ не по зубамъ. Нужно, чтобы было непремѣнно все въ отличномъ порядкѣ—на бумагѣ, а если нѣтъ, такъ нужно молчать. А мнѣ для чего молчать,—я вольный казакъ. Хотятъ на меня скалить зубы и за спиной ругаться, пусть ихъ дѣлаютъ, а я все-таки худого хорошимъ не назову. Но все имѣетъ свои предѣлы; если ужъ и одинъ главнокомандующій не вытерпѣлъ, а смѣнился, если полки смѣняются, то нужно и насъ смѣнить. Врачи, пріѣхавшіе со мной, поработали довольно. Они всѣ переболѣли, многіе на моихъ глазахъ перемерли; нельзя отъ нихъ и требовать, чтобы они не желали перемѣны. Сохраничевъ умеръ, Джюльяни умеръ, Каде—умиралъ, но какимъ-то уже чудомъ ожилъ, Петровъ лишился ногъ, Дмитріевъ отъ тифа сдѣлался меланхоликомъ, у всѣхъ былъ тифъ въ большей или меньшей степени, я самъ прохворалъ 4 недѣли. Будетъ. Да хоть шло бы все это впрокъ, можно бы уже было жертвовать; а то, хоть изъ кожи лѣзь, все тоже; пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, и русскій все остаетсяуменъ заднимъ умомъ. Хоть охрипни крича, никто не слушаетъ, а какъ придетъ въ гузно узломъ, такъ тогда опомнимся, да ужъ поздно. Прощай, моя душка, благодари Бога, что ты женщина. Поцѣлуй и благослови дѣтей. Господь съ тобой, будь здорова; на дачу переѣзжай только поправившись, не прежде.

Твой вѣчно.

28.

30 апрѣля, утро.

Дѣла покуда все немного еще. На дворѣ 3-й день дождь. Севастопольская глина превратилась по обыкновенію въ клейкую тягучую грязь, которая липнетъ къ сапогамъ и дѣлаетъ ихъ тяжелыми, какъ пудовыя гири. Можно себѣ представить, что дѣлается въ траншеяхъ, вырытыхъ также на глинистой почвѣ, и въ больничномъ лагерѣ, гдѣ раненые лежатъ теперь въ простыхъ солдатскихъ палаткахъ, по-четверо въ каждой, безъ ногъ, безъ рукъ, на матрацахъ холстинныхъ, набитыхъ лыкомъ, и лекаря перевязываютъ, стоя по колѣна въ грязи. Вотъ улучшеніе, на которое мы надѣялись отъ прибытія южной арміи Горчакова. Госпитальныхъ палатокъ, суконныхъ, крытыхъ парусиной, въ которыхъ уставляется по 30—40 коекъ, какъ это сдѣлали морскіе (заботящіеся болѣе о своихъ) для своихъ, вовсе нѣтъ; есть десятокъ какихъ-то изорванныхъ,—взяли солдатскіе для раненыхъ, не обкопали ихъ канавами, не устроили въ нихъ нары. Я, раздосадованный, вчера, встрѣтясь съ Коцебу, жаловался. Но этотъ маленькій человѣчекъ, напоминающій русскую пословицу—«у всякаго Ермишки есть свои интрижки»—раззадорился, какъ можно найти въ его управленіи что-либо недостаточное; но я ему сказалъ наотрѣзъ чистымъ россійскимъ нарѣчіемъ: «Вы де, Павелъ Астафьевичъ, менѣе моего въ этомъ дѣлѣ смыслите, и я вамъ говорю по-просту, что въ палаткахъ чистое свинство». Онъ потомъ притворился, что будто меня не понялъ, что я говорю о солдатскихъ палаткахъ, а не о госпитальныхъ навѣсахъ,—въ которыхъ больнымъ всегда лучше лѣтомъ лежать, нежели въ лазаретахъ, и въ которыя я самъ же предлагалъ и настаивалъ перенести больныхъ,—притворясь, онъ напустился на генерала Гевальдигера—польскую или малороссійскую шельму; генералъ Гевальдигеръ всю вину спустилъ на генералъ-штабъ-доктора; короче, какъ всегда, самъ чертъ не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ. Такого рода увеселительныя исторійки повторяются здѣсь частенько и, разумѣется, весьма способствуютъ къ поддержанію ревностной службы для блага

ближнихъ. Когда же послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, послѣ вопіющихъ недостатковъ и пошлости администраціи, неминуемо откроется большая смертность между больными, то остаются виноватыми врачи, для чего они плохо лечили; изволь лечить людей, лежащихъ въ грязи, въ нужникахъ, безъ бѣлья и безъ прислуги; но врачи дѣйствительно виноваты, что они, какъ пѣшки, не смѣютъ пикнуть, гнутся, подличаютъ и, предвидя грозу отъ разъясненія правды, молчатъ, скрываютъ и разыгрываютъ столба. Вчера же я получилъ и письмо отъ ея высочества, гдѣ она предлагаетъ остаться мнѣ или врачамъ для блага Общины и раненыхъ. Нѣтъ, если было трудно справляться, когда здѣсь была одна главная квартира, то еще труднѣе стало теперь съ прибытіемъ южной арміи, съ ея главной квартирой, со всѣми интригами, интриганами и другими необходимыми принадлежностями; врачи это видятъ всякій день, и всякій изъ нихъ болѣе ни о чемъ не думаетъ, какъ дать тягу вслѣдъ за мной. Страшитъ не работа, не труды,— рады стараться,—а эти укоренившіяся преграды что-либо сдѣлать полезное, преграды, которыя растутъ, какъ головы гидры: одну отрубишь, другая выставится. Поблагодари ея императорское высочество за ея хорошее обо мнѣ мнѣніе, но быть мертвой буквой я не могу, у меня и такъ много недруговъ, наживать еще больше хотя и не страшусь, но безъ всякой пользы для другихъ и себя не желаю. Хотя и носятся различные слухи о возможности пасть или устоять Севастополю; одни твердо увѣрены, что онъ не можетъ пасть, когда есть у него подъ бокомъ 120-тысячная армія, другіе говорятъ, что онъ въ большой опасности и не устоитъ; но то вѣрно, что скоро дѣло не рѣшится. Нашла коса на камень; пошлостей и подлостей, вѣрно, поровну на обѣихъ сторонахъ,—у кого больше, тотъ и проиграетъ или, можетъ быть, тотъ и выиграетъ; но намъ не дождаться. Да и около Петербурга не совсѣмъ спокойно; это меня тоже заставляетъ уѣхать. Поблагодари еще разъ и выскажи всю правду ея высочеству такъ же, какъ и я скажу ее всякому, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Прощай еще разъ, моя несравненная душка, а у Гецевича—ц. . . . . а вытащи письмо хоть зубами.

29.

3 мая. Севастополь.

Все еще тихо. Погода великолѣпнѣйшая. Наши дѣлали вчера 2 вылазки, но незначительныя, больше для того, чтобы узнать, что дѣлается у непріятеля въ ложементахъ. Опять слухи стали надежнѣе; опять говорятъ болѣе, что Севастополь не будетъ взятъ. Сѣверная сторона сильно укрѣплена. Да, если подумаешь, то, право, стыдно и сомнѣваться въ успѣхѣ, имѣя здѣсь подъ руками 120-тысячную армію; еще, говорятъ, идетъ сюда милиція изъ сосѣднихъ губерній, но я тебѣ уже писалъ, какъ здѣсь слухи невѣрны отъ господствующихъ интригъ и партій; не узнаешь, навѣрное, и того, что подъ носомъ дѣлается, а еще менѣе того, что дѣлается подъ землей, гдѣ безпрестанно лопаются и непріятельскія и наши мины. Теперь проходятъ иногда цѣлыя недѣли безъ выстрѣла, и если стрѣляютъ, то все на Сѣверную сторону больше и то калеными ядрами, вѣроятно, направляя ихъ на корабли, куда, однако же, они не попадаютъ. Дѣло съ ранеными въ палаткахъ, о которомъ я тебѣ писалъ, кончилось тѣмъ, что туда пріѣхалъ, по моей жалобѣ, самъ главнокомандующій и распекъ генералъ-штабъ-доктора и генерала Гевальдигера такъ, что генералъ-штабъ-докторъ чуть не упустилъ въ штаны и на вопросъ главнокомандующаго, сколько больныхъ въ Симферополѣ, растерялся, отвѣтивъ на удачу: «Теперь очень уменьшилось, ваше сіятельство; было 800, а въ настоящее время 400». — «Какъ, 400 въ сутки?» — спросилъ гнѣвно князь.—«Нѣтъ-съ, ваше сіятельство, въ недѣлю.»—«Въ недѣлю!.. Однакожъ, это порядочно много.» — Извините, ваше сіятельство, въ мѣсяцъ».—«А, хорошо!»—сказалъ удовольствованный князь, садясь на лошадь. Я посмотрѣлъ и пожалъ плечами. Низкая ложь, безъ стыда, чтобы загладить гнѣвъ начальника, уменьшаетъ разомъ на цѣлыя сотни, въ глазахъ всѣхъ знающихъ и незнающихъ дѣло.

Какъ у насъ не хотятъ этого понять, что, покуда врачи будутъ находиться въ такой зависимости отъ военноначальниковъ, что трясутся отъ одной мысли прогнѣвать ихъ,

до тѣхъ поръ ничего нельзя путнаго ждать, и если я принесъ пользу хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь въ независимомъ положеніи; но всякій разъ нахрапомъ, производя шумъ и брань, приносить эту пользу— не очень весело. Тутъ никто и не подумаетъ, что это дѣлается для общей пользы, безъ всякихъ другихъ видовъ; думаютъ сейчасъ, что это личности. Потому что у насъ нигдѣ другихъ причинъ нѣтъ, другихъ мотивовъ, кромѣ личныхъ, не существуетъ. Это я зналъ и прежде, но теперь знаю это еще тверже.

Я понемногу собираюсь въ дорогу, съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что Севастополь не будетъ взятъ, а если падетъ, то не отъ недостатка мужества, а отъ интригъ и личностей. Посмотримъ, что будетъ дѣлаться на Балтійскомъ. Я не знаю, какъ можно отъ меня ожидать, чтобы я, пробывъ 6 мѣсяцевъ въ осажденномъ городѣ, еще бы вздумалъ безъ нужды оставаться въ немъ тогда, какъ война, можетъ быть, такая же, будетъ свирѣпствовать около мѣстъ, гдѣ находится мое семейство и гдѣ я столько же могу быть полезнымъ, но съ большей пріятностью для себя, что буду находиться съ моими или вблизи моихъ. Какъ можно требовать отъ молодыхъ людей, которые были ежедневно свидѣтелями различныхъ козней, сплетней и прижимокъ, чтобы они произвольно подверглись всѣмъ слѣдствіямъ такого быта безъ защитника тогда, какъ на нихъ смотрятъ, какъ на пришлецовъ, и тогда, какъ они со мной до сихъ поръ пользовались полной независимостью отъ чиновническихъ притѣсненій властей. Ихъ можно принудить остаться, но что же изъ этого выйдетъ: ревность ихъ будетъ парализирована и ихъ забьютъ.

Когда я выѣду, я напишу тебѣ и, чтобы избавиться (отъ) всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ посѣщеній, лучше будетъ, если переѣду прямо на дачу. Только ты не спѣши, еще успѣешь и, ради Бога, переѣзжай здоровая.

Машу поздравь съ сыномъ. У Геццевича отыми письмо. Кланяйся всѣмъ знакомымъ. Цѣлуй и благослови дѣтей. Прощай, моя милая душка. Будь здорова.

30.

Севастополь. 14 мая.

Я дожидаюсь только письма отъ великой княгини и отъ Пеликана, чтобы уѣхать, а то совсѣмъ уже собрался. Пеликанъ мнѣ писалъ, что долженъ о моемъ отъѣздѣ (довести) до свѣдѣнія министра и выше и просилъ дождаться отвѣта; отвѣтъ же отъ великой княгини нуженъ, чтобы рѣшить участь врачей, которые не хотятъ оставаться безъ меня. En attendent было здѣсь опять огромное побоище, и наша работа продолжалась 2 дня и 2 ночи. Было 2,000 раненыхъ и до 800 убитыхъ; французовъ, говорятъ, вдвое было ранеными и убитыми. Наши вздумали провести новую траншею отъ 5-го къ 6-му бастіону и задумали построить новыя батареи; французы сопротивлялись этому; было въ бою до 10,000 съ нашей и столько же съ ихъ стороны. Французская грардія побѣжала, дрались штыками въ траншеяхъ и нѣсколько разъ выбивали изъ нихъ другъ друга въ ночь съ 10 на 11.

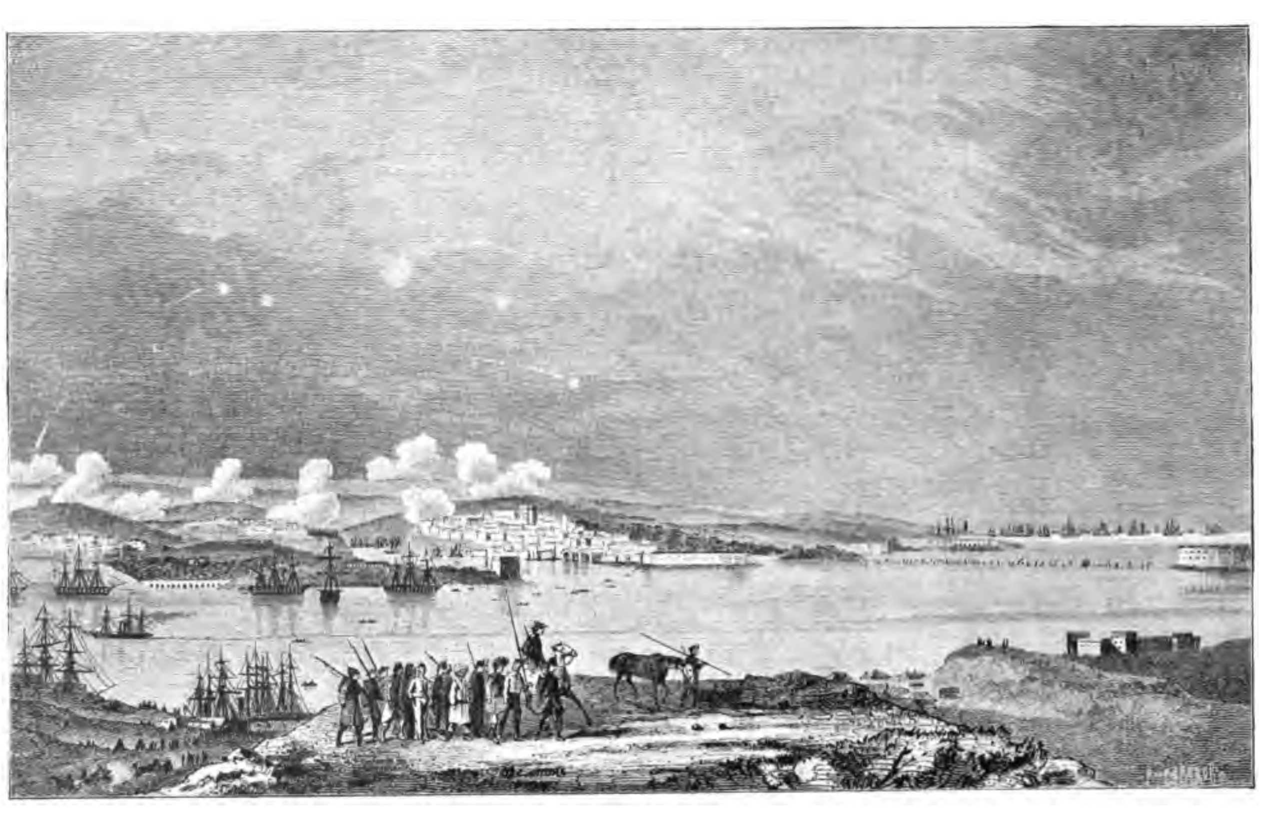
Въ первую ночь наши удержали траншею за собой, а на другой день оставили опять. Что теперь изъ этого будетъ, не знаю, и, вѣроятно, не дождусь конца. Я не спалъ 2 ночи и 2 дня и только сегодня выспавшись принялся за письмо. Письмо Пеликана отъ 26 апрѣля я получилъ третьяго дня и ожидаю на-дняхъ обѣщаннаго имъ отвѣта. Коль скоро получу рѣшеніе, такъ тотчасъ же и поѣду. Грустно смотрѣть на Черное море, водой котораго я всякій день обливаюсь 2 раза; на немъ только и видишь, что французскіе и англійскіе корабли; наши лежатъ подъ водой и только 6 стоятъ еще на лицо съ 3 или 4 пароходами. Теперь здѣсь несосвѣтимая жара. Показывается опять холера, и есть до 100 больныхъ; она есть и въ непріятельскомъ лагерѣ. Послѣ третьягодняшняго жаркаго дѣла опять все затихло и сегодня не слышно ни одного выстрѣла. Французы не позволяли убирать нашихъ убитыхъ въ траншеяхъ и своихъ не убирали, повидимому, цѣлыхъ 2 дня, несмотря на то, что съ нашей стороны выкидывали 3 раза парламентерскій флагъ; они свой не поднимали, и потому съ убитыми лежали цѣлые

2 дня нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ безъ воды и неперевязанные. Это дѣлали, вѣроятно, для того, чтобы убрать втихомолку своихъ убитыхъ и тѣмъ показать, что у нихъ меньше убыли, чѣмъ у насъ. Раненые, лежавшіе цѣлые 2 дня, разсказываютъ, что непріятель возился цѣлую ночь, сбирая своихъ. Одинъ солдатъ, нашъ раненый, разсказывалъ, что онъ просилъ у одного француза напиться, показывая ему рукою на небо, но онъ въ отвѣтъ ему плюнулъ. Какой-то другой раненый, англичанинъ, лежавшій возлѣ него, сжалился надъ нимъ, давъ ему воды изъ манерки и галету. Наши дрались въ этотъ разъ славно, забѣгали и на непріятельскую батарею. Горчаковъ благодарилъ ихъ; на другой день, сказавъ: «Вотъ видите, ребята, у васъ не могли отнять французы и г.....ую траншею, что же говорить о городѣ.» Ты не повѣришь, какъ мнѣ здѣсь надоѣло смотрѣть и слушать всѣ военныя интриги; не нужно быть большимъ стратегикомъ, чтобы понимать, какія дѣлаются здѣсь глупости и пошлости, и видѣть, изъ какихъ ничтожныхъ людей состоятъ штабы; самые дѣльные изъ военныхъ не скрываютъ грубыя ошибки, нерѣшительность и безсмыслицу, господствующую здѣсь въ военныхъ дѣйствіяхъ. Многіе даже желаютъ уже Меньшикова назадъ. Если намъ Богъ не поможетъ, то намъ не на кого надѣяться и надобно по-добру да по-здорову убираться. Въ Петербургѣ, вѣрно, не имѣютъ настоящаго понятія о положеніи дѣлъ здѣсь и, какъ обыкновенно, не знаютъ хорошо личностей. Куда-нибудь уѣхать въ глушь, не слышать и не видѣть ничего, кромѣ окружающаго, теперь самое лучшее. Если прислушаешься, то голова идетъ кругомъ отъ всѣхъ глупостей и безразсудностей, которыя узнаешь. Сего же дня подаю записку Горчакову объ отправленіи меня и другихъ врачей, пріѣхавшихъ со мной, въ С.-Петербургъ. Итакъ, если ты не получишь другого письма послѣ этого, то это будетъ значить, что я въ дорогѣ. Если же встрѣтится какое-нибудь неожиданное препятствіе, то я тотчасъ же тебя увѣдомлю.

Прощай, моя милая душка, до свиданья. Цѣлуй и благослови дѣтей нашихъ. Прощай еще разъ.

17 мая.

Я собираюсь въ дорогу, но еще пробуду съ недѣлю здѣсь. Керчь занятъ французами. Главная квартира выступаетъ завтра изъ Севастополя, куда — Богъ знаетъ. Спѣшу окончить. Прощай.

ВИДЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Писанъ съ натуры И. К. Айвазовскимъ 27-го октября 1854 г.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА.

(Августъ—Декабрь 1855.)

31.

31 августа. Симферополь.

Я сюда пріѣхалъ три дня тому назадъ и остаюсь еще, вѣроятно, до завтра. Одинъ актъ трагедіи кончился; начинается другой, который будетъ, вѣрно, не такъ продолжителенъ, а тамъ—третій. Вѣроятно, еще до зимы будетъ оконченъ и второй актъ. Объ себѣ ничего не говорю, можно ли при такихъ событіяхъ говорить о себѣ. Гдѣ я буду, не знаю, останусь ли на Сѣверной сторонѣ при главной квартирѣ, или буду сидѣть въ Симферополѣ, или на Бельбекѣ, — ничего не знаю; все рѣшится по пріѣздѣ въ главную квартиру. Сегодня я не расположенъ болѣе писать. Послѣ, Богъ дастъ, если буду живъ и здоровъ, все напишу, что увижу, и по свидѣтельству очевидцевъ. Прощай, мой неоцѣненный другъ, благослови васъ Богъ, благослови и поцѣлуй дѣтей и Машу. Сегодня обѣдалъ у Сухарева. Сестра Красильникова не такъ здорова и не переноситъ климата хорошо.

Твой.

32.

8 сентября. Бельбекская долина.

Около недѣли я поселился въ татарской саклѣ, около 1 версты отъ госпитальныхъ палатокъ, раскинутыхъ въ долинѣ между Бельбекскими возвышеніями, на берегу рѣки Бельбека, въ 6 верстахъ отъ Севастополя. Мы окружены со всѣхъ сторонъ горами, виноградниками безъ

винограда (истребленнаго уже давно солдатами) и пирамидальными тополями. Сыро и, по временамъ, порядочно холодно; клейкая и склизкая грязь едва позволяетъ передвигать ноги, вода въ рѣченкѣ Бельбекъ также сущая грязь; но когда проглядываетъ солнце, то все поправляется. Больные, большею частью раненые послѣ послѣдняго штурма, лежатъ въ солдатскихъ палаткахъ и госпитальныхъ навѣсахъ, большей частью безъ коекъ, на матрацахъ, постланныхъ на землѣ; по вечерамъ и въ сырую погоду въ солдатскихъ простыхъ палаткахъ лежащимъ на землѣ было невыносимо холодно; одѣялъ недоставало, полушубки еще не розданы; я не зналъ, какъ поправить дѣло, и пошелъ болѣе по инстинкту, нежели съ намѣреніемъ; заглянуть въ цейхгаузъ; къ моему удивленію я нашелъ тамъ еще нѣсколько сложенныхъ палатокъ и неразвязанныхъ тюковъ; оказалось, что было еще 400 одѣялъ, которыя добродѣтельное коммиссаріатство госпиталя не распаковало, остерегаясь излишней отчетности. Теперь почти всѣ больные прикрыты двойными палатками и всѣмъ розданы одѣяла. Бѣлье еще у многихъ грязно, и я сдѣлалъ замѣчаніе г-жѣ Стаховичъ, что она плохо смотрѣла и не настаивала, чтобы сестры, перевязывавшія больныхъ, болѣе заботились о бѣльѣ; у нихъ есть еще 2000 рубахъ, да въ госпиталѣ 1600, а больныхъ было до 2000. Оказывается, и аптека, находящаяся въ рукахъ сестеръ, не въ порядкѣ. Сестеръ теперь много относительно къ числу больныхъ, а порядку меньше. Стаховичъ оправдывается тѣмъ, что она нѣсколько разъ требовала отъ госпитальнаго начальства, чтобы оно выдало бѣлье и пр., но ея не слушали; я ей говорилъ на это, что ея долгъ тотчасъ же донести по командѣ и требовать до тѣхъ поръ, пока удовлетворятъ. Какое ей дѣло, что на нее за это озлятся, развѣ она за тѣмъ здѣсь, чтобы снискивать популярность между коммиссаріатскими и штабными чиновниками? Но не долго можно будетъ здѣсь оставаться; болѣе мѣсяца госпиталь не можетъ простоять; и въ сакляхъ, гдѣ размѣщены раненые офицеры (генералъ Хрулевъ, Ренненкампфъ) и гдѣ мы помѣщаемся, печей нѣтъ, нѣтъ потолковъ, нѣтъ и пола, и оконъ настоящихъ нѣтъ, такъ

что, если саклю можно назвать еще домомъ, то потому только, что есть стѣны и кровля. Вообще наступаетъ самое плохое время. Распоряженій еще рѣшительно, какъ и всегда, никакихъ нѣтъ. Главная квартира переѣзжаетъ въ Бахчисарай, а госпитальные шатры остаются еще въ двухъ мѣстахъ: въ 4 и 6 верстахъ отъ Сѣверной стороны Севастополя; больныхъ, однако же, перевозятъ ежедневно, и въ Симферополѣ, когда я былъ тамъ, накопилось уже до 13000; съ транспортомъ теперь начнутся прежнія бѣдствія. Хорошо еще, если успѣютъ до октября мѣсяца всѣхъ вывезти, пользуясь (тѣмъ, что) теперь тишина и спокойствіе господствуютъ около Севастополя. Нужно бы было сдѣлать воззваніе, чтобы вся Россія присылала войлоки, рогожи, одѣяла, бѣлье и полушубки для транспортирующихся раненыхъ; сѣна здѣсь и теперь уже почти нѣтъ, соломы и подавно; придется ихъ класть такъ же, какъ прошлаго года, на голыя телѣги, которыя теперь прикрываются рогожами; Віельгорскій употребилъ уже болѣе 6000 р. сер. на покупку этихъ рогожъ, которыхъ здѣсь трудно найти, но это служило болѣе къ защитѣ отъ солнечнаго зноя, нежели отъ осенняго холода. Нужны войлоки; не худо бы было имѣть и суконныя шапки съ ушами въ запасѣ, для головы: солдатскія фуражки не грѣютъ и легко сваливаются. На этихъ дняхъ я видѣлъ двѣ знаменитыя развалины: Севастополь и Горчакова. Бухта раздѣляетъ одну отъ другой. Долго смотрѣлъ я съ Сѣвернаго укрѣпленія и съ верху батареи 4 № и простыми глазами и въ трубу на Малаховъ курганъ, на Корабельную, на Николаевскія казармы, на Павловскій мысокъ, на Дворянское собраніе и на мое пепелище. На курганѣ замѣтилъ только редуты безъ людей и безъ движенія, на Корабельной видѣлъ пустыя улицы между обгорѣвшими домами, Николаевскія казармы внутри обгорѣли, но снаружи цѣлы и не взорваны, на Николаевской площади стоятъ уже непріятельскія мортиры, изъ которыхъ пускаются иногда на Сѣверную сторону бомбы, около казармъ и на Графской площади разъѣзжаютъ и прохаживаются безбоязненно красные штаны, на Павловскомъ мыскѣ вмѣсто укрѣпленія виднѣются 2 огромныя кучи камня и песку, оставшихся послѣ на-

шего взрыва. Отъ Дворянскаго собранія, гдѣ я столько времени жилъ и дѣйствовалъ, остались только стѣны и нѣсколько колоннъ. Въ домикъ, напротивъ артиллерійской бухты, гдѣ я квартировалъ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, влетѣла бомба и отбила весь уголъ, гдѣ стояла моя кровать, пронизавъ его насквозь сверху до низу. Исключая Графскую площадь и Николаевскія казармы, въ городѣ между обгорѣвшими домами не замѣтно никакого движенія. И съ нашей стороны и съ непріятельской возводятся новыя батареи; изъ бухты торчатъ мачты вновь затопленныхъ кораблей. Матросы еще иногда шныряютъ на шлюпкахъ вдоль нашего берега около затопленныхъ пароходовъ. Но почти всѣ убѣждены, что Сѣверная сторона не будетъ долго держаться, и бухта будетъ въ рукахъ непріятеля; Сѣверная сторона будетъ подъ перекрестнымъ огнемъ батарей и флота; почти всѣ войска выведены, оставлены только нѣсколько для работъ и матросы въ батареяхъ.

Посмотрѣвъ на Севастополь, я отправился посмотрѣть и на Горчакова и нашелъ его къ моему удивленію одного, безъ Коцебу; но вскорѣ это необыкновенное явленіе объяснилось: Коцебу въ этотъ день уѣхалъ къ своей женѣ, которая недавно прибыла на Бельбекъ. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ Севастополя произошли измѣненія и въ наружномъ видѣ генія отступленія. Шапка, которая прежде надѣвалась имъ на затылокъ, теперь надѣвается почти на самый носъ, такъ что можно различить только одну нижнюю часть лица; очки и усы покоятся подъ тѣнью безконечно длиннаго козырька. «Un quart d'heure de conversation» продолжался около часа, состоялъ изъ отрывковъ и кончился дежурнымъ генераломъ. Отобѣдавъ у Горчакова, я долженъ былъ обратиться къ землянкѣ этого представителя врачебной науки при штабѣ, который встрѣтилъ меня твердо выученнымъ наизусть отчетомъ о состояніи госпитальной части. Я безъ обиняковъ показалъ, что ничему не вѣрю, и хотѣлъ уже уйти, какъ вдругъ дверцы землянки распахнулись, и бѣлая фуражка съ огромнымъ козырькомъ, надвинутая на носъ, быстро влетѣла, бормоча съ непостижимой скоростью: «Какой дуракъ писалъ у васъ эту бумагу? Гдѣ 2-й баталіонъ

10-й дивизіи? А?»—«Это ошибка, ваше сіятельство», сказалъ дежурный генералъ, вскочивъ со стула и вытянувъ руки по швамъ. «То-то—ошибка; тутъ все ошибки. Дайте переписать».—«Извините, ваше сіятельство, кромѣ этой ошибки другихъ нѣтъ».—«Да почемъ же вы знаете, что нѣтъ?»—Трудно было отвѣчать на это положительно, и бѣлая фуражка съ длиннымъ козырькомъ такъ же поспѣшно выскочила изъ дверей, какъ и вскочила. Не добившись толку, гдѣ будутъ госпитали въ позднюю осень, будутъ ли и когда будутъ готовы бараки, заказанные въ Николаевѣ, я отправился уже поздно вечеромъ домой съ обѣщаніемъ, что получу списокъ всѣхъ врачей, употребляемыхъ въ госпиталяхъ, при транспортахъ и т. п. по приказанію Горчакова, но до сихъ поръ его еще не получилъ. Что будетъ—увидимъ; покуда ничего болѣе не остается, какъ довольствоваться плохимъ настоящимъ и удивляться прошедшему.

Третьяго дня пріѣхала сюда г-жа Хитрово изъ Одессы, и мнѣ кажется, что она благодѣтельно подѣйствуетъ на будущую судьбу Общины. Я ей изложилъ мои взгляды, просилъ ее смотрѣть на Общину не просто, какъ на одно собраніе сидѣлокъ, но видѣть въ ней будущую нравственную контроль нашей хромой госпитальной администраціи и съ этой цѣлью вникнуть въ внутреннія дѣла Общины и въ характеръ лицъ, ее составляющихъ. Мнѣ понравилось, что она при мнѣ же остановила одну сестру, которая, привыкши называть свою начальницу превосходительствомъ, обратилась и къ ней съ этимъ же титуломъ. «Я не превосходительство, а такая же сестра, какъ и вы», отвѣчала Хитрово. Ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ нея, что она хорошо разузнаетъ, и надѣюсь, что съ ней можно будетъ положить прочную основу Общинѣ.

Что тебѣ сказать про мое житье? Я рѣшился здѣсь жить не раздѣваясь, не снимаю платье ни днемъ, ни ночью,—это гораздо спокойнѣе, и удивляюсь, какъ могли наши защитники Малахова кургана попасться раздѣтые, въ однѣхъ рубашкахъ и босикомъ въ руки непріятеля. Со мной этого не можетъ случиться, если непріятель насъ обойдетъ на Бельбекѣ. Сегодня покупаю лошадь; по

здѣшней грязи нѣтъ возможности ходить пѣшкомъ. Прощай, моя душка; Господь храни тебя и дѣтей. Будь здорова и терпѣлива; не унывай, молись; цѣлуй и благослови дѣтей. Еще разъ прощай, моя неоцѣненная.

Твой.

33.

Бахчисарай. 17 сентября.

Я тебѣ опять ничего не пишу положительнаго, моя душка, гдѣ я буду и долго ли на одномъ мѣстѣ. Вчера на Бельбекѣ, сегодня въ Бахчисараѣ, завтра въ Симферополѣ; куда писать и адресовать письма, сказать не могу. Пиши въ Главный штабъ. Живу то въ саклѣ, то въ палаткѣ, то въ комнатѣ. Ѣзжу верхомъ и для того купилъ себѣ лошаденку, именуемую Чертенкомъ, которая мастерски виляетъ иноходью, такъ что не устанешь. Отъ тебя получилъ два письма и оба вмѣстѣ. Погода здѣсь стоитъ чудная; на дворѣ лучше, чѣмъ въ комнатѣ. Здѣсь покуда все тихо. Сѣверную сторону бомбардируютъ, но пока не сильно; раненыхъ не болѣе 4 — 5 въ день; безпрестанныя передвиженія войскъ и главная квартира теперь въ Бахчисараѣ.

О квартирѣ контрактъ должна заключить контора госпиталя. Но о комиссаріатскихъ прогонахъ поручи кому-нибудь подѣльнѣе и поважнѣе сдѣлать справку: дѣйствительно ли прошлаго 1854 г. 25 — 26 октября отпущено изъ комиссаріата въ Военно-Медицинскій департаментъ для выдачи мнѣ двойныхъ прогоновъ до Севастополя только 600 руб. серебромъ. Если такъ, то почему же въ нынѣшнемъ году 1318 руб.? Сначала нужно узнать положительно, комиссаріатъ ли у меня оттянулъ или военно-медицинскій департаментъ? Я посылаю къ тебѣ 2 бланкета за моею подписью; одинъ для написанія рапорта генералу кригсъ-комиссару, или отношенія въ самый Комиссаріатъ, или же въ департаментъ о выдачѣ мнѣ недоданныхъ двойныхъ прогоновъ въ 1854 г.; для этого попроси распорядиться или Вас. Мих. [49]) или же Михельсона. Бумагу написать просто, лишь бы узнали, гдѣ сдѣлано воровство, сдѣлавъ

сначала справку въ Комиссаріатѣ. Второй бланкетъ для Сарторіи. Напиши хоть сама: Въ Конф. Имп. Мед. Хир. Акад. отъ академика Пирогова. Прошу выдать столько г. Сарторіи изъ суммы, назначенной для изданія анатомическихъ таблицъ.

Вино я получилъ. Обермиллеръ въ Николаевѣ и писалъ мнѣ недавно. Великіе князья остаются тамъ, можетъ быть весь октябрь, и займутся укрѣпленіемъ. Пора бы! Государь въ Николаевѣ.

Прощай, моя душка; Господь благослови тебя и дѣтей. Будь здорова и спокойна.

Твой на вѣки.

34.

22 сентября. Симферополь.

Я пріѣхалъ сюда уже около недѣли и еще здѣсь останусь, вѣроятно, нѣсколько недѣль, потому что теперь сюда направлены всѣ больные и раненые; всѣ госпитали, исключая Бахчисарая и Бельбека, уничтожены, и въ Симферополѣ, въ городкѣ, гдѣ 12,000 жителей, теперь 13,000 больныхъ и изъ нихъ 7,000 раненыхъ. Ты, моя душка, я думаю, можешь одно письмо написать сюда въ Симферополь; впрочемъ, Богъ знаетъ, теперь съ часъ на часъ ждутъ всѣ, что мы оставимъ Крымъ и не будемъ въ немъ держаться; непріятель ведетъ новую дорогу изъ Байдарской долины къ Бахчисараю. Горчаковъ сидитъ въ 8 верстахъ отъ Бахчисарая, въ Ортокаралесѣ, а Сакенъ стоитъ на Мекензіевой горѣ. Сѣверную сторону продолжаютъ бомбардировать и довольно сильно; когда я былъ тамъ, то едва прошелъ нѣсколько шаговъ отъ Сѣвернаго укрѣпленія къ Константиновской батареѣ, какъ упало съ десятокъ бомбъ; но вреда онѣ вообще причиняютъ мало; загорѣлся одинъ магазинъ съ мукой и горѣлъ цѣлую недѣлю. Убиваютъ или ранятъ бомбами ежедневно человѣка 4, не болѣе, да и весь гарнизонъ нашъ на Сѣверной сторонѣ состоитъ изъ 2,000 моряковъ да милиціи; непріятель не налегаетъ крѣпко, да и мы тамъ держаться въ случаѣ сильнаго напора не будемъ; безпрестанныя не-

удачи: недавно французы, высадившись снова въ Евпаторіи, заняли Саки, прогнали наши кавалерійскіе аванпосты и захватили 6 пушекъ; по разсказамъ раненыхъ, они преслѣдовали нашихъ 10 и болѣе верстъ; теперь непріятель со стороны Евпаторіи въ 40, а со стороны южной такъ же не болѣе, какъ въ 40 верстахъ, отъ Симферополя; а въ Симферополѣ всѣ наши провіантскіе склады, заготовленные на всю зиму; отъ Евпаторіи до Симферополя—гладкое мѣсто, степь, а съ южной стороны—гористо; потомъ они ведутъ новую дорогу и, говорятъ, быстро подвигаются впередъ. Горчаковъ, какъ кажется, окончательно растерялся и двигаетъ войска безпрестанно съ мѣста на мѣсто, какъ шашки, то сюда то туда, утомляетъ и поселяетъ недовѣріе. Духъ въ арміи упалъ, никто не вѣритъ; послѣ стольких ошибокъ и неудачъ довѣріе исчезло. Въ теченіи 6 недѣль, вѣрно, будетъ что-нибудь рѣшительное; непріятель хочетъ, какъ кажется, ударить съ двухъ сторонъ (съ Евпаторіи и съ Байдарской долины) на Бахчисарай и Симферополь и такимъ образомъ овладѣть не только Сѣверной стороной Севастополя (о которой теперь уже и мало заботятся), но и Крымомъ. Я бы совѣтовалъ Горчакову поскорѣе отступить, — онъ на это мастеръ, — за Перекопъ и оттуда уже вести войну. Въ Крыму онъ запутается и его окружатъ или отрѣжутъ непремѣнно. Погода здѣсь стоитъ превосходная, на дворѣ жарко. Я, живши въ палаткѣ и въ саклѣ, здѣсь переѣхалъ въ комнату, и каждый день приходится осмотрѣть до 800 и до 1000 раненыхъ, разсѣянныхъ по городу въ 50 различныхъ домахъ. Ея высочеству великой княгинѣ я по послѣдней почтѣ послалъ подробное донесеніе объ Общинѣ, дѣла которой разбиралъ съ Кат. Ал. Хитрово, пріѣхавшей сюда по порученію великой княгини изъ Одессы; оказалось яснымъ то, о чемъ я прежде только догадывался; всѣ несогласія и интриги въ Общинѣ происходятъ не отъ кого болѣе, какъ отъ начальницы; она, видя теперь грозу, подниметъ небо и землю и будетъ черезъ своихъ клевретовъ дѣйствовать на великую княгиню, но я ей все высказалъ, что узналъ, и твердо увѣренъ, что для блага Общины нужна другая начальница.

Кромѣ госпиталей и Общины, меня занимаютъ теперь особливо транспорты, которые отходятъ отсюда почти ежедневно; если бы ты знала, что тутъ дѣлается, если бы ты услышала всѣ разсказы о злоупотребленіяхъ и грабежахъ, производимыхъ транспортными начальниками, такъ у тебя волосы бы встали дыбомъ. Государь встрѣтилъ одинъ такой транспортъ около Кременчуга и нашелъ, что недостаточно одного полушубка на 3-хъ больныхъ, а если бы онъ зналъ, что въ другихъ транспортахъ, кромѣ изорванной и истертой шинели, ничего не дается для прикрытія даже трудныхъ больныхъ, чтобы онъ сказалъ тогда? Цѣлые милліоны стоитъ эта перевозка больныхъ и, несмотря на то, она въ самомъ жалкомъ первобытномъ состояніи; уже не говоря объ удобствахъ, больные не снабжены даже порядочной водой на дорогу; они мучаются отъ жажды и потомъ на какой-нибудь станціи бросаются съ жадностью на колодцы, наполненные соленой водой,— другихъ нѣтъ между Перекопомъ и Симферополемъ; дрожатъ отъ холода, останавливаясь ночевать въ холодныя ночи подъ открытымъ небомъ, въ телѣгахъ. Я послалъ въ первый разъ 4-хъ сестеръ съ транспортомъ и поручилъ одной изъ нихъ, къ которой я болѣе имѣю довѣріе,— Бакуниной, — осмотрѣть все на этапахъ и передать мнѣ свои замѣчанія.

Очень кстати было сдѣлано, что со мной отправилось нѣсколько врачей; имъ хотя и не предстоятъ такіе труды, какіе были при осадѣ, но множество другихъ въ другомъ родѣ; здѣсь приходится на одного врача по 180 и по 200 больныхъ перевязочныхъ; если бы положить самое меньшее 5 минутъ на перевязку каждаго (когда у Маши палецъ болѣлъ, то перевязка продолжалась болѣе четверти часа, а я кладу 5 минутъ на перевязку отрѣзанной ноги или руки), то нѣтъ физической возможности, чтобы онъ осмотрѣлъ всѣхъ; между тѣмъ въ Крыму теперь слишкомъ 400 военныхъ и гражданскихъ врачей, а больныхъ всего около 20,000; слѣдовательно, приходилось бы только по 50 больныхъ на каждаго врача, если бы дѣятельность ихъ была распредѣлена равномѣрно,—вотъ образчикъ нашей распорядительности;—вотъ чего я добивался у правительства, чтобы оно обратило вниманіе на такіе во-

піющіе недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующимъ! . .

Отъ тебя я получилъ послѣднее письмо отъ 29 августа и вмѣстѣ съ другимъ отъ 25 августа, такъ что я ничего не знаю, что у васъ дѣлается, но уповаю на Божью милость. Молю Бога, чтобы ты, моя душка, и дѣти были здоровы; это все, что я у Бога прошу. Я самъ, — слава Богу, покуда. Спѣшу на почту, посылаю отсюда съ курьерской. Кланяйся всѣмъ нашимъ; поцѣлуй Машу; благослови дѣтей. Прощай, моя несравненная. Храни тебя и дѣтей Господь.

35.

29 сентября. Симферополь.

Послѣднее твое письмо, моя душка, я получилъ отъ 9 сентября, иначе и быть не можетъ; оно ходитъ изъ одного мѣста въ другое, пока дойдетъ до меня. Я покуда все еще въ Симферополѣ, гдѣ число больныхъ—12000—все еще не убавляется. Мой штабъ разсѣялся по всему городу, пятеро, однако же, живутъ въ одной квартирѣ со мной. Время здѣсь стоитъ превосходное: тепло и жарко, какъ въ Петербургѣ въ іюлѣ. Ты не повѣришь, какое я всякій день съѣдаю количество винограда, фунтовъ по 5, и, несмотря на то, не замѣчаю дѣйствія невской воды; обливаюсь всякій день холодной водой въ татарской банѣ, живу въ маленькой комнатѣ окнами въ садъ, цѣлое утро до 4 часовъ занятъ, а вечеромъ постоянно въ дамскомъ обществѣ: всякій день ко мнѣ является Екатерина Алекс. Хитрово, посланная сюда великой княгиней изъ Одессы по дѣламъ Общины; съ нею я изучилъ въ это время такъ всѣ характеры Общины по собраннымъ ею свѣдѣніямъ, что знаю всѣхъ сестеръ наизусть, всѣ сплетни, взгляды и интриги; не худо, если бы великая княгиня поскорѣе разрѣшила отправить сестеръ въ транспорты съ больными; тогда бы Стаховичъ уѣхала вмѣстѣ со своею партіей, и можно бы было дѣйствовать безъ шума. Покуда въ видѣ опыта я поручаю начальство въ Симферополѣ вновь прибывшей Карцевой. Я совершенно съ тобой согласенъ, чтобы ты письма не разгла-

шала, хотя нужно нѣкоторыя сообщить M-lle Раденъ, по твоему усмотрѣнію. Долго ли будетъ продолжаться военное бездѣйствіе– Богъ знаетъ; непріятель (я, кажется, уже тебѣ писалъ) ведетъ дорогу изъ Байдарской долины чрезъ ущелье, куда—еще неизвѣстно, кажется, и главнокомандующій сидитъ и караулитъ, что будетъ; Сѣверную сторону бомбардируютъ еще, запасы изъ нея всѣ вывезены, и потому, вѣроятно, ее скоро оставятъ. Государя ждали, было, сюда, но, говорятъ, Горчаковъ отсовѣтовалъ. Въ Одессѣ на рейдѣ явились третьяго дня 80 кораблей. Въ теченіи мѣсяца должно рѣшиться, останется ли Крымъ за нами или нѣтъ; но, судя по видимому, наши дѣла плохи. Коль протянутся, такъ авось поправятся.

Получилъ отъ тебя 2 ящика изъ Москвы съ разбитою банкой пикулей и съ истертыми сигарами, но и за то спасибо. Вино уже я давно получилъ.

Теперь я занимаюсь транспортами больныхъ особливо, которые отсюда идутъ всякій день и скоро сдѣлаются отъ холода и дорогъ почти такъ же худыми, какъ и прошлаго года. Надобно бы заблаговременно распорядиться, о чемъ я уже Горчакову и писалъ, но отъ него покуда, какъ отъ козла: ни шерсти ни молока. У насъ стоитъ 4 лошади собственныхъ наготовѣ, хотимъ купить еще пару верблюдовъ на случай бѣгства.

Что-то ты дѣлаешь, моя душка; я только надѣюсь на Бога, на почту нечего надѣяться, и разсуждаю такъ: если хорошее, то рано или поздно узнаю, а если дурное, то чѣмъ позднѣе узнаешь, тѣмъ лучше; но Богъ дастъ, все будетъ только хорошее. Я не знаю, отчего это тебѣ такъ, какъ ты пишешь, городъ опротивѣлъ, что ты лучше хочешь остаться въ Ораніенбаумѣ. Намъ, кажется, если я, Богъ дастъ, ворочусь, придется, дѣйствительно, купить (имѣніе) въ Рязани, покуда; но теперь, кромѣ моей возни съ госпиталями, съ сестрами и съ транспортами, я ни о чемъ болѣе не думаю, не слышу и не вижу. Въ свободное время думаю о моей душкѣ и дѣтяхъ, но стараюсь, подумавъ, скорѣе перейти на что нибудь другое. Сохрани васъ Господь; пошли вамъ всѣмъ здоровье, крѣпость и миръ. Кланяйся всѣмъ, цѣлуй Машу. Прощай. Поцѣлуй и благослови за меня дѣтей.

36.

6 октября. Симферополь.

Письмо отъ 14 сентября получилъ сегодня. Оно скиталось долго, покуда до меня дошло. Теперь пиши лучше въ Симферополь, я здѣсь еще пробуду недѣли 2, а если и уѣду, то все таки скорѣе найду письмо здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Табакерку [50]) отдай аптекарю, котораго знаетъ Шульцъ и Фробенъ [51]) (аптекарь въ Горномъ Институтѣ, 19 линія Вас. Остр.); если нужно письмо къ Перовскому, то пусть онъ сдѣлаетъ, какъ тогда съ первой табакеркой. Денегъ Березину не давай. Жалованье возьми черезъ Здекауера и чрезъ Шульца справься о писарѣ, который писалъ контрактъ, или же сама напиши къ Пеликану (Венцеславъ Венцеславичъ), чтобы онъ тебѣ высылалъ жалованье и дрова.

Здѣсь погода все еще стоитъ прекрасная, какая рѣдко и въ іюлѣ въ Петербургѣ. Виноградъ продолжаю ѣсть по цѣлымъ фунтамъ.—Отъ великой княгини еще никакого не получилъ отвѣта, и это останавливаетъ ходъ дѣлъ. Я принялся съ энергіей за Общину и очистилъ бы ее такъ, чтобы великая княгиня осталась довольна, если она желаетъ, чтобы заведеніе имѣло будущее, а не настоящее. Всякій вечеръ до 1-го часа я провожу съ Хитрово, Бакуниной и Карцевой—три столба Общины. Я не понимаю, какъ великая княгиня съ ея умомъ и желаніемъ добра могла послушать навѣтовъ на Бакунину,—это удивительная женщина: она съ ея образованіемъ работаетъ, какъ сидѣлка, ѣздитъ съ больными въ транспорты и не слушаетъ никакихъ навѣтовъ, держитъ себя, какъ нужно дамѣ ея лѣтъ и ея образованія. Хитрово—опытная женщина по дѣламъ Общины мнѣ много помогаетъ и сообщаетъ многое, чего я не зналъ, не занимаясь Общиной, т. е. внутреннимъ бытомъ, такъ, какъ теперь. Карцева принялась совѣстливо за дѣло, и мы въ 7 дней такъ поставили запущенный госпиталь на ногу, что теперь не узнаешь. Отдали вмѣстѣ съ нею смотрителя подъ слѣдствіе, завели контрольныя дежурства изъ сестеръ, и обо

всемъ всякій день она приходитъ мнѣ сообщать отчетъ. Стаховичъ съ ея отдѣленіемъ сестеръ, состоящемъ изъ малообразованныхъ бабокъ, желающихъ возвратиться въ Петербургъ, я устранилъ, или лучше, она сама устранилась отъ дѣла; она умѣла только интриговать и кричать про себя, une poissarde въ полномъ смыслѣ, безъ взгляда, безъ чувства, держалась только своей кажущейся распорядительностью и все, что было выше и лучше ея, старалась подавить. Не даромъ я всегда не имѣлъ къ ней довѣрія, но устранялся отъ непріятностей съ нею, думая, что она хоть со временемъ пойметъ настоящее высокое назначеніе Общины; не тутъ-то было; она смотрѣла на все съ своей стороны и хотѣла только блистать и важничать.—Ея удаленіе вмѣстѣ съ 1-мъ отдѣленіемъ необходимо, и я жду съ часу на часъ разрѣшенія отъ великой княгини. Если великая княгиня, несмотря на всѣ доказательства съ моей стороны и со стороны Хитрово, не захочетъ разстаться со Стаховичъ, то я оставлю Общину; я дорожу слишкомъ будущимъ Общины и моимъ именемъ. Вникнувъ теперь во всѣ подробности, я вижу, что только тамъ исполнялось совѣстливо все, что вело къ достиженію настоящей цѣли Общины, гдѣ дѣла сестеръ производились при мнѣ, или гдѣ были дѣльныя старшія сестры, а не тамъ, гдѣ дѣйствовала сама Стаховичъ, которая смотрѣла на сестеръ, какъ на сидѣлокъ, требовала только отъ нихъ, чтобъ лизали ея ручки, и тѣхъ и отличала, которыя обращались къ ней съ подобострастіемъ; къ этой же категоріи принадлежала и старая дѣва Лоде, которая съ своими ахами и сладкой сентиментальностью оставляла больныхъ только что не на одинъ произволъ Божій; я ее порядочно отдѣлалъ, когда былъ въ Бахчисараѣ, сказавъ, что мнѣ не разговоры ея нужны, а дѣло.

Крымскія дѣла идутъ по-прежнему: ничего новаго, почти всѣ больные свезены теперь въ Симферополь и отсюда постепенно транспортируются, покуда кое-какъ прикрытые рогожками, купленными комитетомъ уже на 12,000 руб. сер., а потомъ, къ осени, и еще хуже. Главная квартира въ Ортокаралесѣ; я ее бомбардирую докладными записками, а дѣла остаются все по-прежнему. Только еще Община, въ которой я вижу возможность сдѣ-

латься лучше, идетъ, а то все стоитъ или лежитъ. Раненыхъ свѣжихъ мало, потому что бомбардировка на Сѣверной не слишкомъ сильная; войска еще передвигаются съ мѣста на мѣсто, какъ шашки. Будущее, какъ и всегда, неизвѣстно. День я занятъ въ госпиталяхъ и читаю лекціи собравшимся здѣсь врачамъ, а вечеромъ занимаюсь дѣлами Общины. — О политикѣ ничего не слышу и не читаю,—чортъ съ ней.

Зачѣмъ ты такъ худо думаешь о Колѣ,—ты знаешь, что это моя слабая сторона,—будто бы онъ отъ тебя съ возрастомъ удаляется; къ чему это? Къ чему, дѣйствовавъ такъ совѣстливо и такъ горячо, какъ ты, пугаться и сомнѣваться? Выростая, онъ, напротивъ, долженъ все болѣе и болѣе къ тебѣ привязываться, убѣждаясь не однимъ сердцемъ, но и разсудкомъ, что ты для него была и что сдѣлала для него. Развѣ у него худое сердце, развѣ онъ мнѣ не сынъ, развѣ онъ не чувствуетъ, если и не видитъ ясно, какъ ты думаешь, сколько я дорожу его привязанностью и любовью къ тебѣ и твоей къ нему. Это злая мысль въ тебѣ, зависящая отъ истерики, а не отъ сердца.

Прощай, моя милая душка, Господь съ тобой, выбрось все худое, надѣйся на Бога, не умничай, не сомнѣвайся, люби, какъ прежде, молись и ожидай съ твердой надеждой. Дѣтей цѣлуй и благослови. Твой.

Письмо къ M-lle Раденъ запечатай и сейчасъ же отошли.

37.

Симферополь. 14 октября.

Послѣднее письмо отъ 14 сентября, кажется, милая Саша. Я пишу регулярно каждую недѣлю, писалъ бы и чаще, но Община беретъ у меня много времени. Скажи фр. Раденъ, что Стаховичъ съ ума сходитъ и если ее отсюда не возьмутъ, то я оставлю Общину на произволъ Божій; это такая poissarde, какую только свѣтъ производилъ. Съ ней хотятъ сдѣлать все мирно и ладно, а она способна только кричать на рынкахъ. Если бы не Карцева, не Бакунина, не Хитрово, то я бы счелъ низкимъ для себя имѣть съ ней дѣло.

Здѣсь все по-прежнему; но въ октябрѣ, вѣрно, рѣшится, удержимъ ли Крымъ на зиму за собой или нѣтъ; непріятель дѣлаетъ безпрестанныя диверсіи, показывается то тамъ то здѣсь, такъ что, я думаю, у Горчакова безпрестанный поносъ.

Мы живемъ здѣсь, слава Богу, не худо, занимаемся дѣльно; въ госпиталяхъ, гдѣ теперь сестры, идетъ прекрасно. Бакунина, очерненная у великой княгини Стаховичъ, ѣздитъ съ транспортами до Перекопа: труды дороги, ночи въ аулахъ, постоянное наблюденіе за больными ей нипочемъ,—рѣдкій характеръ; нельзя не уважать. Тоже и Карцева, которая, не помню, при тебѣ или безъ тебя, была у насъ въ Ораніенбаумѣ, — несмотря на то, что мала ростомъ, такъ славно работаетъ въ госпиталяхъ, что любо смотрѣть. Теперь только я узналъ всѣ интриги и сплетни Общины,—нечего сказать, уживчивы женщины! Но утѣшительно то, что есть еще нравственная власть, которая выше интригъ и сплетенъ, надобно только ею умѣть распорядиться.

Богъ благословитъ тебя, моя душка; не завидуй, я написалъ объ Общинѣ къ Раденъ 3 листа, а тебѣ одинъ; не разсчелъ времени и теперь спѣшу.

38.

17 октября. Симферополь.

Прочитавъ твое письмо, я удивился, что ты не получаешь жалованья; я далъ тебѣ довѣренность и отдалъ тому же п.....у писарю въ Конторѣ 2 Воен. сухоп. госпиталя Свинцову для засвидѣтельствованія моей руки въ Конторѣ. Это—довѣренность на полученіе жалованья изъ Академіи и Госпиталя; узнай объ этомъ. Я думалъ для тебя сдѣлать спокойнѣе, чтобы тебѣ приносили изъ Академіи на домъ, предполагая, что засвидѣтельствованная довѣренность тамъ и останется. Скажи Здекауеру, чтобы онъ узналъ, а не (то) я напишу прямо министру о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ; во всякомъ случаѣ, это—мошенничество или подлость. Я посылаю тебѣ свидѣтельство на имя Здекауера. Про Сельбрига ты мнѣ также ни-

чего не пишешь, отказала ты ему или нѣтъ. Колѣ я письмо напишу.

Погода здѣсь стоитъ еще чудесная. Ночи холодны и морозитъ, но днемъ жарко и сухо. Ничего еще новаго здѣсь; войска безпрестанно мѣняютъ позиціи. Продолжаю заниматься по-прежнему, обливаться водою въ татарской банѣ и ѣсть виноградъ. Столъ у насъ роскошный по милости д-ра Тарасова [52]), который живетъ съ нами и имѣетъ своего повара. Вино, сигары и проч., посланное отъ тебя, получилъ все сполна. Колѣ посылаю письмо, которое оттянуло у меня время и отъ твоего письма; да ты за это не разсердишься.

Обермиллеръ пишетъ изъ Николаева—тоже ничего новаго. Корабли стоятъ около, но еще покуда послѣ взятія Кинбурнской косы ничего не предпринимаютъ. Сѣверную сторону бомбардируютъ слегка, такъ что мало раненыхъ, но мы еще здѣсь и со старыми ранеными не умѣемъ справляться, все еще 2000 слишкомъ.

Наконецъ, Стаховичъ уѣзжаетъ и Хитрово дѣлается старѣйшею; это — не Стаховичъ; каждый вечеръ она и Карцева приходятъ ко мнѣ и мы вводимъ всевозможные крючки, чтобы ловить госпитальныхъ воровъ; Карцева просто неутомима, день и ночь въ госпиталѣ, и варитъ для больныхъ, и перевязываетъ, и сама дѣлаетъ все, и всякій день отъ меня выходитъ съ новыми распоряженіями. Несмотря на то, еще мы не успѣли поймать, отчего куриный супъ, въ который на 360 человѣкъ кладется 90 куръ, такимъ выходитъ, что на вкусъ не курицей, а крупой одной дѣйствуетъ, тогда какъ сестры варятъ меньшее количество и меньше куръ кладутъ, а вкусъ лучше; уже мы и котлы запечатывали, все не помогаетъ, а надобно подкараулить; право, жалко смотрѣть: даютъ такое количество, что можно бы было чудесно кормить, а больные почти не ѣдятъ супъ.

Прощай, моя душка. Господь съ тобой и съ дѣтьми. Если живы всѣ и здоровы будете, отдай мое письмо Колѣ.

Твой.

Отошлю 21 октября.

20 октября.

Наконецъ, Стаховичъ съ 1 Отдѣленіемъ сестеръ уѣзжаетъ сегодня. Теперь я еще болѣе, чѣмъ прежде, убѣжденъ, что женщины между собой ужиться не могутъ; нельзя себѣ представить эту сѣть интригъ и смутъ, которыя господствовали до сихъ поръ въ Общинѣ; когда я теперь разобралъ все въ подробности, то я ужаснулся. Не знаю, что впередъ будетъ; но я вижу теперь, по крайней мѣрѣ, что есть сестры, которыя дѣйствительно одушевлены желаніемъ исполнять свои обязанности и достаточно просвѣщенны, чтобы понять ихъ святое назначеніе. Не знаю, довольна ли великая княгиня или нѣтъ, но я ей чрезъ Раденъ высказалъ всю правду и написалъ, какъ я смотрю на Общину. Шутить такими вещами я не намѣренъ, для виду дѣлать только, такъ же не гожусь; итакъ, если выборъ великой княгини палъ на меня, то она должна была знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Теперь покуда такъ идетъ въ Общинѣ, что любо смотрѣть. Карцева день и ночь въ госпиталѣ. Хитрово—не Стаховичъ; сама ходитъ на дежурство, не стыдится скатывать бинты и перевязывать больныхъ и не величаетъ себя превосходительствомъ, какъ Стаховичъ; за то и не будетъ называться, и не хочетъ быть главной начальницей Общины, а просто старѣйшей сестрою. Поговори объ этомъ съ Раденъ и узнай, какъ она думаетъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы мои заботы объ Общинѣ, въ которой я вижу прекрасное будущее, остались втуне. Если хотятъ не быть, а только казаться, то пусть ищутъ другого, а я не перерожусь.

Посылаю Колѣ посланіе; дай Богъ, чтобы онъ его понялъ и, сколько позволяетъ это дѣлать 12-лѣтній возрастъ, такъ бы поступилъ, какъ мнѣ бы этого хотѣлось. Богъ видитъ мое желаніе и, вѣрно, поможетъ.

Твой.

Получилъ сейчасъ твое письмо (20 окт.) отъ 11 окт. На дворѣ такая жара, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

39.

Симферополь. 28 октября.

Сегодня сюда ожидаютъ Государя, и все въ ужасномъ движеніи; по улицамъ скачутъ и бѣгаютъ; фонари зажигаются, караульные разставляются; неизвѣстно, сколько времени онъ здѣсь пробудетъ, куда отсюда поѣдетъ. Горчаковъ уже здѣсь. Всѣ мои представленія о госпиталяхъ и т. п., которыя до сихъ поръ не были исполнены и лежали въ главной квартирѣ, вдругъ явились сюда на сцену, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Чутокъ русскій человѣкъ; посмотримъ, что дальше будетъ. Община, слава Богу, пошла на ладъ, какъ нельзя лучше, послѣ отъѣзда этой ш...и, которая такъ долго величалась главной начальницей. Послѣ молебна прошлое воскресенье я представилъ сестрамъ ихъ старѣйшую сестру (я предложилъ великой княгинѣ уничтожить чиновническое имя — главной начальницы, а называть просто старѣйшею сестрой) Хитрово и просилъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, увѣряя, что отнынѣ дѣла Общины будутъ рѣшаться безъ лицепріятія и по полной справедливости старѣйшею вмѣстѣ съ духовнымъ пастыремъ и съ другими старшими сестрами и мною, разумѣется, покуда я здѣсь, — коллегіально.

Погода здѣсь до сегодня стояла превосходная; вчера начался вѣтеръ и ночью легкій морозъ, но днемъ на солнцѣ все еще тепло и жарко. Виноградъ начинаетъ исчезать. Окачиваться продолжаю по-прежнему, но не въ татарской, а въ русской банѣ. О непріятелѣ ничего не слыхать, какъ будто бы здѣсь его и не было; и онъ и мы въ полномъ бездѣйствіи; раненыхъ, исключая старыхъ, почти нѣтъ, но больныхъ много: все поносы и лихорадки.

О кіевскомъ имѣніи напиши поскорѣй въ подробности все, что знаешь, и особливо адресъ, куда я долженъ прибыть, въ самый ли Кіевъ, или въ другое мѣсто, и гдѣ могу встрѣтиться съ Витгенштейномъ. Если Богъ дастъ, буду живъ и здоровъ, то черезъ мѣсяцъ выѣду отсюда; а покуда, послѣ отъѣзда Государя, поѣду въ Перекопъ, возвращусь назадъ, отправлюсь въ Бахчисарай, заѣду на

Сѣверную сторону Севастополя и потомъ пріѣду опять въ Симферополь, а отсюда уже отправлюсь далѣе въ Россію осматривать по дорогѣ госпитали. Ты же письма твои всѣ адресуй до того, т. е. до конца ноября, все въ Симферополь.

О политическихъ дѣлахъ, о томъ, что дѣлается внѣ Симферополя, мы ничего не слышимъ и ничего не читаемъ, да и нечего читать, потому что, вѣрно, ничего хорошаго не начитаешь. Только то слышно, что Николаевъ порядочно укрѣпили, а непріятельскія суда послѣ занятія Кинбурна удалились, оставивъ Херсонъ въ покоѣ; въ Николаевъ канонерскія лодки пробовали было ворваться, но имъ не удалось. По бумагамъ, у Горчакова въ Крыму 260.000 да внѣ Крыма слишкомъ 400.000, такъ что на бумагѣ и на жалованьѣ до 700.000, а много ли на дѣлѣ, одному Богу извѣстно. 700.000 счесть — не бездѣлица, и 200 человѣкъ начнешь считать, такъ какъ разъ ошибешься. Зимой здѣсь, вѣроятно, ничего особеннаго не будетъ, развѣ гдѣ-нибудь на Азовскомъ морѣ, которое замерзаетъ. Сегодня за мной прислалъ Горчаковъ и совѣтовался со мной о своихъ глазахъ, увѣряя, что онъ уже старъ и плохо видитъ; не хочетъ ли махнуть отсюда въ отставку,—не худо бы было, будетъ съ него, погостилъ довольно.

Братъ Шульца на позиціи и вчера писалъ ко мнѣ о какомъ-то вшивомъ порошкѣ.

Здѣсь все еще до 11000 больныхъ и тысячи 2 раненыхъ, которые со дня на день уменьшаются, такъ что скоро мнѣ здѣсь мало останется дѣла. По вечерамъ у меня ежедневно конгрессъ старшихъ сестеръ, которыя приходятъ ко мнѣ съ различными донесеніями о госпиталяхъ.

Бумагъ моихъ и книгъ безъ меня не выдавай никому.

Сдѣлай милость, будь тверда въ разлукѣ, не унывай, молись, занимайся, будь, Господь съ тобой, здорова и надѣйся на нашего Отца.

Дѣтей благослови и поцѣлуй; поцѣлуй Машу и Колю. Кланяйся всѣмъ и напиши, чѣмъ кончилось съ Березинымъ, кто ѣздилъ, кто подписалъ, напиши подробнѣе.

40.

Симферополь. 4 ноября.

До моего отъѣзда, если Богъ поможетъ, я успѣю написать къ тебѣ письма два, не болѣе; потому что недѣли черезъ 2 я начну уже объѣзжать крымскіе госпитали прежде, чѣмъ выѣду отсюда.

Поѣду ли черезъ Кіевъ, будетъ зависѣть оттого, какое увѣдомленіе получу отъ тебя объ имѣніи, т. е. введенъ ли Витгенштейнъ уже во владѣніе, и пришлешь ли мнѣ вѣрный адресъ, иначе дѣлать крюкъ для нерѣшеннаго дѣла невесело, тѣмъ болѣе, что недавно еще въ Кіевской или Подольской губерніи, какъ мнѣ сказывали, былъ бунтъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. — Государь былъ здѣсь нѣсколько часовъ, осмотрѣлъ нѣкоторые госпитали, но я его не видалъ, потому что оставался въ той части госпиталей [ихъ здѣсь 52], гдѣ обходилъ Мих. Николаевичъ, а мнѣ въ моемъ пальто казалось неприличнымъ тѣсниться между мундирными, да и сестры Общины помѣщены только въ томъ отдѣленіи, гдѣ я встрѣтилъ великаго князя. Государь хотѣлъ остаться всѣмъ довольнымъ и остался, хотя многое не такъ хорошо, какъ кажется. Погода стоитъ уже съ недѣлю сухая, ясная, но вѣтряная и очень холодная, и больные зябнутъ жестоко въ баракахъ и госпитальныхъ шатрахъ; раненыхъ новыхъ совсѣмъ нѣтъ, потому что почти совсѣмъ не дерутся; но больныхъ очень много; сюда прибываетъ по 500 въ сутки. Перекопъ весь запруженъ больными изъ Гренадерскаго корпуса, и вывозъ дѣлается съ каждымъ днемъ труднѣе; я безпрестанно отписываюсь съ главнокомандующимъ; и на бумагѣ все идетъ, какъ нельзя лучше, но не на дѣлѣ.

Изъ послѣдняго твоего письма я вижу, что ты совершенно неисправимая особа; спокойствіе духа и полная довѣренность къ себѣ и ко мнѣ у тебя еще не существуетъ. Упованіе на помощь Божію у тебя еще чаще нарушается, чѣмъ у меня; это нехорошо и грѣшно; тебѣ бы надобно было въ этомъ отношеніи и меня исправлять, а ты сама чуть-ли не болѣе моего грѣшишь, возмущаясь и ослабѣвая упованіемъ.—Могу ли я въ тебѣ хоть сколько-

нибудь продолжительно сомнѣваться,—ты это знаешь и должна знать лучше меня; я не такъ золъ, чтобы думать, что и ты зла. Если я въ чемъ-нибудь на свѣтѣ твердо убѣжденъ, то послѣ Бога это въ томъ, что у меня нѣтъ ничего лучшаго тебя и дѣтей. Тебѣ бы объ этомъ и сомнѣваться бы не надлежало.

Здѣсь все тихо, новостей никакихъ нѣтъ; послѣ отъѣзда государя осталось все, какъ было. Жители Симферополя успокоились и надѣются провести зиму здѣсь, а то, было, они уже были наготовѣ дать тягу.

Богъ дастъ, къ Рождеству Христову, а можетъ быть и прежде, мы увидимся; все зависѣть будетъ оттого, каковы будутъ дороги и по какому направленію я поѣду; больные теперь раскиданы по разнымъ направленіямъ, и я еще не рѣшился, куда ѣхать и по какому маршруту.

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Поцѣлуй Машу и Колю. Благослови и расцѣлуй дѣтей. Храни васъ всѣхъ Господь; напиши мнѣ адресъ Анны Ивановны [53]). Прощай, моя милая душка, Господь съ вами всѣми.

Твой.

P. S. Изъ Академіи мнѣ пишутъ, что мнѣ слѣдуютъ квартирныя по чину, а не квартира въ натурѣ; что это значитъ? Вѣроятно то же, но на другой ладъ, чѣмъ прежде. Справься.

41.

11 ноября. Симферополь.

Сегодня возвратился изъ Перекопа, гдѣ оставался 2 дня и смотрѣлъ госпитали, заваленные больными изъ Гренадерскаго корпуса. Съ этой же почтой посылаю письмо министру о томъ, что выѣзжаю отсюда 1 декабря и поѣду на Херсонъ, Николаевъ, а можетъ быть, и Кіевъ, если до того получу отъ тебя что-нибудь болѣе положительнаго объ имѣніи Витгенштейна, какъ-то: адресъ, къ кому и гдѣ отнестись по пріѣздѣ въ Кіевъ и т. п.

Объ уплатѣ Сартори писалъ тоже къ Пеликану.

Здѣсь начались холода, сегодня вода на 1 вершокъ подмерзла; по дорогѣ въ Перекопъ было порядочно хо-

лодно, такъ что я заказалъ себѣ крымскій тулупъ изъ смушекъ; хорошо, что, по крайней мѣрѣ, хотя грязи нѣтъ. Мнѣ случайно въ эту минуту попалось твое письмо отъ 25 сентября, гдѣ ты пишешь про кіевское имѣніе и говоришь, что «напиши твое рѣшеніе, и тогда будетъ дѣло въ шляпѣ». Не знаю, тѣхъ ли ты мыслей 11 ноября, какъ 25 сентября. Витгенштейнъ уже не разъ надувался и тебя надувалъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 30 октября. Господь тебя храни, моя милая душка, но изъ письма твоего я вижу, что объ имѣніи князя и думать не должно; съ нимъ, извѣстно, каши не сваришь; подумай, поговори и справься получше о рязанскомъ, авось, изъ этого что-нибудь выйдетъ.

Скажи Сартори, чтобы онъ самъ пошелъ къ Пеликану и сказалъ ему, что я и камни и оттиски его видѣлъ и потому въ выдачѣ денегъ затрудняться не слѣдуетъ.

О пріѣздѣ государя сюда я уже, кажется, писалъ; я не успѣлъ его видѣть: онъ не былъ въ томъ отдѣленіи госпиталя, гдѣ находились сестры, а я хотѣлъ именно тамъ оставаться на случай.

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Поцѣлуй Машу; дѣтей благослови и поцѣлуй ихъ. Дай вамъ Господь всѣмъ здоровыми (быть), ты, ради Бога, береги себя и не таскайся по вѣтру безъ предосторожности и безъ башмаковъ по голому полу; если бокъ продолжаетъ болѣть, положи-ка себѣ лучше мушку, да прими хинину; не запускай. Прощай, моя милая душка, будь здорова.

Твой.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Все, какъ было, по прежнему. Слухи разнеслись въ Перекопѣ, что непріятель изъ Евпаторіи сѣлъ на суда; а на Сѣверной сторонѣ 4 недѣли, какъ не слышно ни одного выстрѣла.

42.

18 ноября. Симферополь.

Кажется, уже предпослѣднее письмо, моя несравненная Саша; но отвѣта на него уже не получу; кончаю здѣсь

свои дѣла, дѣлалъ, что могъ; много ли сдѣлалъ, пусть Богъ судитъ. Поѣду на Херсонъ, Николаевъ и Кременчугъ; на Кіевъ поѣду ли, не знаю, потому что ничего вѣрнаго отъ тебя не получилъ. Тулупъ изъ смушекъ готовъ; дѣла Общины приведены, сколько можно, въ порядокъ; транспортное отдѣленіе устроено кое-какъ, раненыхъ осталось уже очень немного; донесенія, требованія, отчеты въ штабъ и главнокомандующему почти всѣ переписаны; грязь уже по колѣна; пора въ дорогу. Сегодня сильный морозъ. Мы и непріятель въ полномъ бездѣйствіи; на будущей недѣлѣ, написавъ къ тебѣ послѣднее письмо, отправляюсь въ Бахчисарай для послѣдняго свиданія и послѣднихъ переговоровъ. Дай только Богъ, чтобы ты и дѣти были у меня живы, здоровы и веселы, тогда и я и живъ и веселъ.—Новаго рѣшительно ничего нѣтъ, и я пишу только потому, что далъ тебѣ слово писать; напиши Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она оставила въ Москвѣ въ гостинницѣ Торлецкаго на желѣзной дорогѣ ея адресъ, чтобы я могъ ее найти. — Поцѣлуй и благослови дѣтей. Цѣлуй Машу и Колю. Если хочешь, то адресуй письма тоже въ Москву, въ эту гостинницу, написавъ на адресѣ: оставить въ гостинницѣ до прибытія.

Прощай, мой ангелъ. Будь здорова и покойна.

Твой, какъ всегда.

43.

Симферополь. 25 ноября.

Меня устрашило твое послѣднее письмо; ты что-то захирѣла, моя душка; ради Бога, если Шмидтъ[54]) предлагалъ, дай себя изслѣдовать; въ этихъ вещахъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Шмидтъ понапрасну не предложилъ бы; что ты называешь бокомъ, что за опухоль, про которую ты прежде совсѣмъ не писала, и почему ты не попросила Шмидта мнѣ написать 2 строчки о твоей болѣзни; все это меня тревожитъ; напиши, по крайней мѣрѣ, въ Москву, въ гостинницу Торлецкаго у Красныхъ воротъ, чтобы я хоть тамъ узналъ еще. Я выѣду отсюда

1-го декабря и потащусь черезъ Херсонъ и Николаевъ въ Екатеринославъ.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ. На этихъ дняхъ опять нѣсколько дней бомбардировали Сѣверную сторону; полки уходятъ изъ Крыма въ Россію формироваться; французы выстроили себѣ бараки деревянные на зиму; драки нигдѣ нѣтъ; но что-то будетъ весною, гдѣ-то опять загорится война, ужъ не вблизи ли Петербурга; Canrobert, пишутъ, въ Швеціи. Я поѣду предъ моимъ отъѣздомъ на нѣсколько дней въ Бахчисарай и заѣду на Сѣверную сторону Севастополя; больше писать не буду, а развѣ уже напишу изъ Москвы.

Будь здорова, моя душка, заботься о своемъ здоровьѣ. Ты—моя жизнь, вѣдь ты это знаешь. Дѣтей обними, поцѣлуй и благослови.

Кланяйся всѣмъ.

Твой.

44.

Симферополь. 2 декабря.

Завтра я выѣзжаю. Былъ на прощанье на этихъ дняхъ въ Бахчисараѣ, на Бельбекѣ и на Сѣверной сторонѣ Севастополя. Смотрѣлъ на грустный, полуразрушенный и закопченый городъ. Вся Сѣверная изрыта бомбами, которыя непріятель бросалъ сюда, безъ всякаго, впрочемъ, вреда, цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ аршина земли, гдѣ не было бы огромныхъ ямъ и не лежало огромныхъ отломковъ бомбъ; теперь почти совсѣмъ не стрѣляютъ; движеніе въ городѣ мало замѣтно; мы пострѣливаемъ, но, кажется, также безъ толку.

Фуражъ здѣсь опять жестоко вздорожалъ; еще болѣе сахаръ, фунтъ стоитъ уже 50 коп. сер. и то не продаютъ болѣе 3 фунтовъ; пудъ сѣна стоитъ 1 рубль сер., да и то трудно достать; больныхъ солдатъ множество, а полушубковъ еще мало; дороги опять испортились, и лошади начинаютъ падать; тоже и тоже.

Я ожидаю отъ тебя письма въ Москву по адресу, который я уже написалъ, въ гостинницу Торлецкаго; на-

пиши въ немъ, какъ ты себя чувствуешь, здорова ли ты, мой душенокъ. Ради Бога, береги себя и дѣтей. Я пробуду дня по 2 или по одному дню въ Херсонѣ, Николаевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и Москвѣ. Изъ Москвы, Богъ дастъ, еще напишу, чтобы тебя приготовить къ прiѣзду.

Прощай, мой ангелъ, Господь съ тобой; будь здорова, благослови и цѣлуй дѣтей.

Твой.

ПИСЬМО КЪ К. К. ЗЕЙДЛИЦУ.

Севастополь, 16-го, 17-го и 19-го марта 1855 г. [55])

Aequinoctium russum. Христосъ Воскресе! Любезный другъ! Благодарю, что вы меня не забыли. Не даромъ намъ здѣсь, по высочайшему повелѣнію, засчитываютъ мѣсяцъ за годъ службы. Если уже въ обыкновенной жизни, въ теченіи сутокъ, человѣкъ можетъ преспокойно умереть каждую минуту, т. е. 1440 разъ, то возможность умереть возрастаетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, до 36,400 разъ въ сутки (число непріятельскихъ выстрѣловъ). Къ сожалѣнію, я знаю только два способа, при этой грустной переспективѣ, сохранить веселое и бодрое расположеніе духа: надобно быть въ демоническомъ или набожномъ настроеніи духа. То и другое коренится во мнѣ, но, благодаря Бога, послѣднее преобладаетъ. Безвѣріе, легкомысліе и сомнѣніе моей несчастной молодости побѣждены вѣрою и любовью.

Я вѣрую, спокоенъ и на все готовъ. Это доказала мнѣ моя послѣдняя болѣзнь. Я болѣе трехъ недѣль былъ боленъ совершенно такъ, какъ въ Петербургѣ въ 1842 г.*); но такъ какъ я теперь опытнѣе сталъ и лучше узналъ свою натуру, то я уже до того дошелъ, что теперь могу выходить. Грѣтыя морскія ванны и постепенный переходъ отъ нихъ къ холоднымъ обливаніямъ удивительно хорошо подѣйствовали на меня. Я теперь опять обливаюсь, какъ я это въ Петербургѣ дѣлалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изъ ушата холодною морскою водою и чувствую себя опять здоровымъ. Прежнее безпокойство, боязнь смерти, я не испытывалъ и былъ спокоенъ и ре-

*) Объ этой своей болѣзни Н. И. говоритъ въ своихъ мемуарахъ (Сочиненія, т. I. р. 520). *Ред.*

зигнированъ во время всей болѣзни, хотя я теперь имѣлъ бы больше причинъ бояться смерти, и это потому, что я вѣрую и люблю. Но довольно о моемъ ничтожномъ *я*.

Общее несчастье и горе важнѣе этого. Кровь, грязь и сукровица, въ которыхъ я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали дѣйствовать на меня; но вотъ что печалитъ меня,—что я, несмотря на всѣ мои старанія и самоотверженіе, не вижу утѣшительныхъ результатовъ, хотя я моимъ младшимъ товарищамъ по наукѣ, которые еще болѣе меня упали духомъ, безпрестанно твержу, чтобы они бодрились и надѣялись на лучшіе времена и результаты. Одинъ изъ нихъ, дѣльный, честный и откровенный юноша, уже хотѣлъ закрыть свой ампутаціонный ящикъ и бросить его въ бухту. «Потерпите, любезный другъ,—сказалъ я ему,—будетъ лучше». Между тѣмъ уже наступило весеннее равноденствіе! Я ваши два письма читалъ во время моей болѣзни, а то, не прогнѣвайтесь, они остались бы нечитанными, и я приберегъ бы ихъ до своего возвращенія. Читалъ я и вашу критику моихъ взглядовъ, не безъ улыбки, а также и ваше мнѣніе о происхожденіи чумы. Мое убѣжденіе объ опредѣленномъ, неизбѣжномъ отношеніи смертности въ каждой болѣзни и въ каждой значительной хирургической операціи такъ глубоко коренится во мнѣ, что никакая, хотя бы и отъ друга происходящая, критика не въ состояніи поколебать его. Я утверждаю, что ни въ одной болѣзни, за исключеніемъ перемежающейся лихорадки, если она достигла повальныхъ размѣровъ и господствуетъ эпидемически, какое бы то ни было леченіе, даже придворно-атомистическое, не могло бы значительно измѣнить процентъ смертельныхъ исходовъ. Холера, тифъ, воспаленіе легкихъ, эпидемическій скорбутъ, кровавый поносъ—до очевидности подтверждаютъ это. Совершенно то же самое наблюдалъ я и при каждой значительной, опасной операціи, если она въ массахъ или эпидемически, какъ это бываетъ въ военное время, повторяется. Пребываніе мое въ Севастополѣ еще болѣе утвердило во мнѣ это убѣжденіе. То, что я въ теченіи 15 лѣтъ наблюдалъ въ петербургскихъ госпиталяхъ, то же, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, повторяется и здѣсь. Можно подмѣ-

тить отдѣльныя колебанія, которыя легко объясняются; но въ общемъ то, что въ Петербургѣ давало смертность 3-хъ изъ 5-ти, и здѣсь даетъ $3^{1}/_{2}$ и $3^{3}/_{4}$ изъ 5. Приводимое вами противъ меня популярное мнѣніе, что хорошее леченіе даетъ лучшіе результаты плохого, только для отдѣльныхъ случаевъ справедливо, и тѣ должны подлежать безпристрастнымъ разбору и оцѣнкѣ. По слухамъ, А. Мейеръ счастливый литомистъ, Б. Мейеръ удачно оперируетъ бѣльмо, В. Мейеръ*) отлично срѣзываетъ и спиливаетъ ноги. Но мы знаемъ, что существуютъ и лживые трубачи прославленія. Убѣдитесь сами, а главное, считайте на бумагѣ, не надѣйтесь на свою память, сравнивайте успѣхи счастливыхъ и несчастливыхъ врачей, если возможно при равной обстановкѣ, и потомъ уже оцѣнивайте результаты. Отбросьте бабьи толки, департаментскіе отчеты, хвастливые разсказы энтузіастовъ, шарлатановъ и слѣпорожденныхъ,—спокойно слѣдите за судьбою раненыхъ, съ перомъ въ рукахъ, изъ операціонной комнаты въ больничную палату, изъ палаты въ гангренозное отдѣленіе, а оттуда въ покойницкую—это единственный путь къ истинѣ; но путь не легкій, особенно если наблюдатель пристрастился къ извѣстной операціи или если другой оперирующій collega непремѣнно хочетъ быть счастливымъ, а еще хуже, если онъ обязанъ оффиціально донести департаменту объ успѣхахъ своихъ дѣйствій; тогда Боже упаси отъ правдивыхъ статистическихъ разсчетовъ, они тогда не безопасны для существованія хирурга. Объ этомъ можно еще много толковать. Я можетъ быть, если останусь живъ, да отслужу свои 30 лѣтъ,—не забудьте, что намъ считается мѣсяцъ за годъ службы,—соберу результаты моихъ статистическихъ наблюденій объ ампутаціяхъ и обнародую ихъ. Ампутація, какъ одна изъ грубѣйшихъ большихъ операцій, доказывающая несовершенство искусства, именно ясно доказываетъ, что потеря каждаго члена нашего тѣла имѣетъ свой постоянный фатальный процентъ смертности. О нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ хирургическихъ опе-

*) Въ нѣмецкомъ оригиналѣ: A. Meyer, B. Meyer, C. Meyer въ смыслѣ А. Ивановъ, Б. Ивановъ, В. Ивановъ. *Ред.*

раціяхъ еще можно утверждать, что извѣстными пріемами, которыми обладаютъ только знаменитые хирурги, оперированные ими ограждаются отъ большей смертности. Можно, напр., допустить при камнесѣченіи, что лучшій успѣхъ этой операціи зависитъ отъ ловкости, съ которой операторъ захватываетъ, и легкости, съ которой извлекаетъ мочевой камень; а о вашемъ эстонскомъ Буяльскомъ [56]) можно тоже сказать, что онъ вылущивалъ шулята съ особенною ловкостью и возможно меньшимъ растяженіемъ сѣмянныхъ канатиковъ и т. п. Но при ампутаціяхъ, если не допускать со старыми бабами легкую и тяжелую руку, нельзя допустить прямого вліянія на успѣхъ операціи ни ловкости оператора, ни даже особыхъ искусныхъ пріемовъ, которыми онъ владѣетъ. Скорость, съ которою совершается ампутація, какъ извѣстно, тоже не вліяетъ на успѣхъ этой операціи. Оперативные пріемы при ампутаціяхъ такъ просты, что ихъ можно бы съ закрытыми глазами исполнить. Если ножъ остеръ, пила хорошо зазубрена, мягкія части отрѣзаны чисто и при томъ такъ, что покрываютъ кость, если, наконецъ, всѣ кровоточащіе сосуды хорошо перевязаны, то ампутація lege artis совершилась. Такъ дѣлается это ежедневно; мы видимъ, все идетъ, какъ по маслу. На моихъ глазахъ здѣсь 13 или 14 врачей оперируютъ, не считая самого себя; всѣ они оперируютъ хорошо; ампутированные пользовались въ 5 различныхъ госпиталяхъ, и я предоставлялъ каждому врачу вести послѣдовательное леченіе, по своему усмотрѣнію, если оно только сколько-нибудь казалось цѣлесообразнымъ; да я многихъ и самъ пользовалъ, и все-таки результаты до сихъ поръ остаются одни и тѣ же; то же самое было въ Симферополѣ, Карасубазарѣ и въ другихъ госпиталяхъ. Кто по своей натурѣ предназначенъ къ дурному результату, даетъ его съ ужасающимъ фатализмомъ, и даетъ его, «хотя изъ кожи вонъ полѣзай». Администрація госпиталя еще имѣетъ извѣстное вліяніе на успѣхъ ампутаціи, но и то только въ нѣкоторой степени. Хорошій воздухъ, опрятность, питательная пища вліяютъ, конечно, на успѣхъ операціи; но и чистый воздухъ не вездѣ одинаковый. Есть госпитальная зловредная кон-

ституція, о которой я давно уже проповѣдую, которую не исправляютъ ни доступъ чистаго воздуха, ни цѣлесообразное распредѣленіе больныхъ, ни хорошая пища; причина ея кроется, вѣроятно, въ почвѣ, на которой выстроенъ госпиталь, или въ стѣнахъ его, наконецъ, не знаю, гдѣ. Есть больные и довольно многочисленные, на которыхъ болѣе чистый воздухъ, повидимому, вредно вліяетъ. Сотни разъ случалось здѣсь, что когда оперированнаго или раненаго изъ гангренознаго отдѣленія, гдѣ воздухъ до головокруженія испорченъ и зараженъ дурными испареніями, послѣ того, какъ у него рана совершенно очистилась и приняла хорошій видъ, переводили въ чистую палату, то уже черезъ нѣсколько дней очистившаяся поверхность раны опять получала дурной видъ, и что больные сами убѣдительно просятъ, чтобы ихъ опять вернули въ гангренозное отдѣленіе. Позволительно ли природѣ такъ подшучивать надъ нами, бѣдными художниками? Тѣмъ не менѣе, это фактъ. Если все это сопоставить, хорошее и дурное, и гдѣ же можно тутъ ожидать много хорошаго—я говорю о томъ, что есть, а не о томъ, что могло бы быть,—то выйдетъ старая пѣсня; что по своей натурѣ предназначено къ дурнымъ результатамъ, даетъ ихъ, конечно, при нынѣшнемъ несовершенствѣ нашего искусства. Современемъ можетъ быть все будетъ лучше. Сила изобрѣтательнаго случая велика; можетъ быть, современемъ изобрѣтутъ паровую машину, посредствомъ которой раны ампутированныхъ будутъ залечиваться первымъ натяженіемъ въ 24 часа; можетъ быть, современемъ замѣнятъ ампутаціи чѣмъ-нибудь болѣе разумнымъ; можетъ быть въ будущемъ вовсе не будутъ нуждаться во врачахъ; тогда, вѣроятно, и процентъ смертности измѣнится; возможно, наконецъ,—что было бы еще лучше,—что совсѣмъ не будутъ умирать, чѣмъ естественно отношеніе смертности сведется къ нулю. Мы, вѣроятно, не доживемъ до этой прекрасной будущности. Въ настоящее время раны въ Севастополѣ такъ же мало заживаютъ per primam, какъ въ Петербургѣ; и можемъ здѣсь повторить наивный отвѣтъ ординатора Обуховской больницы, доктора Шклярскаго, данный имъ на мой вопросъ, какъ вы исцѣляете въ Обуховской больницѣ раны ампу-

тированныхъ, per primam, vel secundam intentionem, отвѣтилъ: «мы лечимъ ихъ per tertiam! т. е. per gangraenam». Если смотрѣть на это дѣло не близорукими глазами клинициста маленькаго университетскаго городка или безъ поползновенія на хвастовство, особенно же если не составляется отчетъ «по казенной надобности» и по указаніямъ славолюбиваго начальника, то выходятъ совсѣмъ другія вещи. Но довольно объ этомъ. Вы знаете, почтенный другъ, что заслуженные профессора Спб. Медико-хирургической академіи крѣпко держатся своихъ убѣжденій, если у нихъ вообще существуютъ таковыя.

Теперь обращаюсь къ вашимъ собственнымъ взглядамъ. Я, право, не знаю, ожидаетъ ли насъ весною карбункулозная чума или нѣчто столь же безотрадное; я только знаю, что существуетъ достаточно условій для развитія страшной эпидеміи. Тифъ уже свирѣпствуетъ, какъ здѣсь, такъ и въ Симферополѣ. «Не настоящій»,— сказалъ мнѣ одинъ врачъ, изъ штаба князя Горчакова.— Но хотя и не отъ настоящаго, а умираютъ,—отвѣтилъ я ему; да кромѣ госпитальныхъ больныхъ, большею частью врачи и сестры милосердія. Изъ 20 сестеръ въ Симферополѣ 6 умерло. Врачи безпрестанно заболѣваютъ и умираютъ; изъ 16, которые здѣсь въ Севастополѣ подъ моимъ руководствомъ работали, 7 заболѣли тифомъ, а изъ 18 сестеръ здѣсь 7 заболѣли и уже 2 умерли. Если вспомнить, что зимою, по всей дорогѣ изъ Севастополя до Бахчисарая, на протяженіи 60 верстъ валялись сотнями гніющіе трупы павшихъ лошадей и воловъ, которыхъ, конечно, никто не зарывалъ, а также множество человѣческихъ труповъ, весьма поверхностно похороненныхъ, по недостатку медико-полицейскаго контроля и по каменистой твердости грунта; прибавьте къ этому изнуреніе людей отъ безпрестанныхъ крѣпостныхъ работъ, проводившихъ зиму въ грязи, въ убогихъ землянкахъ, а также, что скорбутъ здѣсь почти всякую весну появляется и что уже теперь показываются больные съ цынготнымъ діатезомъ, что наши госпиталя всѣ переполнены и помѣщаются въ старыхъ, полуразрушенныхъ или казематированныхъ казармахъ, гдѣ весьма трудно очищать воздухъ, что недостаетъ бѣлья и тюфяковъ, и что нѣтъ ни

сѣна, ни соломы для набивки тюфяковъ, то имѣется достаточно поводовъ опасаться развитія злокачественной эпидеміи подъ вліяніемъ предстоящихъ жаровъ. Къ этому надо прибавить еще господствующую эпидемическую болѣзненную конституцію, порождающую знаменитыя крымскія лихорадки, и смрадныя испаренія, подымающіяся изъ непріятельскаго лагеря. При всемъ этомъ въ нашихъ госпиталяхъ теперь гораздо лучше, чѣмъ было въ ноябрѣ прошлаго года. О той грязи, о томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ съ октября по декабрь валялись наши больные и раненые, невозможно себѣ составить понятія тому, кто не видалъ этого собственными глазами. Но постойте, сейчасъ начали сильно бомбардировать и кричать, что одинъ изъ домовъ, въ которомъ лежатъ наши больные, отъ бомбы загорѣлся! Наступила ночь. Теперь 9 часовъ. Сегодня назначены 3 вылазки, и намъ опять принесутъ нѣсколько сотъ раненыхъ. Прощайте, до свиданія. До завтрашняго утра.

Много шуму изъ пустяковъ! Во время ночной бомбардировки непріятель бросилъ нѣсколько тысячъ снарядовъ въ городъ. Нѣсколько сотъ изъ нихъ лопнули передъ нашими глазами въ бухтѣ. Зажгли домъ въ нашемъ сосѣдствѣ, такъ что я уже уложилъ свои пожитки и перебрался въ Николаевскую батарею, гдѣ для насъ приготовленъ былъ небольшой блиндированный казематъ. Между тѣмъ, за исключеніемъ единственнаго пожара, бомбы намъ не причинили никакого вреда. Многія изъ нихъ лопались въ бухтѣ или въ воздухѣ; вообще, бомбы мнѣ кажутся весьма невѣрнымъ разрушительнымъ средствомъ. Нѣсколько дней тому назадъ союзная армія бросила около 2000 бомбъ въ 4 или 5 редутъ, и эти 2000 снарядовъ ранили только 60 человѣкъ и убили около 20. Хотя по нашимъ мирнымъ понятіямъ человѣческая жизнь неоцѣнима, но здѣсь все таки думаютъ, что ничтожное дѣйствіе не стоило труда и затраты. Весь этотъ ночной шумъ долженъ былъ служить отвлеченіемъ. Мы выстроили редутъ у Малахова кургана, который угрожаетъ близкой непріятельской батареѣ. Союзники хотятъ во что бы то ни стало уничтожить этотъ редутъ и хотѣли его штурмовать эту ночь. Наши же въ ту же ночь хотѣли проникнуть въ шанцы и

траншеи непріятельскіе, которые лежатъ непосредственно впереди нашего редута, чтобы ихъ уничтожить. Союзники для отвлеченія устроили усиленную бомбардировку, наши же—вылазку. Послѣдствіемъ этого было разрушеніе трехъ непріятельскихъ шанцевъ, а редутъ остался въ нашихъ рукахъ. Вся окрестность редута была наполнена тѣлами убитыхъ. У насъ было 400 убитыхъ и 1800 раненыхъ. Вся эта масса раненыхъ еще въ ту же ночь и на другой день была размѣщена въ различныхъ амбулансахъ въ городѣ. И мы работали 2 дня, пока удалось почти всѣмъ доставить необходимую помощь, но даже теперь, 6 дней послѣ сраженія, мы находимъ раненыхъ, которымъ еще не успѣли подать существенную хирургическую помощь.

На мою долю досталось 600 раненыхъ. Посредствомъ особеннаго способа, который я уже неоднократно испыталъ въ подобныхъ случаяхъ, мнѣ удалось въ $1^1/_2$ дня справиться съ главнѣйшими хирургическими пособіями. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ моемъ распоряженіи находятся 10 врачей; я ими управляю деспотически, но, смѣю думать, справедливо. Я распредѣляю обязанности этихъ врачей такимъ образомъ, что двое или трое изъ нихъ, по очереди мѣняясь съ другими, должны сортировать вновь прибывшихъ раненыхъ. Складочное мѣсто (конюшня, палатка, а иногда и улица) для этого необходимо. Тутъ сначала выдѣляются отчаянные и безнадежные случаи (раны головныя съ выпаденіемъ мозга, брюшныя съ пораненіемъ кишекъ или другихъ брюшныхъ внутренностей), которые легко діагностируются; ихъ отдѣляютъ отъ прочихъ; имъ даютъ наркотическія средства, чтобы уменьшить ихъ страданія, и тотчасъ переходятъ къ раненымъ, подающимъ надежду на излеченіе—и на нихъ сосредоточиваютъ все вниманіе. Ихъ діагностируютъ, не трогая первоначальной перевязки, состоящей б. ч. изъ наложенныхъ на рану корпіи и повязки, чтобы не терять времени; сложные переломы сортируются опять отъ простыхъ ранъ. Потомъ транспортируютъ раненыхъ съ сложными переломами костей въ операціонное отдѣленіе или въ пріемный покой, поочередно, какъ они лежали, по три или по четыре заразъ, по числу врачей, и имъ сперва подаютъ первую помощь. Прочихъ слегка

перевязываютъ фельдшера, подъ руководствомъ одного или двухъ врачей. Извлеченіе пуль, расширеніе ранъ сначала не предпринимаются. Это напрасный трудъ, надъ которымъ многіе неопытные хирурги много теряютъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, раненый ничего отъ того не выигрываетъ, что ему вырѣжутъ пулю, которая торчитъ подъ кожею; напротивъ того, ему можно повредить, если второпяхъ пальцемъ или зондомъ доискиваться въ ранѣ пули, которая засѣла подъ толстыми или напряженными мышечными слоями, а можетъ быть и въ кости, для того только, чтобы удовлетворить своему тщеславію и похвастать, «что я, молъ, вытащилъ столько-то пуль». Этимъ ослѣпляется только непросвѣщенная публика, которая самодовольно улыбается, если хирургъ изъ раны вытаскиваетъ пулю или пыжъ. Этотъ видъ помощи неспѣшной, со временемъ, и при большемъ досугѣ все это совершается гораздо легче и съ меньшимъ ущербомъ для больного. Напротивъ того, раненые съ сложными переломами тотчасъ и весьма тщательно изслѣдуются. Первый діагнозъ для каждаго сколько-нибудь опытнаго врача не труденъ. Крепитація и ненормальная подвижность составляютъ два вѣрнѣйшихъ признака. Такихъ раненыхъ тотчасъ приносятъ въ операціонную комнату, кладутъ ихъ на столъ или на скамью, сперва хлороформируютъ, потомъ снимаютъ повязку и рѣшаютъ, можетъ ли раненый членъ быть сохраненъ или же нужны ампутація или резекція. Если принесли много раненыхъ, то мы оперируемъ одновременно, на 3 или на 4 столахъ. Тутъ такъ же необходимъ извѣстный порядокъ, чтобы выиграть время. У меня врачи такъ распредѣлены, что около каждаго раненаго, котораго оперируютъ, 4 или 5 врачей заняты. Съ тѣмъ комплектомъ врачей, которымъ я располагаю и къ которому нерѣдко присоединяются нѣсколько постороннихъ врачей, я могу оперировать не болѣе 2, много трехъ раненыхъ одновременно.

Три врача и пара солдатъ при операціяхъ—дѣйствующія лица. Одинъ слѣдитъ за пульсомъ во время хлороформированія, другой прижимаетъ артерію, третій оперируетъ; 2 или 3 солдата держатъ больного. Когда ампутація окончена и главныя артеріи перевязаны, уже дру-

гіе асистенты занимаются остановкой послѣдовательнаго кровотеченія, послѣ того какъ оперированнаго со стола перенесли на кровать. А 3 первые врача продолжаютъ оперировать другого раненаго. Для переноски оперированныхъ и раненыхъ назначены 4 служителя. Они стоятъ на готовѣ, руки по швамъ, чтобы тотчасъ по командѣ унести оперированнаго со стола на кровать и принести новаго раненаго на операціонный столъ. Такимъ образомъ все идетъ, какъ по маслу, и я съ часами въ рукахъ убѣдился, что можно окончить 10 большихъ ампутацій, даже съ помощью не очень опытныхъ рукъ, въ 1 часъ и 45 минутъ. Если же одновременно оперировать на 3 столахъ и съ 15 врачами, то въ 6 часовъ 15 минутъ можно сдѣлать 90 ампутацій, и поэтому—100 ампутацій съ небольшимъ въ 7 часовъ времени. Этотъ разсчетъ для меня очень важенъ. Когда я въ ноябрѣ 1854 г., около 20 дней спустя послѣ сраженія при Инкерманѣ, прибылъ въ Севастополь, то нашелъ еще болѣе ста раненыхъ въ этомъ сраженіи, съ сложными переломами, которымъ еще не было сдѣлано никакой операціи, въ ужаснѣйшемъ положеніи. Многіе изъ нихъ со слезами умоляли, чтобы имъ отняли раздробленныя конечности; но не были оперированы по недостатку порядка. Врачи извинялись недостаткомъ времени. Между ними было 12 хирурговъ. Но имъ достало бы времени при большемъ рвеніи и большемъ порядкѣ. Первую повязку я накладываю черезъ 5 или 7 часовъ, послѣ того, какъ первая помощь оказана всѣмъ раненымъ; до того раны слегка покрываются корпіею и компрессами и выжидаютъ послѣдовательное кровотеченіе. При послѣднемъ дѣлѣ мы по этому способу, какъ было описано, съ 8 или 10 врачами сдѣлали 55 ампутацій, оперируя сначала на одномъ, а потомъ на двухъ столахъ одновременно, въ теченіи 6 часовъ; часть этихъ врачей перевязывали, кромѣ того, еще прежнихъ раненыхъ, а два врача послѣ ночныхъ трудовъ отдыхали полдня.

Съ 20-ю хорошо пріученными и приловченными врачами такимъ образомъ можно очень много сдѣлать. Если же запустить первые 2 дня послѣ сраженія, то дѣлается чертовскій безпорядокъ, отъ котораго у каждаго голова закружится.

Теперь я приступлю къ обсужденію важнѣйшей главы вашего письма, т. е. объ угрожающей намъ злокачественной повальной болѣзни. Когда я въ декабрѣ былъ въ Симферополѣ, я подалъ докладную записку графу Адлербергу, въ которой я пророчилъ развитіе сыпного тифа въ городѣ. Мое предсказаніе, къ сожалѣнію, исполнилось. Мои врачи, сестры и сердобольныя вдовы уже умерли отъ тифа; это и не могло быть иначе. Въ то время было около 6,000 заразныхъ больныхъ, скученныхъ въ 45 домахъ города, не считая военныхъ госпиталей. Я цѣлые дни проводилъ въ сортировкѣ больныхъ, выдѣляя гангренозныя раны, тифы, холеринные поносы и отдѣляя такихъ больныхъ отъ чистыхъ ранъ и свѣже-раненыхъ. Все было напрасно. Только что я надѣялся устроить совершенный порядокъ, послѣ того какъ я отдѣлилъ всѣхъ больныхъ заразныхъ и одержимыхъ нечистыми и гангренозными язвами, помѣстивъ ихъ въ особые дома, при чемъ, по странной случайности, гангренозные больные помѣстились въ главной кондитерской Симферополя, какъ вдругъ ночью привезли новый транспортъ изъ Севастополя и Бахчисарая и опять всѣ pêle-mêle были сложены въ разныхъ отдѣленіяхъ; это оттого происходило, что не устроили складочнаго мѣста для вновь прибывающихъ больныхъ; о такъ называемыхъ пріемныхъ покояхъ, при переполненіи нашихъ больницъ, не могло быть и рѣчи. Въ городѣ были большія конюшни, въ которыхъ больные, какъ свиньи, въ грязи валялись вмѣстѣ съ умершими. Я настаивалъ на томъ, чтобы этотъ склепъ превратили въ приличное складочное мѣсто, на что онъ оказался пригоденъ.

Послѣ каждаго новаго транспорта больные складывались сперва туда, гдѣ ихъ сортировалъ дежурный врачъ и распредѣлялъ по разнымъ отдѣленіямъ. Но не нашли подходящаго мѣста, куда можно бы перевезти больныхъ (числомъ до 400) изъ этой ужасной трущобы. Стѣснялись объ этомъ извѣстить губернатора, который занималъ слишкомъ большое помѣщеніе, въ половинѣ котораго могли бы устроить хорошій госпиталь. Такъ проходило время въ переговорахъ и обѣщаніяхъ. Я не могъ долѣе оставаться въ Симферополѣ; устроивъ необходимѣйшую хирургиче-

ботаютъ вблизи стараго чумнаго кладбища. Прибавьте къ этому дурно устроенныя отхожія мѣста въ многочисленныхъ гарнизонахъ, несносныя жары въ городѣ, которыя и теперь иногда уже невыносимы, такъ какъ солнечные лучи отражаются отъ скалъ и отъ моря, самое положеніе города на холмахъ, раздѣленныхъ балками или рвами, бухты съ почти стоячею водою, эндемическій характеръ здѣсь господствующихъ болѣзней (лихорадки, тифъ и цынга весною), то, конечно, весьма надо опасаться послѣдствій, которыя можетъ причинить эта война, если она еще долго продлится. Уже въ концѣ января раны здѣсь показывали наклонность дѣлаться нечистыми. Я поэтому велѣлъ очистить такъ называемый 1-ый перевязочный пунктъ въ зданіи дворянскаго собранія, перевелъ больныхъ въ другіе дома и устроилъ два новыхъ помѣщенія для нечистыхъ ранъ (гангреновное отдѣленіе), велѣлъ провѣтривать прекрасное зданіе дворянскаго собранія и уже послѣ того, какъ оно болѣе пяти недѣль при открытыхъ окнахъ стояло пустымъ, я назначилъ это помѣщеніе, при увеличивающемся количествѣ раненыхъ, для перевязочнаго пункта, но, несмотря на то, что въ немъ съ тѣхъ поръ располагались только вновь оперированные, раны здѣсь, какъ и въ менѣе чистыхъ помѣщеніяхъ, показывали наклонность къ гангренесценціи и дѣлались нечистыми, особенно послѣ тяжелыхъ раненій или большихъ операцій. Въ то же время и между легко ранеными проявлялись тифъ и гнойный діатезъ.

Между внутренними болѣзнями преобладаютъ тифы, иногда сопряженные съ перемежающимися лихорадками (вѣроятно, возвратныя горячки), и скорбутъ, но до сихъ поръ не въ острой формѣ. Врачи и сестры милосердія заболѣваютъ и здѣсь тифомъ, а нѣкоторые уже умерли отъ него. Все это предвѣщаетъ намъ страшную гнилостную тифозную эпидемію во время лѣтнихъ жаровъ; будетъ ли она сопровождаться, какъ вы предполагаете, карбункулами и бубонами или нѣтъ, но всячески она будетъ очень смертоносна.

Поэтому, когда князь Горчаковъ сюда прибылъ, я считалъ своимъ долгомъ подать ему докладную записку, въ которой я изложилъ ему угрожающую намъ опасность,

доказалъ, что мы теперь также мало приготовлены принять и устроить большее количество раненыхъ, какъ и при его предшественникѣ, 24-го октября 1854 г. послѣ Инкерманскаго сраженія,—и предложилъ двѣ главныя и, по моему убѣжденію, единственныя мѣры для предупрежденія подобнаго неустройства:

1) Совершенную эвакуацію городскихъ госпиталей черезъ безпрерывную транспортировку. 2) Устройство госпитальныхъ палатокъ на безопасномъ мѣстѣ, на Сѣверной сторонѣ. Николаевскую батарею, какъ единственное въ городѣ безопасное мѣсто, казематированное и блиндированное, могущую помѣстить 800 больныхъ, я совѣтовалъ предоставить исключительно для поданія первой помощи раненымъ, и затѣмъ слѣдуетъ тотчасъ же отправлять ихъ въ кроватяхъ и на пароходахъ на Сѣверную сторону и тамъ размѣщать въ госпитальныхъ палаткахъ. Госпитальныя палатки, числомъ около 400, съ 20-ю койками каждая, тоже не должны бы пріютить болѣе 2000 больныхъ, а прочія должны оставаться пустыми на случай нужды. Какъ только число больныхъ превыситъ 2000, излишекъ тотчасъ долженъ быть удаленъ постоянной транспортировкой. Вино, хина и хининъ должны быть въ достаточномъ количествѣ и т. п. Но, увы, все это находится пока еще только на бумагѣ. 7.000 больныхъ скучены въ Севастополѣ, 5.500 въ Симферополѣ, нѣсколько тысячъ размѣщены въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ госпиталяхъ (въ Бахчисараѣ, Карасубазарѣ). При этомъ нѣтъ правильной транспортировки и образовался совершенный застой, который теперь продолжается уже около 4-хъ недѣль и съ каждымъ днемъ увеличивается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ возвели эту проклятую батарею противу Малахова кургана, которая можетъ быть и очень важна въ стратегическомъ отношеніи. У насъ нѣтъ хинной корки, очень мало хинина и вина и при томъ только то вино, котораго куплено мною на пожертвованныя на этотъ предметъ деньги. Генералъ штабъ-докторъ Шрейберъ, хотя уже сѣдой и рябоватый, все видитъ въ розовомъ свѣтѣ, новый начальникъ арміи обремененъ занятіями и поэтому не въ состояніи обо всемъ думать; транспортировочныя средства еще не прибыли; госпитальныя палатки, если бы даже мое предложеніе

вилось людямъ стараго закала; они предвидѣли, что этимъ можетъ быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администраціи. «У насъ это ввести нельзя».—отвѣтило мнѣ высокопоставленное лицо по этой администраціи, когда я его спросилъ, какого онъ мнѣнія о проектѣ великой княгини.—Почему же такъ?—«Да потому, что одинъ генералъ, который не хотѣлъ ихъ у себя вводить, сказалъ по этому поводу Государю: «у насъ нельзя, ваше величество, какъ разъ у . . . тъ». Это былъ ихъ единственный и самый сильный доводъ. Старикъ Меньшиковъ мнѣ тоже сказалъ, когда я ему донесъ о прибытіи сестеръ въ Симферополь: «я опасаюсь, чтобы этотъ институтъ не умножилъ бы число нашихъ сифилитиковъ». Эти старые грѣшники изучили женщину только usque ad portionem vaginalem.

О самоотверженной дѣятельности сестеръ милосердія въ крымскихъ госпиталяхъ надо спрашивать не меня, потому что я при этомъ не безпристрастенъ, ибо горжусь тѣмъ, что руководилъ ихъ благословенною дѣятельностью, но самихъ больныхъ, которые пользовались ихъ уходомъ.

Если только дальновидный комиссаріатъ не произнесетъ своего «veto», то я надѣюсь, что это молодое учрежденіе введется и въ другихъ нашихъ военныхъ госпиталяхъ на вѣчныя времена. Всякій благомыслящій врачъ, желающій, чтобы его предписанія не исполнялись грубою рукою фельдшера, долженъ искренно желать процвѣтанія сердобольнаго ухода за больными. Если здѣшняя женщина, сомнительнаго поведенія, движимая мягкосердіемъ своей женской натуры, подобно Магдалинѣ, здѣсь на поляхъ битвы и въ госпиталѣ, съ такимъ самоотверженіемъ помогала раненымъ, что обратила на себя вниманіе высшаго начальства и удостоилась особой награды, то уже несомнѣнно самопожертвованіе и христіанская добродѣтель женщинъ высшихъ слоевъ общества заслуживаетъ полнаго удивленія.

При этомъ не могу не вспомнить наивнаго отвѣта одной прославленной Дарьи. Община сестеръ милосердія, по своей инструкціи, имѣетъ право выбирать и другихъ женщинъ изъ разныхъ слоевъ общества; но сестры эти, до вступленія своего въ Общину, должны при-

нести присягу и обѣщать исполнить извѣстныя условія. Кто-то сказалъ Дарьѣ, что и она, если пожелаетъ, можетъ вступить въ число сестеръ милосердія.

Она явилась ко мнѣ узнать объ условіяхъ пріема: «надобно,—отвѣтилъ я,—по инструкціи, по крайней мѣрѣ цѣлый годъ оставаться цѣломудренною». — «Отчего же, можно и это»,—отвѣтила она, но затѣмъ исчезла и больше не являлась.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ о нашемъ стратегическомъ и политическомъ положеніи въ Севастополѣ. Я здѣсь не читаю газетъ, поэтому не знаю, какъ отдалены еще переговоры о мирѣ. Насколько, съ одной стороны, атомистика, а съ другой — лордъ Джонъ Россель этому способствуютъ—намъ тоже неизвѣстно. Даже живя здѣсь, мы ничего опредѣленнаго не знаемъ о судьбѣ Севастополя.

Въ военныхъ сферахъ котеріи и интриги играютъ почти такую же роль, какъ и въ нашемъ врачебномъ сословіи. Военное искусство еще болѣе основано на предположеніяхъ и случайныхъ совпаденіяхъ, нежели наше врачебное искусство; поэтому, разговаривая съ военными личностями, вы услышите 20 различныхъ взглядовъ, смотря по тому, исходятъ ли они отъ приверженцевъ Меньшикова, Сакена, Горчакова и т. д. При нѣкоторомъ навыкѣ къ такимъ разговорамъ можно уже напередъ знать, какое мнѣніе выскажетъ собесѣдникъ, если только знать, къ какой школѣ онъ принадлежитъ. Если, напримѣръ, слышится дурное предсказаніе о судьбѣ Севастополя, то вы можете быть увѣрены, что оно высказывается или полякомъ, или, что довольно странно, морякомъ. Поляки пророчествуютъ, натурально, дурной исходъ, потому что они поляки; но что заставляетъ собственно моряковъ опасаться дурного исхода—неудобопонятно; мнѣ кажется, что этому способствуетъ то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, какъ собственники и домовладѣльцы въ Севастополѣ, боятся за свое имущество и желаютъ быть утѣшенными. Это утѣшеніе имъ вдоволь доставляется тѣми, которые имъ съ жаромъ противорѣчатъ, и такъ какъ они сами, вѣроятно, раздѣляютъ эти на-

дежды, то они скоро соглашаются и вполнѣ утѣшенные возвращаются на свои батареи и пароходы.

Все это относится только до офицеровъ; матросы твердо убѣждены, что Севастополь неприступенъ. «Возьмутъ ли Севастополь?»—спросилъ я однажды одного матроса. «Прежде онъ (непріятель) его могъ бы взять, теперь не возьметъ»,—возразилъ онъ. Vox populi, vox Dei. Высказать ли и мнѣ свое мнѣніе? Какъ же мнѣ не высказать его, такъ какъ и моя шкура при этомъ въ опасности. Если ночью видишь полетъ безчисленныхъ свѣтящихся бомбъ, если знаешь, что отъ почтовой дороги насъ отдѣляетъ бухта, то невольно придетъ на умъ этотъ критическій вопросъ; особенно, если вы не герой, а простой врачъ. По моему мнѣнію, дѣйствія союзниковъ теперь не логичны и даже дѣтскія. Чего они домогаются упорною осадою Севастополя? Есть только три способа взять Севастополь: повтореніе бомбардировки, соединенное съ штурмомъ; во вторыхъ, пресѣченіе сообщенія города съ материкомъ, черезъ продолжительное обстрѣливаніе сѣверной бухты, которая есть продолженіе севастопольскаго рейда, и 3) обложеніе города и почтовой дороги сухимъ путемъ и осада сѣверныхъ его укрѣпленій. Кто знаетъ наши во время осады воздвигнутые батареи и редуты, число нашихъ пушекъ, храбрость и стойкость нашего могучаго гарнизона, состоящаго почти изъ 50.000 человѣкъ, которые большею частью подъ блиндажами охранены отъ дѣйствія непріятельскихъ бомбъ, кто сообразитъ, что союзники въ послѣдніе два мѣсяца почти никакихъ успѣховъ не сдѣлали и какъ мало вреда они до сихъ поръ нанесли нашимъ батареямъ,—тотъ легко присоединится къ господствующему мнѣнію, что непріятель теперь едва ли рѣшится на штурмъ, къ которому могли бы его подвинуть только отчаяніе или легкомысліе.

Отъ одного бомбардированія союзники менѣе могутъ ожидать пользы, потому что и намъ и имъ хорошо извѣстно, какъ мало вреда до сихъ поръ намъ причинили ихъ бомбы. Чтобы прервать сообщеніе съ Севастополемъ посредствомъ обстрѣливанья бухты, непріятель долженъ соорудить могучую батарею на такомъ пунктѣ, которымъ

до сихъ поръ не удалось ему завладѣть, несмотря на всѣ усилія, потому что пунктъ этотъ защищается многими нашими батареями: № 1, Малаховымъ и новымъ, Камчатскимъ, редутами. Наконецъ, для обложенія Севастополя сухимъ путемъ имъ понадобится еще армія въ 80 или 100.000, и ужъ никакъ не турецко-сардинская или неаполитанская, а, по мнѣнію Жирардена, даже армія въ 300.000 человѣкъ; намъ же тогда слѣдовало бы остаться безъ подкрѣпленій и безъ резервовъ, между тѣмъ какъ они изъ дунайской арміи съ каждымъ днемъ къ намъ приближаются. На два мѣсяца нашъ гарнизонъ имѣетъ вполнѣ достаточный провіантъ. Я и самъ на 2 мѣсяца закупилъ сухарей, такъ что въ случаѣ нужды не умру съ голода. Этотъ послѣдній способъ принудить Севастополь сдаться кажется мнѣ самымъ вѣроятнымъ, и непріятель, очевидно, имѣетъ его въ виду; только одного я не понимаю, зачѣмъ они тогда такъ неустанно работаютъ и стрѣляютъ, какъ будто готовятся къ скорому штурму; это имъ стоитъ много людей. Англичане столько потеряли людей, что уже оставили свои редуты и образуютъ теперь родъ резерва, между Севастополемъ и Балаклавой. Французы—веселый народъ, работаютъ одни. Жизнь въ сырыхъ траншеяхъ не понравилась любящимъ комфортъ англичанамъ. Если союзники дѣйствительно въ состояніи создать значительную армію, которая насъ на той сторонѣ побѣдитъ или запретъ, то имъ не нужны громадныя усилія и приготовленія къ штурму, ибо тогда Севастополемъ легко будетъ завладѣть. Но съ маленькою арміею они ничего не подѣлаютъ, хотя бы она и не состояла изъ однихъ сардинцевъ и неаполитанцевъ, хотя бы его святѣйшество самъ папа выслалъ бы ее изъ Рима; одною бомбардировкою безъ штурма, хотя бы она продолжалась 7 дней и 7 ночей, они не овладѣютъ Севастополемъ; они этимъ могутъ разрушить городъ и нашъ флотъ, но не повредятъ ни нашимъ укрѣпленіямъ, ни нашему гарнизону. О самомъ городѣ и толковать не стоитъ: эти каменныя груды въ два года и скорѣе могутъ быть вновь выстроены. Что же касается до нашего флота, то онъ состоитъ изъ 6 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ пароходовъ, которые

всѣ послѣ кампаніи или передѣлаются въ винтовыя суд: или, по негодности, выключатся изъ списковъ. 12 кораблей уже погружены въ воду. Между тѣмъ французы, ибо красные колеты со стыдомъ провалились, чуть что не каждую ночь атакуютъ наши Малаховъ и новый Камчатскій редуты, что даетъ много занятій нашему 3-му перевязочному пункту въ Александровскихъ казармахъ. Они сосредоточились на этихъ редутахъ, какъ на главнѣйшихъ препятствіяхъ ихъ плановъ, и оставили прочія батареи, даже знаменитую 4-ю, въ покоѣ. Тутъ они подводили мины, но такъ неискусно, что мы, ученики ихъ въ этомъ дѣлѣ, постоянно взрывали ихъ контрминами. Теперь туда не направляется ни одинъ выстрѣлъ. Сегодня, когда я писалъ эти строки, Сакенъ прислалъ ко мнѣ адъютанта предупредить меня, что у Камчатскаго редута, ночью, будетъ дѣло. Надо готовиться и ординаторамъ, какъ адмиралъ Непиръ своимъ матросамъ приказывалъ: «ребята, точите свои ножи». Прощайте, иду спать. Вашъ искренній другъ

Николай Пироговъ.

1855 года
18 марта, 11 ч. вечера.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Н. И. Пироговъ былъ женатъ дважды. Первая его жена, рожденная Березина, Екатерина Дмитріевна, однолѣтка и подруга дѣтства дочери проф. Мойера, Екатерины. Живя въ Дерптѣ, Н. И. часто встрѣчался у Мойеровъ съ семьей Березиныхъ, состоявшей изъ матери, дочери и сына. Позднѣе, уже въ Петербургѣ, Пироговъ встрѣтилъ Екатерину Николаевну, мать, съ дочерью, жившихъ уединенно на Васильевскомъ Островѣ. Затѣмъ онъ потерялъ эту семью изъ виду. Въ 1842 году Пироговъ разузналъ, гдѣ жило семейство Березиныхъ, сдѣлалъ письменно предложеніе Екатеринѣ Дмитріевнѣ и получилъ согласіе какъ Екатерины Дмитріевны съ матерью, такъ и ея отца, жившаго отдѣльно. Въ концѣ 1842 года состоялась свадьба Пирогова. Отъ этого брака родилось 2 сына: Николай, родившійся 11 ноября 1843 года, и Владиміръ, родившійся 12 января 1846 года. Николай, математикъ, скончался въ 1891 г. Въ 1846 г. скончалась жена Пирогова; послѣ родовъ у нея развился психозъ и она спустя нѣсколько дней совершенно неожиданно скончалась. Еще въ день ея смерти Зейдлицъ сказалъ О. И. Сенковскому, что теперь идетъ хорошо, нечего опасаться за жизнь больной; дай Богъ, чтобы то же самое можно было сказать объ ея разсудкѣ; кажется, она останется помѣшанной, по крайней мѣрѣ надолго. На Н. И. внезапная смерть жены произвела потрясающее впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ Екатерину Дмитріевну Е. Н. Ахматова [1]). „Она была цвѣтущаго здоровья, что называется, кровь съ молокомъ, настоящая жена для хирурга, которому пріятно послѣ страдальческихъ лицъ своихъ больныхъ найти у себя дома свѣжее, румяное личико, дышавшее здоровою красотою. Она была олицетвореніемъ кротости и очень хороша собою". Далѣе Ахматова характеризуетъ ее, какъ „милую и прелестную женщину" и передаетъ нѣкоторыя черты семейной жизни Пироговыхъ. Н. И., пишетъ она, впослѣдствіи перемѣнилъ свой взглядъ на женщинъ, но въ то время (въ 1845 г.) взгляды его на обязанности жены были нѣсколько оригинальны. Онъ желалъ, чтобы жена его не бывала на балахъ и даже въ театрѣ, чтеніе романовъ и короткое знакомство съ кѣмъ бы то ни было онъ тоже запрещалъ. У Екатерины Дмитріевны характеръ былъ очень уступчивый и кроткій, она не тяготилась такой жизнью, но очень была рада, когда получила разрѣ-

[1]) Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія Е. Н. Ахматовой. «Русская Старина», 1890 г., августъ, стр. 343, 340.

шеніе читать Ахматовой вслухъ французскіе и русскіе романы (Ахматова страдала глазами и лечилась у Н. И.). Въ теченіи всей зимы 1845 года Ахматова проводила цѣлые дни съ Ек. Дм. и никогда никого изъ посторонних не видала у нея. Ек. Дм. читала, Ахматова слушала, но въ тѣ дни, когда Ахматовой не было, Ек. Дм. оставалась совсѣмъ одна. Н. И., конечно, по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, а его родныхъ, которые хотя жили въ одномъ домѣ, но были совсѣмъ другого склада и воспитанія, Ахматова у Ек. Дм. никогда не видала.

Вторично Пироговъ женился (въ 1851 г.) на дочери генералъ-лейтенанта Бистрома, Александрѣ Антоновнѣ. Отъ второго брака у Пирогова дѣтей не было.

У А. А. Пироговой были двѣ сестры: старшая Елизавета Антоновна, отъ первой жены генерала Бистрома, и младшая, Марья Антоновна. Елизавета Антоновна, по мужу Арцыбушева (мужъ ея былъ жандармскій генералъ), провела послѣдніе годы своей жизни у А. А. въ Вишнѣ, гдѣ и похоронена.

Младшая сестра, Марья Антоновна, была въ эпоху „Севастопольскихъ писемъ" замужемъ вторымъ бракомъ за сенаторомъ Вас. Мих. Быковымъ, а впослѣдствіи вышла въ третій разъ замужъ за сенатора члена Государственнаго Совѣта Любощинскаго.

2) Елизавета Антоновна Арцыбушева (см. прим. 1).

3) Кто это лицо—неизвѣстно.

4) Сохраничевъ, Василій Степановичъ, родился въ 1810 году, донской казакъ; въ 1829 году поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, откуда перешелъ въ С.-Пет. Медико-Хирургическую Академію, гдѣ и получилъ, какъ волонтеръ, званіе лекаря въ 1835 г. Въ 1840 г. получилъ званіе медико-хирурга. Былъ военнымъ врачемъ, сперва въ провинціи, а затѣмъ въ Петербургѣ. Въ Крымскую кампанію отправился на театръ военныхъ дѣйствій и погибъ въ Севастополѣ отъ тифа, въ декабрѣ 1854 года.

5) Иноземцевъ, Федоръ Ивановичъ, родился 12 февраля 1802 г.; въ 1819 году поступилъ въ Харьковскій университетъ на словесное отдѣленіе, но, до окончанія курса, оставилъ университетъ, былъ учителемъ уѣзднаго училища. Затѣмъ, въ 1825 году, снова поступилъ въ Харьковскій же университетъ, но уже на медицинскій факультетъ, который и окончилъ лекаремъ въ 1828 году, и былъ отправленъ отъ Харьковскаго университета въ Дерптъ въ профессорскій институтъ для подготовки къ каѳедрѣ по хирургіи. Здѣсь онъ пробылъ съ 1828 по 1833 годъ и получилъ степень доктора медицины. Для дальнѣйшаго усовершенствованія былъ посланъ за границу. По возвращеніи изъ заграничной командировки занялъ каѳедру хирургіи въ Московскомъ университетѣ, въ 1835 году. Профессуру Иноземцевъ оставилъ въ 1854 г. Онъ умеръ 6 августа 1869 г. Онъ имѣлъ въ Москвѣ громадную практику, которую раздѣлялъ съ цѣлымъ товариществомъ молодыхъ врачей, носившихъ среди московскаго купечества кличку „молодцовъ съ Никитской", гдѣ жилъ самъ „хозяинъ"—Иноземцевъ.

Иноземцевъ былъ товарищемъ Пирогова по Дерптскому университету; они жили четыре слишкомъ года вмѣстѣ въ одной комнатѣ въ клиникѣ; но ихъ лѣта, взгляды, вкусы, занятія, отношенія къ товарищамъ, профессорамъ и другимъ лицамъ—были такъ различны, что, кромѣ одного помѣщенія и одной и той же науки, избранной обоими ими, не было между ними ничего общаго. Въ своихъ мемуарахъ Пироговъ неоднократно останавливается на личности Иноземцева, перебившаго ему дорогу къ московской каѳедрѣ. Когда подходилъ срокъ окончанія заграничной командировки, всѣ молодые ученые получили отъ министерства запросъ, въ какомъ университетѣ каждый изъ нихъ желалъ бы получить профессорскую каѳедру. Пироговъ отвѣчалъ не запинаясь: въ Москвѣ, на родинѣ; онъ увѣдомилъ объ этомъ свою мать, чтобы она заблаговременно распорядилась съ квартирою и т. п. Съ радостными мечтаніями о хирургической каѳедрѣ въ Москвѣ возвращался Н. И. изъ-за границы. По дорогѣ Н. И. серьезно заболѣлъ и пробылъ въ Ригѣ, въ военномъ госпиталѣ, нѣсколько мѣсяцевъ. Совершенно оправившись отъ своей болѣзни, Н. И. пустился въ дальнѣйшій путь, въ Петербургъ, завернувъ по дорогѣ въ Дерптъ. Первая новость, услышанная имъ въ Дерптѣ, была та, что онъ покуда остался за штатомъ и прогулялъ свое мѣсто въ Москвѣ. Онъ узналъ, что попечитель Московскаго университета Строгановъ настоялъ у министра объ опредѣленіи на каѳедру хирургіи въ Москвѣ Иноземцева. Первое впечатлѣніе отъ этой новости было очень тяжелое для Пирогова. „Это онъ, пишетъ Н. И., назначенъ былъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастья въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда, наконецъ, я явлюсь къ нимъ, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжкое время сиротства и нищенства! И вдругъ всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ!"

Характеризуя Иноземцева, какъ врача, Пироговъ находитъ, что онъ не былъ научно-раціональнымъ врачемъ, въ современномъ значеніи, но отъ природы былъ хорошій практикъ, имѣлъ тактъ, сноровку и смекалку. Иноземцевъ былъ, по выраженію Н. И. „терапевтическій діагностъ". Пироговъ не объясняетъ, что онъ понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ, но изъ приводимыхъ имъ въ дальнѣйшемъ замѣчательныхъ случаевъ изъ практики Иноземцева можно заключить, что онъ хотѣлъ этимъ охарактеризовать „способность Иноземцева находить правильныя показанія къ употребленію того или другого способа леченія". Иноземцевъ былъ всегда фанатикомъ разныхъ предположеній и этотъ-то фанатизмъ онъ и считалъ медицинскимъ раціонализмомъ. Этотъ фанатическій раціонализмъ и заставилъ Иноземцева быть періодическимъ приверженцемъ различнѣйшихъ способовъ леченія, причемъ онъ въ извѣстномъ средствѣ видѣлъ панацею противъ даннаго заболѣванія. Такъ, во время холеры (въ 1848 году) нашлись капли, извѣстныя и до сихъ поръ подъ именемъ „Иноземцевскихъ", которыми онъ,

по его мнѣнію, спасалъ всѣхъ больныхъ отъ холеры, если только успѣвалъ во-время захватить болѣзнь.

Этими знаменитыми каплями снабдилъ онъ и Пирогова при ихъ послѣднемъ свиданіи въ Москвѣ, въ 1854 г. Проѣздомъ въ Севастополь Н. И. заѣхалъ къ Иноземцеву, обѣдалъ у него и послѣ обѣда почувствовалъ себя дурно, вслѣдствіе чего и получилъ на дорогу драгоцѣнную панацею съ наставленіемъ, какъ ее употреблять противъ холеры. Бутылку съ „Иноземцевскими каплями" Н. И. привезъ нетронутой изъ-подъ стѣнъ Севастополя.

6) Павелъ Петровичъ Арцыбушевъ, мужъ Елизаветы Антоновны (см. прим. 1).

7) Витгенштейнъ, Николай Петровичъ, сынъ фельдмаршала, участника Отечественной войны, близкій пріятель Н. И., вѣроятно, еще со временъ дерптскаго студенчества. Н. П. Витгенштейнъ родился 9 августа 1811 года; въ 1829—30 гг. изучалъ въ Дерптѣ военныя науки, дослужился въ кавалеріи до майора, былъ чиновникомъ особыхъ порученій при лифляндскомъ генералъ-губернаторѣ. Умеръ въ Царскомъ Селѣ 27 февраля 1867 года.

8) Обермиллеръ, Александръ Леонтьевичъ, уроженецъ Бадена, родился въ 1837 году и въ раннемъ дѣтствѣ былъ привезенъ своими родителями въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ, по окончаніи курса въ гимназіи, поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію въ качествѣ вольнослушателя. Въ 1853 году Обермиллеръ окончилъ курсъ въ Академіи и въ томъ же году былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ во 2-й военно-сухопутный госпиталь. Здѣсь онъ работалъ въ клиникѣ Пирогова и затѣмъ вмѣстѣ съ послѣднимъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Севастополь, гдѣ и пробылъ 6 мѣсяцевъ. Въ 1880 г. былъ назначенъ помощникомъ управляющаго придворною медицинскою частью, а въ 1882 г.— управляющимъ придворною медицинскою частью, послѣ ухода Цыцурина. Обермиллеръ умеръ въ Царскомъ Селѣ 10 августа 1892 г. Обермиллеръ былъ однимъ изъ учредителей Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова и долголѣтнимъ его предсѣдателемъ. Въ Севастополѣ Обермиллеръ стоялъ очень близко къ Пирогову, проявилъ себя, какъ дѣльный и неутомимый работникъ, на которомъ, между прочимъ, лежало веденіе всѣхъ записей и всей статистики относительно раненыхъ и оперированныхъ.

9) Калашниковъ, лекарскій помощникъ, сопровождавшій уже Пирогова въ его командировкѣ на Кавказъ въ 1847 г. По вольному найму Калашниковъ занималъ должность консерватора анатомическаго института Медико-Хирургической Академіи. Отправляясь въ Севастополь, Пироговъ опять взялъ съ собою Калашникова. Въ виду того, что Калашниковъ завѣдывалъ гангренознымъ отдѣленіемъ, его въ Севастополѣ прозвали Харономъ.

10) Буря 2 ноября 1854 г., разразившаяся на Черномъ морѣ, отличалась необычайной силой. Отъ этой бури очень пострадалъ флотъ союзниковъ и масса купеческихъ судовъ [1]).

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны. Т. V, стр. 7—64.

11) Марія Антоновна Быкова (см. прим. 1).

12) Антонскій, почтъ-директоръ Новороссійскаго края.

13) Здекауеръ, Николай Федоровичъ, сынъ врача, приглашеннаго въ числѣ другихъ семи иностранныхъ докторовъ на русскую службу въ царствованіе императора Александра Павловича министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. В. П. Кочубеемъ, родился въ Свеаборгѣ 17 марта 1815 года. Среднее образованіе Здекауеръ получилъ въ совершенно исключительномъ по своему образцовому педагогическому строю пансіонѣ реформатскаго пастора Іоганна фонъ-Муральта. Ученикъ и послѣдователь Песталоцци, Муральтъ подобралъ по истинѣ блестящій составъ преподавателей и устроилъ въ Петербургѣ въ тѣ времена такую прекрасную среднюю школу, какой нѣтъ и теперь. Въ теченіи курса, продолжавшагося всего 4 года, воспитанники знакомились какъ съ естественными, такъ и со словесными науками. Преподаваніе естественныхъ наукъ носило по преимуществу наглядный, демонстративный характеръ. Кромѣ того, чтобы показать имъ промышленную обработку различныхъ естественныхъ продуктовъ, воспитанниковъ водили на фабрики и заводы. Параллельно съ этимъ шло основательное изученіе словесныхъ наукъ. При изученіи древнихъ языковъ особенное вниманіе обращалось на литературные памятники античнаго міра. Новымъ языкамъ (французскому, нѣмецкому и англійскому) воспитанники научались вполнѣ, причемъ знакомились въ оригиналѣ съ западно-европейскими классиками. Русскому языку, литературѣ и вообще отечествовѣдѣнію было также отведено подобающее мѣсто. Однимъ словомъ, окончившіе пансіонъ Муральта получали весьма солидное общее образованіе. Поэтому неудивительно, что, вспоминая почти полвѣка спустя съ благодарностью о Муральтовскомъ пансіонѣ, Н. Ф. могъ сказать: «Heureux ceux, qui comme nous n'ont pas besoin d'oublier ce, qu'ils ont appris dans leur jeunesse!» (Réminiscences de la pension du pasteur Jean de Muralt, de 1825 à 1831. Par un ancien élève de cette pension [N. Zdekauer], St. Pet. 1874). Стремясь доставить своимъ питомцамъ хорошее образованіе, почтенный пасторъ вмѣстѣ съ тѣмъ прилагалъ не мало заботъ къ ихъ физическому и нравственному воспитанію. Играмъ ка открытомъ воздухѣ и лѣтомъ и зимой, физическимъ упражненіямъ и гимнастикѣ было удѣлено достаточно времени. Тѣлесныхъ наказаній не существовало и лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ они примѣнялись въ символическомъ видѣ. Такъ, уличенному лжецу—ложь считалась въ пансіонѣ Муральта самымъ ужаснымъ проступкомъ — торжественно въ присутствіи всего пансіона давалось нѣсколько слабыхъ ударовъ розгой по рукѣ; и это производило на виновнаго и всѣхъ учениковъ потрясающее впечатлѣніе. Обычно—самымъ тяжкимъ наказаніемъ былъ публичный выговоръ со стороны самого пастора. Въ 1831 году Н. Ф. поступилъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета, а черезъ 2 года, въ 1833 г., перешелъ въ Мед.-Хир. Ак. своекоштнымъ студентомъ или волонтеромъ, какъ ихъ тогда называли.

Научный багажъ, вынесенный Здекауеромъ изъ Академіи, былъ не особенно великъ, въ виду чего онъ тотчасъ по окончаніи курса, весною 1838 года, отправился для усовершенствованія за границу, въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну и Прагу.

По возвращеніи изъ заграничной поѣздки, Н. Ф. поступилъ на военно-медицинскую службу, чтобы имѣть возможность работать въ клиникѣ своего любимаго учителя, проф. Зейдлица. Какъ ординаторъ 2-го военно-сухопутнаго С.-Петербургскаго госпиталя (нынѣшняго клиническаго госпиталя), Здекауеръ велъ палату съ грудными больными и вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ всѣ вскрытія изъ клиники Зейдлица. На почвѣ этихъ занятій патологической анатоміей и произошло сближеніе Здекауера съ Пироговымъ. Когда Н. И. занялъ каѳедру госпитальной хирургіи въ Академіи (въ 1842 году), ему было вмѣнено въ обязанность также и преподаваніе патологической анатоміи и составленіе патологическаго кабинета. Поэтому всѣми вскрытіями по госпиталю сталъ завѣдывать Пироговъ. Къ нему на вскрытіе поступали и умершіе въ отдѣленіи Здекауера, съ весьма подробными исторіями болѣзни и подчасъ весьма смѣлыми и проблематическими діагнозами, которые въ своемъ увлеченіи новыми физическими методами изслѣдованія больныхъ увѣренно ставилъ молодой ординаторъ. Ординаторскіе листки Здекауера ярко и выгодно выдѣлялись среди прочихъ и тотчасъ обратили на себя вниманіе Пирогова. «Такъ какъ я, пишетъ Здекауеръ [1]), присутствовалъ при всякомъ вскрытіи, то мнѣ не трудно было сообщить подробный и правдивый перечень прижизненныхъ функціональныхъ разстройствъ и объективныхъ явленій,—но только мои заключенія о значеніи послѣднихъ и связи ихъ съ органическими разстройствами далеко не всегда были вѣрными. При этихъ провѣркахъ мы скоро познакомились, и строгій разборъ моихъ ошибокъ, съ указаніемъ причины, отчего онѣ произошли, сдѣлался для меня драгоцѣннымъ источникомъ, хотя медленнаго, но основательнаго усовершенствованія не столько въ діагностической техникѣ, которую я себѣ давно усвоилъ, сколько въ умѣніи узнавать извѣстныя органическія разстройства по выдающимся при нихъ группамъ объективныхъ признаковъ и функціональныхъ разстройствъ. Въ этомъ направленіи и я имѣлъ счастіе быть ученикомъ Пирогова», замѣчаетъ Здекауеръ.

Сближеніе это вскорѣ повело къ тѣсной дружбѣ.

Въ 1849 году Здекауеръ занялъ каѳедру общей патологіи, общей терапіи и врачебной діагностики, а въ 1860 году перешелъ на каѳедру госпитальной терапевтической клиники.

Въ 60-ыхъ годахъ среди профессоровъ Академіи стали очень рѣзко проявляться различные партійные раздоры и недоразумѣнія, главнымъ образомъ, на почвѣ національизма. Эту партійность старались привить и студентамъ. И вотъ на диспутѣ Э. Э. Эйхвальда

---

[1]) Императорская Спб. Медико-Хирургическая Академія въ 1833—1863 гг.—Записки Ник. Фед. Здекауера. «Русская Старина». 1891. Отд. отт., стр. 15.

любимаго ученика и ассистента Здекауера, послѣднему студенты устроили враждебную демонстрацію, что побудило Здекауера, въ свою очередь, покинуть Академію (въ 1863 году).

Оставивъ такъ неожиданно свое любимое дѣло—клиническое преподаваніе, Здекауеръ обратилъ свое вниманіе на вопросы общественной гигіены и санитаріи. Еще будучи профессоромъ (въ 1850 году), Здекауеръ вмѣстѣ съ Е. В. Пеликаномъ, И. А. Кочубеемъ и Ю. К. Траппомъ задумалъ основать въ Россіи, на подобіе лондонской аналитической коммиссіи, общество для изслѣдованія предметовъ народнаго довольствія [1]). Но лишь въ 1878 году Здекауеру удалось провести въ жизнь подобную идею, правда, еще въ болѣе широкомъ масштабѣ, и основать «Общество охраненія народнаго здравія». Во всѣхъ предпріятіяхъ этого общества (устройство нормальныхъ столовыхъ, дѣтскихъ лечебныхъ колоній и т. п.) Здекауеръ всегда принималъ самое живѣйшее участіе и почти до самой смерти былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Общества охраненія народнаго здравія. Здекауеръ умеръ 15 января 1897 года [2]).

Сближеніе Здекауера съ Пироговымъ повело къ вступленію Н. Ф. въ нѣмецкій «Пироговскій кружокъ»—Pirogoff'scher Verein. Въ 1843 году вокругъ Пирогова сгруппировался небольшой кружокъ близкихъ друзей и товарищей по Дерптскому университету. Кружокъ этотъ образовалъ собою небольшое медицинское общество, которое собиралось каждыя двѣ недѣли у кого-либо изъ членовъ его по очереди. Выслушивались научныя сообщенія и происходилъ непринужденный свободный обмѣнъ мыслей. Протоколы засѣданій составлялись и велись очень тщательно. Членами кружка были, кромѣ Пирогова и Здекауера, Я. Я. Шмидтъ, директоръ родовспомогательнаго заведенія и лейбъ-акушеръ, А. П. Загорскій, профессоръ физіологіи, извѣстный писатель В. И. Даль, академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ, генералъ-штабъ-докторъ флота К. О. Розенбергеръ, главный врачъ больницы для чернорабочихъ д-ръ Фоссъ, гидропатъ и фармакологъ д-ръ Реймерсъ, главный врачъ больницы св. Маріи Магдалины К. М. Лингенъ, главный врачъ Воспитательнаго Дома, извѣстный окулистъ Фребеліусъ, д-ръ В. И. Гигинботомъ. Для вступленія въ члены требовалось единогласное избраніе. Кружокъ существовалъ еще долгое время послѣ оставленія Пироговымъ Петербурга и угасъ въ 80-ыхъ годахъ. Пироговъ за время своего пребыванія въ Петербургѣ сдѣлалъ въ кружкѣ своего имени свыше 70 сообщеній [3]).

---

[1]) Шмигельскій М. Историческій очеркъ каѳедры госпитальной терапевтической клиники Имп. Военно-Мед. Акад. Спб. Дисс. 1897.

[2]) Выдающаяся и прекрасная личность Н. Ф. Здекауера очень полно и тепло очерчена въ дисс. В. П. Верекундова (Историческій очеркъ каѳедры діагностики и общей терапіи въ Имп. Воен.-Мед. Ак. Спб. 1898).

[3]) Здекауеръ. Къ памяти о Пироговѣ. Протоколы и труды Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова за 1882—83. Спб. 1883, р. 120—4.

14) Улицы въ С.-Петербургѣ, не блиставшія благоустройствомъ въ тѣ времена.

15) „Офицеръ здравія“—Officier de santé—во Франціи соотвѣтствуетъ нашему лекарскому помощнику.

16) Никитинъ, фельдшеръ изъ госпитальной клиники Пирогова, взятый имъ съ собой въ Севастополь.

17) „Семейство Глазенапъ (мужъ и жена) оставались долго нашими добрыми пріятелями все время, пока мы жили въ Петербургѣ; потомъ пространство раздѣлило насъ. Архангельскъ (гдѣ Глазенапъ былъ губернаторомъ) и Одесса или Кіевъ (гдѣ я былъ попечителемъ), потомъ Германія, гдѣ я жилъ 4 года, Николаевъ, гдѣ Глазенапъ былъ военнымъ губернаторомъ; наконецъ, Подольская губернія (мое имѣніе) и Петербургъ, гдѣ Глазенапъ и теперь еще (октябрь 1881 г.) служитъ,—это все такая даль, такія разстоянія, что давно уже, лѣтъ 15, мы не видались“ (Мемуары Н. И. Пирогова).

18) Рѣчь идетъ о „Дамскомъ Комитетѣ, утвержденномъ для вспомоществованія семействамъ воиновъ, назначенныхъ для защиты столицы и береговъ Прибалтійскаго края“. Когда Пироговъ уѣзжалъ, въ октябрѣ 1854 г., въ Севастополь, предсѣдательница этого Комитета, Бибикова, передала Н. И. изъ суммъ Комитета 1000 руб. сер. въ пользу раненыхъ и больныхъ севастопольскихъ лазаретовъ. Въ бумагахъ Пирогова сохранились подлинные счета и росписки по израсходованію этой суммы.

19) Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

20) Генрици, Александръ Александровичъ, родился въ 1824 г. По окончаніи курса въ Медико-Хирургической Академіи, въ 1847 г., въ качествѣ казеннокоштнаго, поступилъ въ полковые лекари. Дважды былъ прикомандированъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю, въ 1851 и въ 1852 гг., причемъ былъ ординаторомъ въ госпитальной клиникѣ Пирогова. Генрици прошелъ всю крутую лѣстницу военно-медицинской службы, дойдя въ концѣ концовъ до финляндскаго окружнаго военно-медицинскаго инспектора. Въ Крымскую кампанію Генрици отправился штабъ-лекаремъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

Генрици оставилъ обширныя и крайне интересныя воспоминанія о войнѣ 1853—55 гг. Въ этихъ воспоминаніяхъ ярко рисуется забитое и неприглядное положеніе русскаго военнаго врача того самодурно-жестокаго времени, причемъ автора никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ сгущеніи красокъ. Читая нѣкоторыя сцены въ лицахъ, просто не вѣрится, чтобы, съ одной стороны, могли позволять себѣ такое грубо-возмутительное отношеніе, а съ другой—могли терпѣть надъ собой такое нагло-заносчивое третированіе.

По поводу своей встрѣчи съ Пироговымъ у ген. Семякина Генрици въ своихъ воспоминаніяхъ подробно останавливается на той роли и томъ значеніи, которое имѣло для Севастополя присутствіе Пирогова.

„У Семякина 11-го ноября, пишетъ Генрици, встрѣтилъ я моего славнаго наставника, Николая Ивановича Пирогова, прибывшаго

по Высочайшему повелѣнію въ Севастополь съ Крестовоздвиженскою общиною сестеръ милосердія и съ корпораціею дѣльныхъ хирурговъ для оказыванія раненымъ воинамъ оперативной помощи, для организованія хирургической корпораціи и для правильнаго направленія и распредѣленія дѣятельности хирурговъ. Съ тѣхъ поръ мои поѣздки въ Севастополь имѣли двойной интересъ: послѣ визита ген. Семякину, я могъ каждый разъ провожать Пирогова по госпиталямъ и присматриваться къ заводимымъ имъ порядкамъ и нововведеніямъ, и все, провѣренное у него на опытѣ, могъ съ пользою примѣнять на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ. Многіе изъ моихъ сослуживцевъ тоже съ позицій ѣздили съ тою же цѣлью въ Пироговскія отдѣленія, такъ что съ тѣхъ поръ наша дѣятельность на перевязочныхъ пунктахъ блокадныхъ позицій была живымъ отголоскомъ взгляда нашего общаго наставника".

„Насколько дѣятельность и воззрѣнія Пирогова были поучительны для медиковъ и полезны для арміи, настолько же не соотвѣтствовало его назначенію создавшаяся кругомъ его обстановка. Между его ассистентами можно было насчитать много дѣльныхъ хирурговъ и медиковъ, но вѣрно и то, что увлеченные личною своею дѣятельностью и наукою, они при осложнявшихся отношеніяхъ Пирогова къ военнымъ и другимъ властямъ и къ военно-медицинской іерархіи въ арміи, не думали о сбереженіи благопріятныхъ для своего наставника отношеній, такъ что по неопытности, или по личной заносчивости, или прямо по невѣдѣнію ассистентовъ, послѣдніе весьма небрежно писали бумаги къ старшимъ лицамъ. Черезъ это съ каждымъ днемъ наживались враги между этими лицами. Преданнѣйшій и дѣльнѣйшій изъ приближенныхъ Пирогова, докторъ Обермиллеръ былъ обремененъ хирургическою, ручною работою и статистикой и потому былъ лишенъ возможности слѣдить за общимъ ходомъ дѣятельности и отношеній всей корпораціи Пирогова, а предложившій арміи свои услуги проф. Гюббенетъ, вмѣсто того, чтобы, для общей пользы, стать сразу подъ знамя Пирогова, пользоваться его опытомъ и исключительными знаніями, вздумалъ съ нимъ соперничать, создавая отдѣльную корпорацію, враждебно относившуюся къ Пироговской. Между тѣмъ при частой замѣнѣ Пироговскихъ медиковъ, на различныхъ мѣстахъ, полевыми и обратно, и при несуществовавшемъ разграниченіи дѣятельности его корпораціи отъ таковой прочихъ медиковъ, всѣ заслуги послѣдней (т. е. Пироговской) въ общей массѣ стушевывались и часто приписывались неповиннымъ въ нихъ лицамъ, что особенно легко свершалось при всегдашнемъ нерасположеніи представителей полевой медицины къ Пирогову. Вотъ почему онъ изъ Севастополя не вышелъ тѣмъ колоссомъ геніальности ума и самоотверженія предъ правительствомъ и народомъ, каковымъ онъ дѣйствительно былъ" [1]).

Какъ бы резюмируя съ точки зрѣнія русской арміи профессор-

---

[1]) Генрици. А. А. Воспоминанія о восточной войнѣ. «Русская Стар.» 1877. XX, стр. 448—50.

скую дѣятельность Пирогова въ Медико-Хирургической Академіи, Генрици говоритъ, что Пироговъ „оказалъ незабвенную услугу арміи тѣмъ, что создалъ для арміи нѣсколько сотъ дѣльныхъ, съ истинною научною подготовкою, энергическихъ и съ непоколебимыми принципами честности медиковъ и хирурговъ“ (l. c. t. XXII, p. 228).

21) Таубе (Claus Berent Taube), родился въ 1810 г., окончилъ курсъ медицинскаго факультета въ Дерптѣ въ 1837 г., со степенью лекаря. Былъ флотскимъ врачемъ въ Кронштадтѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, затѣмъ былъ главнымъ врачемъ черноморскаго флота и главнымъ врачемъ морского госпиталя въ Николаевѣ. Умеръ въ 1874 г.

22) Вальтеръ (Piers Uso Friedrich Walter), родился 7 октября 1795 г., съ 1813 по 1817 г. былъ студентомъ медицинскаго факультета въ Дерптѣ, а затѣмъ до 1819 г.—въ Берлинѣ и Вюрцбургѣ. До 1834 г. былъ вольно-практикующимъ врачемъ въ Вольмарѣ. Съ 1834—59 г.—профессоръ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ Дерптскомъ университетѣ. Съ 1859 г. оставилъ профессуру и занялся частной практикой въ Дерптѣ. Умеръ 27-го іюля 1874 г.

23) 24-го октября 1854 г.—сраженіе при Инкерманѣ; убыль съ нашей стороны составляла около 11,000 человѣкъ.

24) Дарья (Александровна), извѣстная подъ именемъ Дарьи Севастопольской, дочь матроса черноморскаго флота, съ 15 лѣтъ осталась круглой сиротой и вела довольно проблематическое существованіе. Когда союзныя войска высадились въ Евпаторіи, а наша армія стала стягиваться къ рѣкѣ Альмѣ, Дарья отправилась вслѣдъ за войсками. Во время Альминскаго сраженія Дарья устроила подъ непріятельскимъ огнемъ весьма примитивный перевязочный пунктъ и перевязывала раненыхъ, какъ могла и умѣла. Съ этого времени вплоть до конца марта 1855 г. Дарья непрерывно ухаживала за ранеными и больными, работая на перевязочныхъ пунктахъ, въ лазаретахъ и госпиталяхъ осажденнаго Севастополя. Дарья даже мечтала совершенно отдаться уходу за больными и ранеными и хотѣла вступить въ общину сестеръ милосердія.

По окончаніи войны Дарья вышла замужъ за отставного матроса и поселилась въ Николаевѣ. За свою поистинѣ самоотверженную дѣятельность Дарья получила медаль, золотой крестъ съ надписью „Севастополь“ и, при выходѣ своемъ замужъ, 1,000 руб. сер. въ приданое [1]).

25) Радемахеръ (Johann Gottfried Rademacher), основатель пресловутой „здравомыслящей опытной терапіи“, родился 7 августа 1772 г. въ Гаммѣ (Hamm), медицинскія науки изучалъ въ Іенѣ и Берлинѣ. Съ 1797 г. поселился въ качествѣ вольно-практикующаго врача въ маленькомъ пограничномъ съ Голландіей городкѣ Гохъ (Goch), гдѣ и умеръ 7 февраля 1849 г. Ученіе Радемахера, основныя идеи котораго самъ авторъ видитъ во взглядахъ алхимиковъ,

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. Подъ ред. Н. Дубровина. СПБ. 1871. Т. II, р. 475—77.

главнымъ образомъ, Парацельса, qu'il rêve en plein midi et délire en pleine santé, по мѣткому опредѣленію одного историка медицины, имѣло цѣлью, подобно гомеопатіи и месмеризму, совершенное низверженіе существующей научной медицины. По ученію Радемахера, болѣзнь представляетъ собою совершенно непостижимое для разума пораженіе жизни, послѣднее выражается, въ видѣ какой-либо формы болѣзни, разстройствомъ функцій отдѣльныхъ органовъ; самая сущность болѣзни познается лишь изъ лечебнаго дѣйствія лекарственныхъ средствъ. Лекарства, въ свою очередь, распадаются на универсальныя средства, которыя излечиваютъ большинство болѣзненныхъ формъ, и на средства, могущія оказывать дѣйствіе лишь на отдѣльный органъ. Излечимыя болѣзни получаютъ свои обозначенія по тѣмъ средствамъ, которыми онѣ излечиваются. Радемахеръ различаетъ три универсальныя средства: мѣдь, желѣзо и кубическую селитру и соотвѣтственно этому говоритъ о мѣдной, желѣзной и селитряной болѣзняхъ. Средства, дѣйствующія лишь на отдѣльные органы, крайне многочисленны, какъ и самыя болѣзни органовъ; такъ, напр. въ печени встрѣчаются скипидарная болѣзнь, квассійная болѣзнь и т. д. Лекарства слѣдуетъ примѣнять на пробу, пока не будетъ найдено соотвѣтствующее, приносящее излеченіе. Поиски за специфическими средствами—вотъ центръ тяжести всей системы Радемахера. Тотъ весьма скользкій путь—ставить распознаваніе болѣзни ex juvantibus et nocentibus, признается въ системѣ Радемахера единственно правильнымъ. Пусть болѣзненныя явленія указываютъ на желудочное страданіе, пусть это даже подтвердится на вскрытіи, но, если при примѣненіи средства, дѣйствующаго на печень, получалось улучшеніе болѣзненныхъ припадковъ, то первоначальное страданіе, согласно воззрѣніямъ Радемахера, должно искать при всѣхъ условіяхъ въ печени, хотя бы послѣдняя анатомически представлялась совершенно здоровой. О научномъ изслѣдованіи при такомъ положеніи дѣла, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Несмотря на всю нелѣпость и вздорность этой „здравомыслящей опытной терапіи", система Радемахера нашла себѣ много послѣдователей, а главное его сочиненіе, излагающее его систему и носящее названіе „Rechtfertigung der von den Gelehrtenmisskanten, verstandesrechten Erfahrungsheillehre der alten scheidekünstigen Geheimärzte", выдержало нѣсколько изданій

26) Распайль (Raspail, François Vincent), французскій ученый и политическій дѣятель республиканскихъ убѣжденій, родился 29 января 1794 года въ Карпентра, въ юго-восточной Франціи; сперва изучалъ богословіе, а затѣмъ естественныя науки. Изъза политическихъ убѣжденій ему пришлось въ 1815 году оставить преподавательскую дѣятельность въ родномъ городѣ и переселиться въ Парижъ. Онъ принималъ участіе въ Іюльской революціи 1830 года и былъ раненъ. По отношенію къ іюльской монархіи Распайль сталъ въ ряды оппозиціи и явился однимъ изъ основателей клуба друзей народа и руководителей лиги правъ человѣка. Рѣз-

кія статьи въ „Tribune“ и другихъ органахъ республиканской партіи навлекли на него многолѣтнее тюремное заключеніе. Онъ затѣмъ издавалъ собственный журналъ „L'ami du peuple“ съ радикальнымъ направленіемъ. Участіе въ революціонномъ движеніи повлекло за собою его 5-лѣтнее тюремное заключеніе, замѣненное впослѣдствіи изгнаніемъ. Въ 1876 году онъ былъ избранъ депутатомъ. Разсказываютъ, что при первомъ своемъ появленіи въ палатѣ депутатовъ, когда стоящіе на караулѣ жандармы съ почтеніемъ разступились передъ нимъ, онъ добродушно замѣтилъ: „Первый разъ вижу жандармовъ, которые не пришли меня арестовать“. Умеръ 7 января 1878 года.

Распайль написалъ много сочиненій по химіи, ботаникѣ, зоологіи, физіологіи и медицинѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ обнародовалъ довольно курьезную лечебную систему, въ которой камфора фигурировала, какъ панацея противъ всѣхъ болѣзней. Свою систему онъ изложилъ въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Cigarettes de camphre et camphatières hygieniques contre une foule de maux lents à guérir“, появившемся въ Парижѣ въ 1839 г. и выдержавшемъ нѣсколько изданій. Въ томъ же 1839 г. Распайль выпустилъ въ свѣтъ двухтомное сочиненіе, посвященное парижскимъ тюрьмамъ, невольному изученію которыхъ на собственномъ опытѣ ему пришлось удѣлить не мало лѣтъ своей жизни („Reforme penitentiaire. Lettres sur les prisons de Paris“).

Распайль широко примѣнялъ свою систему леченія среди бѣднаго (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова) населенія Парижа, среди котораго пользовался большой популярностью въ виду безплатности этого леченія.

27) Здѣсь Пироговъ имѣетъ въ виду атомистическую систему Мандта, извѣстнаго лейбъ-медика императора Николая Павловича. Подъ вліяніемъ ученія Радемахера (см. прим. 25) Мандтъ создалъ свою медицинскую систему, по невѣжеству и нелѣпости мало уступающую системѣ Радемахера. Патологія атомистической системы сводилась къ раздраженію слизистыхъ оболочекъ, рефлекторной дѣятельности спинного мозга и пораженію лѣвой доли печени—послѣднее всецѣло принадлежало Мандту. Что касается терапіи атомистической системы, то она по существу примыкала къ гомеопатіи Ганеманна. У послѣдняго Мандтъ позаимствовалъ, главнымъ образомъ, леченіе малыми дозами, признавая вмѣстѣ съ другими „истинными гомеопатами“, что съ разведеніемъ специфическихъ средствъ дѣйствіе ихъ постепенно усиливается, такъ какъ они при этомъ умножаютъ свою дѣятельную, живую силу, сообщая ее самимъ растворамъ и превращая тѣмъ послѣдніе также въ лекарство. Мандтъ вѣрилъ, что отъ продолжительнаго растиранія цинковой мази, напр., въ ней развивается особенная сила [1]). Мандтъ лечилъ малыми дозами (отъ $^1/_{50}$—$^1/_{100}$), превосходящими, все-жъ, настоящія гомеопатическія дозы. Затѣмъ онъ

[1]) Боянусъ. Гомеопатія въ Россіи. 1882.

расходился съ Ганеманномъ еще въ томъ, что не признавалъ предложеннаго огромнаго числа специфическихъ средствъ, а пользовался лишь сравнительно ограниченнымъ числомъ своихъ излюбленныхъ средствъ, въ особенности nux vomica.

Свою „атомистику“ Мандтъ изложилъ въ изданной имъ на нѣмецкомъ языкѣ брошюрѣ, посвященной вопросу о леченіи холеры. Брошюра эта, по приказанію императора Николая Павловича, была переведена на русскій языкъ и разослана при циркулярѣ главнаго штаба по всѣмъ военнымъ госпиталямъ для руководства.

Благодаря своему совершенно исключительному вліянію на Николая Павловича, Мандтъ сумѣлъ до такой степени убѣдить императора въ пользѣ своей атомистики, что по высочайшему повелѣнію военные врачи обязаны были на смотрахъ и ученьяхъ носить при себѣ особыя сумки съ атомистическими лекарствами для подачи первой помощи. Въ осажденный Севастополь былъ также посланъ цѣлый ящикъ съ этими драгоцѣнными лекарствами, прибывшій, однако, на мѣсто одновременно съ извѣстіемъ о смерти императора Николая Павловича и о быстромъ исчезновеніи изъ Россіи его бывшаго лейбъ-медика.

28) Каде, Эрнстъ Васильевичъ (Вильгельмовичъ), пользовался въ Петербургѣ въ 1860—70 гг. широкою извѣстностью, какъ выдающійся хирургъ. Всю свою врачебную дѣятельность Каде посвятилъ одному учрежденію—Маріинской больницѣ для бѣдныхъ (въ С.-Петербургѣ), гдѣ онъ прослужилъ болѣе 30-ти лѣтъ, пробывъ 16 лѣтъ ея главнымъ врачемъ. Насколько дорого было Каде процвѣтаніе этой больницы можно судить по тому, что уже незадолго до своего выхода въ отставку онъ представилъ по начальству двѣ записки, гдѣ съ полною откровенностью указывалъ недостатки больничнаго строя и предлагалъ мѣры къ ихъ устраненію. По этому поводу авторъ историческаго очерка Маріинской больницы за сто лѣтъ ея существованія находитъ, что „личность Э. В. Каде должна быть отмѣчена, какъ рѣдкая по своему благородству и совершенно исключительному безпристрастію“ [1]. Въ Севастополь Каде поѣхалъ вмѣстѣ съ Беккерсомъ тотчасъ вслѣдъ за Пироговымъ, котораго непосредственно сопровождали Обермиллеръ и Сохраничевъ. Въ Севастополѣ Каде продѣлалъ очень тяжелую форму тифа, „умиралъ, но какимъ-то уже чудомъ ожилъ“, по выраженію одного письма Пирогова. Каде умеръ 22-го ноября 1889 г.

29) „День Синопской битвы“—18 ноября (1853 г.).

30) Пущинъ, Николай Ивановичъ, братъ декабриста Ивана Ивановича Пущина, товарищъ Пушкина по лицею.

31) „День избранія Наполеона“ императоромъ французскимъ—2 декабря (1852 г.).

32) Основательница Маріинской больницы для бѣдныхъ въ Спб., императрица Марія Θеодоровна, „разсудила, что нѣкоторыхъ изъ призрѣваемыхъ во Вдовьемъ домѣ вдовъ можно было бы употреб-

[1]) Поповъ, Г. И. Маріинская больница для бѣдныхъ въ Спб. 1803—1903. Историческій очеркъ. Спб. 1905, стр. 41.

лять съ пользою для присмотра за больными въ Больницѣ для бѣдныхъ". Въ видѣ опыта сперва были учреждены (съ 1-го января 1814 г.) дежурства изъ небольшой группы вдовъ. Убѣдившись въ пользѣ этого нововведенія, императрица учреждаетъ постоянное отдѣленіе „сердобольныхъ вдовъ" съ опредѣленнымъ комплектомъ въ 50 человѣкъ, съ выборною настоятельницею во главѣ, и обезпечиваетъ это новое учрежденіе особымъ капиталомъ. Прежде, чѣмъ попасть въ „сердобольныя", каждая вдова должна была пройти разрядъ „испытуемыхъ", изъ котораго имѣла право выйти при отсутствіи склонности или силъ къ выполненію принимаемаго на себя призванія. Посвященіе въ „сердобольныя" сопровождалось особымъ ритуаломъ, съ установленной присягой и торжественнымъ возложеніемъ особаго знака отличія. По инструкціи сердобольныя должны были имѣть надзоръ за порядкомъ въ палатахъ, чистотой постелей и бѣлья, наблюдать за раздачей лекарствъ, пищи и исполнять всѣ наставленія врачей по уходу за больными.

Вотъ изъ этихъ „сердобольныхъ вдовъ" и былъ сформированъ въ Крымскую кампанію отрядъ и отправленъ на театръ военныхъ дѣйствій для ухода за ранеными и больными. Руководство сердобольными и распредѣленіе ихъ по госпиталямъ было предоставлено Пирогову. О дѣятельности сердобольныхъ Н. И. даетъ прекрасный отзывъ въ своемъ письмѣ къ статсъ-секретарю Гофману, отъ 24-го ноября 1855 г. „Лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ самоотверженія, пишетъ Н. И., служитъ то, что 12 вдовъ кончили свое существованіе, впавъ въ болѣзнь отъ госпитальныхъ занятій и заразы" [1]).

33) Шульцъ (Georg Julius Schultz) родился въ Эстляндіи 22 сентября 1808 г., въ 1826 году поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ и пробылъ до 1833 года. Въ 1836 году получилъ степень доктора медицины. Съ переходомъ Пирогова въ Петербургъ и устройствомъ анатомическаго института въ Медико-Хирургической Академіи, Шульцъ также перебрался въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто прозектора анатомическаго института. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ординаторомъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя и врачемъ при заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. Шульцъ занимался литературой и писалъ подъ псевдонимомъ „D-r Bertram". Онъ умеръ въ Вѣнѣ 4 мая 1875 г.

Съ Пироговымъ Шульцъ былъ очень близокъ и часто посѣщалъ семью Н. И., гдѣ Шульца очень любили, какъ остроумнаго и веселаго собесѣдника.

34) Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ, братъ бывшаго министра, въ молодости занимался литературой. Былъ послѣдовательно вице-губернаторомъ въ Петербургѣ, предсѣдателемъ казенной палаты въ Симферополѣ, а затѣмъ въ Рязани. Умеръ въ 1873 г. Въ Симферополѣ, во время Крымской кампаніи, Княжевичъ проявилъ очень широкую и толковую филантропическую дѣятельность по облегченію участи скопившихся тамъ въ неимовѣрномъ коли-

[1]) Поповъ, Г. И. L. c., стр. 10 и 30.

чествѣ раненыхъ и больныхъ [1]). Бакунина также говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о „добрѣйшемъ и милѣйшемъ В. М. Княжевичѣ".

35) Арендтъ, Николай Федоровичъ (Nicolaus Martin von Arendt) родился въ 1785 г. По окончаніи курса въ Спб. Мед.-Хир. Акад. въ 1805 г. участвовалъ, какъ военный врачъ, въ цѣломъ рядѣ войнъ и походовъ: былъ въ 1806—7 гг. въ Пруссіи, въ 1808—9 гг.—въ Швеціи, въ 1812 г. принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, въ 1813 г. былъ въ Германіи и, наконецъ, въ 1814 г.—во Франціи.

Такая продолжительная школа по военно-полевой хирургіи сдѣлала изъ Арендта предпріимчиваго и смѣлаго хирурга. Онъ былъ въ свое время очень занятый практикъ, любимый за доброту души. Какъ лейбъ-медикъ Николая Павловича, онъ особымъ вліяніемъ на послѣдняго не пользовался. Арендтъ умеръ 14 октября 1859 г.

Въ своихъ мемуарахъ Пироговъ даетъ довольно суровый отзывъ объ Арендтѣ, какъ о научномъ дѣятелѣ.

36) Цвѣтковъ, Федоръ Алексѣевичъ, изъ духовнаго званія, родился въ 1806 г. Изъ Владимірской семинаріи посланъ казеннымъ воспитанникомъ въ Московскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ и окончилъ курсъ лекаремъ II отдѣленія, въ 1831 году. Все время служилъ по военно-медицинскому вѣдомству и въ 1846 году былъ переведенъ изъ Бѣлостокскаго военнаго госпиталя старшимъ ординаторомъ въ Симферопольскій, гдѣ въ 1854 году мы и застаемъ его помощникомъ главнаго доктора. Въ 1855 г. былъ назначенъ главнымъ докторомъ Прилукскаго военно-временнаго госпиталя, гдѣ и умеръ 11 октября того же года [2]).

37) Пеликанъ, Венцеславъ Венцеславовичъ, родился въ 1790 г. въ городѣ Слонимѣ. Въ 1809 году, по окончаніи курса философскихъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ, поступилъ на медицинское отдѣленіе Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Въ 1813 г. кончилъ блестяще курсъ лекаремъ I отдѣленія, съ золотою медалью. Тотчасъ же былъ опредѣленъ конференціей Академіи и. д. адъюнкта къ профессору хирургіи Бушу. Въ 1816 г. Пеликанъ получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Не лишено интереса, что эту высшую медицинскую ученую степень Пеликанъ получилъ безъ соотвѣтствующаго экзамена и безъ защиты диссертаціи. А именно, Пеликанъ въ 1814 г. представилъ въ конференцію списокъ произведенныхъ имъ большихъ операцій, числомъ 58, и просьбу о допущеніи его къ экзамену на степень доктора медицины и хирургіи. Конференція постановила: въ виду его опытности и отличныхъ знаній по хирургіи, удостовѣренныхъ проф. Бушемъ, а также и отличнаго окончанія курса, отъ экзамена Пеликана освободить. Въ томъ же году Пеликанъ представилъ диссертацію „De aneurysmate", разсмотрѣніе которой было поручено Бушу и еще двумъ другимъ профессорамъ. Всѣ они дали отличные отзывы и

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, т. V, стр. 141, 143.

[2]) Змѣевъ, Л. Ѳ. Русскіе врачи-писатели. Спб. 1886.

Пеликанъ былъ допущенъ къ защитѣ своей диссертаціи; но въ это время онъ заболѣлъ, а по выздоровленіи, вслѣдствіе ходатайства Буша, поддержаннаго конференціею Академіи, министръ народнаго просвѣщенія освободилъ Пеликана отъ защиты диссертаціи съ утвержденіемъ его въ степени доктора медицины и хирургіи [1]). Въ томъ же 1816 году по прочтеніи пробной лекціи Пеликанъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта. Въ слѣдующемъ году Пеликанъ перешелъ въ Виленскій университетъ на каѳедру теоретической хирургіи съ клиникой.

Въ Вильнѣ, помимо профессорской дѣятельности, Пеликанъ проявилъ крайне разностороннюю административную дѣятельность. Въ 1833 г. Пеликанъ совершенно оставилъ профессуру и началъ свою административно-медицинскую карьеру. Въ 1846 году Пеликанъ былъ назначенъ директоромъ медицинскаго департамента военнаго министерства (что соотвѣтствуетъ нынѣшнему главному военно-медицинскому инспектору). Когда, въ 1851 г., умеръ президентъ Медико-Хирургической Академіи И. В. Шлегель, Пеликанъ былъ назначенъ президентомъ Академіи, сохранивъ за собой и должность директора медицинскаго департамента, причемъ, какъ предполагали попечитель и военный министръ, обѣ эти должности были поставлены въ связь: образованіе врачей въ Медико-Хирургической Академіи и опредѣленіе ихъ на службу какъ бы составляли общую цѣль двухъ различныхъ учрежденій, для объединенія и пользы дѣятельности которыхъ являлось желательнымъ дать и одного руководителя-начальника [2]). Совмѣщеніе это оказалось крайне неудачной бюрократической выдумкой. Не обладавшій широкими административными талантами вообще, Пеликанъ абсолютно ничѣмъ не проявилъ себя въ роли президента Медико-Хирургической Академіи. Даже такой благодушный историкъ Мед.-Хир. Акад., какъ Н. Ф. Здекауеръ, видѣвшій въ Клейнмихелѣ „истинно государственнаго человѣка, одареннаго высокимъ здравымъ смысломъ и широкимъ взглядомъ на вещи“, называетъ Пеликана „самымъ ученымъ изъ всѣхъ ея (Академіи) президентовъ, но самымъ плохимъ изъ нихъ администраторомъ“ [3]). Дѣйствительно, въ Пеликанѣ сразу же директоръ медицинскаго департамента побѣдилъ „самаго ученаго изъ президентовъ“ и во все время своего президентства Пеликанъ смотрѣлъ на Медико-Хирургическую Академію, какъ на фабрику военныхъ врачей „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“. Безпорядки по управленію и содержанію клиническаго госпиталя и слѣдствіе надъ дѣйствіями академической администраціи, какъ результаты президентства Пеликана, побудили послѣдняго въ 1856 г. подать въ отставку отъ должно-

---

[1]) Ландшевскій, А. А. Историческій очеркъ каѳедры академической хирургической клиники Имп. Военно-Мед. Акад. Дисс. Спб. 1898.

[2]) Исторія Имп. Военно-Мед. Акад. за сто лѣтъ (1798—1898). Спб. 1898, стр. 365.

[3]) Здекауеръ, Н. Ф. Имп. Спб. Мед.-Хир. Акад. въ 1833—1863 гг Отд. отт. изъ «Русск. Старины», 1891, стр. 11.

сти президента Академіи; должность директора медицинскаго департамента Пеликанъ сохранилъ до слѣдующаго года. Съ 1854 г. по 1861 г. былъ предсѣдателемъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Въ 1865 г., въ 75-лѣтнемъ возрастѣ (!), Пеликанъ снова занялъ отвѣтственное мѣсто въ качествѣ предсѣдателя медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Пеликанъ умеръ 9 іюля 1873 г.

Когда, въ 1863 г., Пеликанъ праздновалъ свой 50-лѣтній служебный юбилей, ни Медико-Хирургическая Академія, ни ея госпиталь не приняли участія въ чествованіи юбиляра—своего бывшаго руководителя-начальника.

38) Богданъ Александровичъ и Эмилія Амосовна Глазенапъ (см. прим. 17).

39) „Новая царская милость", о которой говоритъ здѣсь Пироговъ, состояла въ томъ, что Государь, „по уваженію къ заслугамъ, оказаннымъ Пироговымъ во время пребыванія его въ Севастополѣ для подаванія пособія раненымъ, высочайше разрѣшить соизволилъ, въ видѣ особаго изъятія, распространить на учебную службу Пирогова права, дарованныя севастопольскому гарнизону, т. е. считать каждый мѣсяцъ нахожденія въ Севастополѣ за годъ выслуги и по учебной части".

Въ виду ходатайства президента Медико-Хирургической Академіи, военный министръ „принялъ въ соображеніе, что Пироговъ, по зачисленіи проведеннаго имъ въ Севастополѣ времени въ учебную службу мѣсяцъ за годъ, прослужилъ уже въ званіи профессора болѣе 25 лѣтъ, а всего болѣе 30 лѣтъ". Такимъ образомъ Пироговъ пріобрѣлъ уже право на званіе заслуженнаго профессора.

11 марта 1856 года военный министръ разрѣшилъ предоставить Пирогову титулъ заслуженнаго профессора.

40) Беккерсъ, Людвигъ Андреевичъ, родился въ Москвѣ въ 1831 г. Получивъ среднее образованіе въ частномъ пансіонѣ Эннеса, поступилъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію; но уже черезъ годъ перешелъ въ Московскій университетъ на 2-й курсъ медицинскаго факультета, гдѣ и окончилъ курсъ съ отличіемъ въ 1854 году. Тотчасъ же Беккерсъ поступилъ на военную службу и былъ прикомандированъ ко 2-му военно-сухопутному госпиталю. Здѣсь онъ съ увлеченіемъ сталъ работать въ госпитальной клиникѣ Пирогова и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе послѣдняго. Набирая себѣ отрядъ врачей для хирургической работы въ стѣнахъ осажденнаго Севастополя, Пироговъ взялъ въ свой „штабъ" и Беккерса. Вмѣстѣ съ Пироговымъ и Беккерсъ возвратился обратно въ Петербургъ въ маѣ 1855 года. При вторичной поѣздкѣ Н. И. въ Крымъ Беккерсъ вновь сопутствовалъ ему. Въ 1857 году Беккерсу удалось отправиться за границу на 3 года для научнаго усовершенствованія. Здѣсь онъ посѣтилъ научные центры Германіи, Австріи и Франціи. За границей Беккерсъ занимался не одной лишь своей спеціальностью — хирургіей, но основательно ознакомился съ физіологіей, посѣщая лекціи Людвига (въ Берлинѣ) и Клода Бернара (въ Парижѣ), а также съ патологіей и патологи-

ческой анатоміей, слушая лекціи блестящаго представителя этихъ наукъ—Вирхова. За границей же Беккерсъ написалъ свою докторскую диссертацію: „Насильственное выпрямленіе анкилоза колѣна"; работа эта сдѣлана на матеріалѣ и подъ руководствомъ Пирогова. Въ 1861 году Беккерсъ получилъ званіе адъюнктъ-профессора по вакантной въ то время каѳедрѣ академической хирургической клиники, въ завѣдываніе которой тотчасъ же и вступилъ. 17 мая 1862 года Беккерсъ внезапно скончался—покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Интенсивная хирургическая дѣятельность подъ руководствомъ Пирогова и серьезныя научныя занятія во время пребыванія за границей дали возможность Беккерсу выступить на поприще профессора-клинициста съ поистинѣ блестящей подготовкой. Къ сожалѣнію, его профессорская дѣятельность продолжалась всего около 1 года. Но и за этотъ минимальный промежутокъ времени молодой профессоръ сумѣлъ пріобрѣсти симпатію и популярность въ средѣ студентовъ. Внезапная смерть профессора вызвала массу толковъ и волненіе среди студентовъ. Чтобы успокоить учащуюся молодежь, цѣлый тріумвиратъ профессоровъ счелъ долгомъ публично заявить, что причина смерти ихъ товарища должна остаться семейной тайной [1]). Что побудило Беккерса насильственно порвать нить своей жизни, сулившей ему во всякомъ случаѣ блестящую научную дѣятельность, осталось и по сію пору нераскрытой тайной. Во всякомъ случаѣ, по чьей-то винѣ безвременно и загадочно погибла безспорно талантливая и прекрасная личность.

41) Березинъ, Сергѣй Дмитріевичъ, братъ первой жены Пирогова, рожденной Березиной (см. прим. 1).

42) Даль, Владиміръ Ивановичъ, родился 10 ноября 1801 г., служилъ во флотѣ и въ чинѣ лейтенанта долженъ былъ выйти въ отставку, отчасти потому, что страдалъ постоянно на кораблѣ морской болѣзнью, а отчасти за памфлетъ въ стихахъ, написанный имъ на адмирала Грейга. Затѣмъ Даль поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ и былъ одновременно съ Пироговымъ, съ которымъ очень близко сошелся. По окончаніи университетскаго курса принималъ въ качествѣ военнаго врача участіе въ русско-турецкой кампаніи 1828 — 29 гг. и въ польской кампаніи 1830—31 гг. Бросивъ медицину, перешелъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Перовскомъ; за это время объѣздилъ чуть ли не всю Россію по нѣсколько разъ. Съ 1858 г. вышелъ окончательно въ отставку, поселился въ Москвѣ и всецѣло предался литературнымъ занятіямъ: писалъ разсказы и повѣсти, собиралъ сказки, поговорки и пословицы и работалъ надъ составленіемъ своего извѣстнаго „Толковаго словаря живого великорусскаго языка". Кромѣ того, писалъ по русской филологіи, по этнографіи, естественнымъ наукамъ и медицинѣ. Даль умеръ въ Москвѣ 22 сентября 1872 г.

Когда Н. И. перешелъ изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ снова

[1]) Ландшевскій, А. А., l. c., стр. 158.

встрѣтился со своимъ „хорошимъ пріятелемъ" по Дерпту—Далемъ, состоявшемъ тогда при министрѣ Перовскомъ и нерѣдко сходился съ нимъ въ ихъ обществѣ, составленномъ изъ дерптскихъ пріятелей—въ Пироговскомъ кружкѣ (ср. прим. 13).

43) Сведенборгъ, Эммануилъ, шведскій ученый и мистикъ, родился 29 января 1688 г., изучалъ въ Упсальскомъ университетѣ философію и филологію, математику и естественныя науки, а также и богословіе. Съ 1710 по 1714 г. путешествовалъ по Англіи, Голландіи, Франціи и Германіи. По возвращеніи на родину, занялся горнымъ дѣломъ. Стараясь найти одну общую идею, управляющую всей природой, какъ мертвой, такъ и живой, Сведенборгъ постепенно впалъ въ мистицизмъ и теософію, мечталъ объ образованіи новой церкви, о новомъ Іерусалимѣ и утверждалъ, что неоднократно удостоивался видѣній и божественнаго откровенія. Общины его послѣдователей — сведенборгіанъ — существуютъ, главнымъ образомъ, въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ.—Умеръ въ Лондонѣ 29 марта 1772 года.

44) Зейдлицъ, Карлъ Карловичъ, родился 6 марта 1798 г. въ дворянской семьѣ, въ Ревелѣ. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета (причемъ въ 1819 г. за представленную имъ работу получилъ по присужденію факультета золотую медаль) Зейдлицъ поступилъ ординаторомъ въ петербургскій морской госпиталь. Въ 1826 году оставилъ службу въ госпиталѣ, чтобы поѣхать для усовершенствованія за границу, гдѣ и пробылъ 3 года, посѣтивъ Германію, Францію, Швейцарію и Италію. Возвратившись изъ своего научнаго путешествія въ разгаръ русско-турецкой войны 1828—29 гг., Зейдлицъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій старшимъ врачемъ при главной квартирѣ 2-й арміи. Послѣ войны онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ морского госпиталя, а затѣмъ и медицинскимъ инспекторомъ петербургскаго порта.

Въ 1836 году Зейдлицъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ терапевтической клиники Петербургской Медико-Хирургической Академіи.

Вотъ какой восторженный отзывъ о Зейдлицѣ, какъ профессорѣ и ученомъ, даетъ Н. Ф. Здекауеръ, бывшій его ученикомъ, ассистентомъ и адъюнктомъ. „Многосторонне образованный, ученый, лично знакомый съ знаменитостями того времени Германіи и Франціи, близкій другъ академика Бэра, съ которымъ разрабатывалъ исторію развитія плода, профессоръ Зейдлицъ не только стоялъ на современной высотѣ науки, но и опередилъ ее собственными трудами. Онъ впервые читалъ намъ прикладную семіотику; первый познакомилъ насъ съ объективными способами изслѣдованія посредствомъ выслушиванія, постукиванія, измѣренія и химическаго изслѣдованія выдѣленій и отбросовъ организма,—первый показалъ намъ въ микроскопѣ кровяные шарики, мочевинные кристаллы, объяснилъ значеніе объективныхъ признаковъ болѣзни, училъ дифференціальнымъ діагнозамъ, объяснялъ при вскрытіяхъ умершихъ анатомическій характеръ болѣзней и въ своемъ класси-

ческомъ отчетѣ „Klinischer Bericht 1846 г.“ оставилъ неподражаемый образецъ учено-практическаго труда. Ему мы были обязаны здравыми понятіями объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, о ихъ циклическомъ ходѣ. Онъ употреблялъ тогда уже гидротерапію въ тифозныхъ болѣзняхъ. Его терапія была высоконаучная, основанная на раціональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главнѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Общую терапію, какъ послѣдній выводъ изъ частной терапіи, читалъ онъ въ 5-мъ курсѣ, гдѣ знакомилъ насъ съ эмбріологіей. Новый духъ повѣялъ въ нашей Академіи. Студенты того времени, сознавая, чѣмъ они обязаны Зейдлицу, носили его на рукахъ“ [1]).

Въ 1846 году Зейдлицъ покинулъ каѳедру въ Академіи, несмотря на всѣ старанія какъ начальствующихъ лицъ (военнаго министра, попечителя Академіи), такъ и конференціи удержать его отъ этого шага.

Оставивъ профессуру, Зейдлицъ покинулъ Петербургъ и переселился на постоянное житье въ Лифляндію, живя частью въ своемъ имѣніи, частью въ Дерптѣ. Здѣсь онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и состоялъ одно время вице-предсѣдателемъ лифляндскаго экономическаго общества. Свой досугъ Зейдлицъ посвятилъ, между прочимъ, составленію біографіи поэта В. А. Жуковскаго, съ которымъ онъ былъ связанъ самой тѣсной дружбой. О близости и сердечности этихъ отношеній можно судить хотя бы по такому отрывку изъ письма Жуковскаго къ Зейдлицу: „Какъ мнѣ больно, мой драгоцѣнный другъ и братъ, пишетъ В. А., что ты не нашелъ моихъ двухъ писемъ въ Женевѣ. Хотя въ нихъ нѣтъ ничего особенно нужнаго для тебя, но ты бы на минуту услышалъ голосъ друга, брата, благодарнаго тебѣ на всю жизнь, привязаннаго къ тебѣ навсегда самою нѣжною любовью“.

Перу Зейдлица принадлежитъ вышедшая въ 1870 г. на нѣмецкомъ языкѣ біографія Жуковскаго—„Ein russisches Dichter leben (Wassili Joukoffsky)“, а къ столѣтію рожденія поэта (1883 г.) его вѣрный другъ, будучи уже самъ 85-тилѣтнимъ старцемъ, выпустилъ въ свѣтъ крайне интересный и обширный трудъ: „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго 1783—1883 г. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ автора, съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. Висковатова“. Зейдлицъ умеръ въ Дерптѣ 7 февраля 1885 года.

Съ Н. И. Пироговымъ Зейдлицъ сошелся ближе, благодаря семьѣ проф. Мойера, лѣтомъ 1839 года на морскихъ купаньяхъ въ Ревелѣ. Знакомство съ Зейдлицомъ сыграло большую роль въ жизни Пирогова, такъ какъ переходъ Н. И. изъ Дерпта въ Академію произошелъ по иниціативѣ Зейдлица.

Въ средѣ профессоровъ Академіи Зейдлицъ, Пироговъ, Бэръ и Эйхвальдъ, минералогъ, отецъ извѣстнаго клинициста, составляли тѣсно сплоченную передовую группу.

---

[1]) Записки Н. Ф. Здекауера, «Русская Стар.», 1891.

45) Бакунина, Екатерина Михайловна, о которой такъ восторженно отзывается Н. И., дѣйствительно представляла собой идеальный типъ сестры милосердія. Бакунина родилась въ 1812 г. въ С.-Петербургѣ, гдѣ отецъ ея былъ губернаторомъ. Когда въ Москвѣ, гдѣ жила тогда семья Бакуниной, стало извѣстно объ организаціи Общины сестеръ милосердія, Ек. Мих. тотчасъ заявила о своемъ желаніи поступить въ сестры милосердія, но это желаніе встрѣтило сильную оппозицію со стороны ея родныхъ и знакомыхъ. Бакунина твердо стояла на своемъ и, чтобы испытать себя, поѣхала въ „самую гнусную“ изъ московскихъ больницъ, гдѣ присутствовала при всѣхъ перевязкахъ, а затѣмъ провела цѣлыя сутки безвыходно въ больницѣ. Получивъ на свое заявленіе уклончивый отвѣтъ изъ Петербурга, Бакунина написала туда, что когда „внучка адмирала Ив. Лог. Голенищева-Кутузова желаетъ ходить за матросами, то странно, кажется, отказывать ей въ этомъ“. Получился отвѣтъ, что въ первый же отрядъ, который соберется, попадетъ и она. Въ январѣ 1855 г. Бакунина прибыла въ Севастополь, а 27-го августа, послѣ паденія Севастополя, она его оставила. По смерти Ек. Александр. Хитрово, въ февралѣ 1856 г. великая княгиня назначила Бакунину сестрой-настоятельницею.

Въ виду этого Бакунина побывала въ Петербургѣ и затѣмъ снова вернулась въ Крымъ, гдѣ и пробыла до конца 1856 г., до закрытія военно-временныхъ госпиталей. По окончаніи войны великая княгиня занялась устройствомъ постоянной общины въ Петербургѣ. Первые годы существованія общины ея руководители во главѣ съ Еленой Павловной никакъ не могли установить, какой характеръ должна носить община: религіозно-орденскій или нравственно-филантропическій, какой духъ долженъ преобладать въ этомъ учрежденіи: формально-религіозный или истинно-нравственный. Бакунина стояла на послѣдней точкѣ зрѣнія и потому въ въ срединѣ 1860 г. сложила съ себя званіе сестры-настоятельницы и оставила общину. Въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. Бакунина ѣздила съ отрядомъ Краснаго Креста на Кавказъ. Бакунина умерла въ 1894 г.

46) Ник. Ив. и Марія Никол. Пущины.

47) Раухъ (Georg Adolph v. Rauch), родился въ Эстляндіи 17 іюля 1789 г. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, въ 1811 г., былъ ординаторомъ Обуховской больницы, затѣмъ былъ военнымъ врачемъ. Впослѣдствіи былъ лейбъ-медикомъ Николая Павловича, непремѣннымъ и совѣщательнымъ членомъ различныхъ высшихъ административныхъ учрежденій. Раухъ умеръ 30 апрѣля 1864 г.

48) Карелль, Филиппъ Яковлевичъ, родился въ Ревелѣ 28 ноября 1806 г., товарищъ Н. И. по Дерптскому университету, гдѣ Карелль былъ на медицинскомъ факультетѣ съ 1826 по 1832 г. Былъ военнымъ врачемъ. Въ 1849 г. и въ послѣдующіе года сопровождалъ императора Николая Павловича въ его поѣздкахъ по Россіи и за границей. Былъ лейбъ-медикомъ Николая I и затѣмъ Александра II. Умеръ 18 августа 1886 г.

49) Василій Михаиловичъ Быковъ (см. прим. 1).

50) 1-го сентября 1855 г. Н. И. „за отличіе при поданіи помощи раненымъ подъ Севастополемъ всемилостивѣйше пожалованъ золотою, украшенною брилліантами табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ высочайшаго имени". Вотъ эту-то табакерку Н. И., вѣроятно, и реализировалъ при посредствѣ аптекаря Горнаго института; Фробенъ, какъ врачъ Горнаго института, разумѣется, зналъ этого аптекаря. Повидимому, и первая табакерка, пожалованная Пирогову 11 апрѣля 1854 г. „за отлично усердную службу", также перешла въ свое время къ этому же аптекарю.

51) Фробенъ, Леонардъ Федоровичъ, родился въ Ригѣ 13 декабря 1813 г. По окончаніи гимназическаго курса (въ Ригѣ) поступилъ въ 1832 г. на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, и въ 1839 г. получилъ званіе врача. Съ 1838 по 1840 г. Фробенъ былъ ассистентомъ хирургической клиники Пирогова въ Дерптѣ. Въ 1843 г. Фробенъ получилъ въ Дерптѣ же степень доктора медицины. До 1847 г. былъ военнымъ врачемъ, съ 1847 по 1864 г. былъ врачемъ Горнаго института, а съ 1864 по 1867 былъ главнымъ врачемъ Маріинской больницы для бѣдныхъ Съ 1867 по 1882 г. занималъ мѣсто медицинскаго инспектора по Вѣдомству императрицы Маріи. Фробенъ умеръ въ Петербургѣ 26 ноября 1883 г.

Когда Пироговъ занялъ дерптскую каѳедру, Фробенъ былъ еще студентомъ старшихъ семестровъ. Молодой профессоръ такъ сумѣлъ увлечь и заинтересовать своего ученика, что Фробенъ въ теченіи почти 4 лѣтъ былъ, по собственному его выраженію, „ежедневнымъ спутникомъ профессора" [1]). Перейдя на каѳедру въ Петербургъ, Пироговъ тотчасъ же сталъ хлопотать о переводѣ Фробена изъ Финляндскаго полка, гдѣ онъ былъ баталіоннымъ лекаремъ, во 2-ой военно-сухопутный госпиталь, но хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ. Оцѣнивъ Фробена уже въ Дерптѣ, Н. И. имѣлъ въ виду сдѣлать его ассистентомъ своей новой госпитальной клиники, а впослѣдствіи своимъ адъюнктомъ.

52) Тарасовъ, Василій Ивановичъ, родился въ 1822 г.; по окончаніи университетскаго курса въ Москвѣ на медицинскомъ факультетѣ въ 1845 г. служилъ уѣзднымъ врачемъ въ Тамбовской губ. По полученіи степени д-ра медицины въ Московскомъ же университетѣ въ 1854 г. отправился тотчасъ на театръ военныхъ дѣйствій. Здѣсь онъ былъ назначенъ врачемъ новообразованной Общины сестеръ милосердія. Съ этого момента вся дальнѣйшая дѣятельность Тарасова прошла въ Общинѣ и для Общины, на устройство которой онъ положилъ много труда и энергіи. Тарасовъ умеръ въ С.-Петербургѣ 6-го іюня 1868 г.

53) Анна Ивановна Пирогова, сестра Н. И.

---

[1]) Фробенъ Л. О дѣятельности Николая Ивановича Пирогова въ Дерптскомъ университетѣ. «Прот. и Труды Русск. Хир. Общ. Пирогова». Годъ I, стр. 140.

54) Шмидтъ, Яковъ Яковлевичъ, родился въ С.-Петербургѣ 13 марта 1809 г., товарищъ Н. И. по Дерптскому университету, гдѣ въ 1834 г. Шмидтъ получилъ степень доктора медицины. По окончанiи курса въ Дерптѣ отправился за границу для дальнѣйшаго усовершенствованiя. Былъ послѣдовательно ординаторомъ, преподавателемъ и директоромъ Родовспомогательнаго Заведенiя въ С.-Петербургѣ. Имѣлъ званiе лейбъ-акушера. Умеръ въ 1891 году въ С.-Петербургѣ.

55) Объ этомъ письмѣ къ К. К. Зейдлицу Н. И. неоднократно упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Алекс. Ант. Оно было, согласно желанiю Пирогова, прочтено въ Пироговскомъ кружкѣ. Въ 1885 г Н. Ф. Здекауеръ сообщилъ это письмо въ русскомъ переводѣ въ „Русской Старинѣ", откуда мы его и заимствовали. Намъ неизвѣстно, существуетъ ли нѣмецкiй оригиналъ этого письма и гдѣ. Обширное это письмо служитъ отвѣтомъ на два письма, посланныя Зейдлицемъ Пирогову въ Севастополь и полученныя послѣднимъ во время его болѣзни. Какъ мы узнаемъ изъ письма Н. И. къ женѣ, Пироговъ вмѣстѣ со своимъ отвѣтомъ Зейдлицу послалъ обратно и обѣ письма Зейдлица къ нему. Изъ этихъ двухъ писемъ Зейдлица Н. Ф. Здекауеръ сообщилъ одно также въ „Русской Старинѣ" въ томъ же 1885 году.

Вотъ это письмо Зейдлица къ Пирогову:

„Дерптъ, 19 октября 1854 г.

Моему дорогому другу и соратнику на зеленомъ полѣ, Конференцiи Спб. Медико-Хирургической Академiи профессору Пирогову.

Васъ менѣе удивитъ, что я при настоящихъ своихъ занятiяхъ сельскимъ хозяйствомъ прочиталъ вашу хирургiю, нежели то, что берусь за перо, чтобы съ вами кое о чемъ поспорить. Само собою разумѣется, что мнѣ и въ голову не могла прiйти мысль осуждать или критиковать вашу хирургическую богатую опытность и сдѣланные изъ нея выводы.

Я желаю съ вами обсудить только нѣкоторыя общенаучныя положенiя, которыя вы, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ себѣ самому и нашей благородной наукѣ и особенно практической медицинѣ, съ какою-то математическою увѣренностью отстаиваете.

Вы сами сознавались, что и теперь способны колебаться въ своихъ убѣжденiяхъ—и не перестанете ихъ подвергать строгой повѣркѣ, дабы тамъ, гдѣ это окажется необходимымъ, замѣнить ихъ болѣе вѣрными данными; позвольте мнѣ, поэтому, попытаться предложить вамъ такого рода обмѣнъ или перемѣну въ вашихъ теперешнихъ убѣжденiяхъ.

Въ 3-мъ выпускѣ вашей хирургической клиники, на 2-й страницѣ, вы высказываете убѣжденiе, „что во всякой болѣзни, и во всякой операцiи существуютъ постоянныя незыблемыя отношенiя въ неудачѣ и смертельномъ исходѣ ихъ". Это справедливо, если при этомъ имѣется въ виду извѣстная отдѣльная болѣзнь или операцiя—но двѣ различныя между собой болѣзни или хирургическiя операцiи, при одинаковой внѣшней обстановкѣ, непремѣнно пока-

жутъ, что онѣ, именно потому, что онѣ не однѣ и тѣ же, могутъ имѣть неодинаковые исходъ и окончаніе. Наблюдая цѣлый рядъ болѣзней и хирургическихъ операцій, мы усмотримъ извѣстный процентъ неудачъ и смертельныхъ исходовъ. который выразится ариѳметическимъ числомъ, по вашему мнѣнію, см. стр. 6 вашего сочиненія, и этимъ выразится ихъ особенность, такъ сказать—ихъ натура. Но вы сами опровергаете это положеніе слѣдующими затѣмъ словами: „эти отношенія находятся въ зависимости отъ постоянныхъ вліяній внѣшнихъ условій на различные болѣзненные процессы, отъ индивидуальности больного и отъ вида травматическаго пораненія, неизбѣжнаго при каждой операціи". Эти три внѣшніе фактора (въ патологіи приводится ихъ болѣе) между собой различны во времени и пространствѣ и поэтому являются главными причинами того, что извѣстныя болѣзни и хирургическія операціи въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, относительно неудачи или смертельнаго исхода не одинаково протекаютъ, а. слѣдовательно, и не даютъ постоянныхъ статистическихъ результатовъ. Я съ намѣреніемъ употребилъ выраженіе „статистическихъ", потому что введеніе ваше, очевидно, стремится къ тому, чтобы доказать, что полученные въ массѣ статистическіе результаты даютъ самое вѣрное понятіе о натурѣ болѣзни и объ оцѣнкѣ способа леченія, на что именно я намѣренъ вамъ возражать. Вы сами приводите, что Serres въ Montpellier находится въ завидномъ положеніи видѣть почти всѣхъ своихъ ампутированныхъ выздоравливающими при первомъ натяженіи (per primam intentionem), что у насъ въ Петербургѣ только изрѣдка удается, что въ томъ счастливомъ краѣ нѣтъ ни скорбута, ни алкоголизма, которые могли бы воспрепятствовать успѣху правильно сдѣланной операціи, наконецъ, что даже въ одномъ и томъ же городѣ, напр.. въ С.-Петербургѣ, каждая больница обладаетъ особенной степенью злокачественности—вотъ, по моему мнѣнію, достаточно примѣровъ. доказывающихъ, что болѣзни и хирургическія операціи одинаковой натуры могутъ имѣть весьма различные исходы. На страницахъ 6, 7 и 8-й вы еще подробнѣе разбираете вышеупомянутыя внѣшнія вліянія и все таки на стр. 10 приходите къ заключенію, что всякая болѣзнь и всякій хир. оперативный методъ имѣютъ опредѣленный процентъ смертности, только нѣсколько видоизмѣняемый страною, особенностями класса народа и внѣшними вліяніями. На это изреченіе, противорѣчащее вашей собственной, столь цѣнной опытности, вѣроятно, повліялъ недавно введенный, безъ всякой критики, въ разнообразнѣйшія отрасли медицины статистическій методъ—и вы увлеклись случайнымъ совпаденіемъ вашей статистики при ампутаціяхъ съ Мальгеньевскою.

Статистика en masse умѣстна только тогда, когда можно сопоставить массу однородныхъ случаевъ и гдѣ сумма одинаковыхъ внѣшнихъ вліяній значительно превышаетъ случайно могущихъ воздѣйствовать на больныхъ факторовъ, такъ что вліяніе послѣднихъ можно себѣ представить настолько ничтожнымъ, что оно и не входитъ въ разсчетъ при взвѣшиваніи внѣшнихъ вліяній, по

творствующихъ тому или другому исходу болѣзней или хирургическихъ операцій.

При опредѣленіи средней продолжительности жизни въ извѣстной странѣ можно считать и случайно смертельные случаи отъ механическихъ причинъ или самоубійства, но эти цифры ничтожны въ сравненіи съ %₀ общей смертности.

Статистика en masse должна обнимать только короткіе періоды, если допустить, что вліяющіе на нее факторы представляютъ собою измѣнчивыя со временемъ величины. Она должна также ограничиваться извѣстнымъ пространствомъ, потому что характеристическое вліяніе извѣстныхъ факторовъ на одну группу можетъ быть изглажено противоположными вліяніями въ другой группѣ; такъ, что если мы желаемъ посредствомъ статистики установить естественный или природный законъ, то мы должны разсматривать объектъ нашего изслѣдованія при возможно одинаковыхъ и несложныхъ извнѣ вліяющихъ факторахъ. Между ними тѣ, которые обусловливаютъ неудачу или смертельный исходъ въ болѣзняхъ и хирургическихъ операціяхъ, по времени и пространству, оказываютъ разнообразнѣйшее вліяніе.

Если статистическія цифры взяты изъ продолжительной эпохи, обнимающей нѣсколько десятковъ лѣтъ и при томъ изъ разныхъ странъ свѣта и отъ различныхъ научныхъ школъ, то мы, конечно, можемъ въ результатѣ получить статистическій curiosum, но никогда не раскроемъ естественно историческаго закона. Такимъ образомъ послѣдствіе дурного леченія изглаживается вліяніемъ хорошаго климата и, напротивъ, успѣхъ наилучшаго леченія можетъ быть парализированъ вліяніемъ дурного климата. Средняя статистическая цифра, выведенная изъ этихъ двухъ рядовъ наблюденій, дастъ математическій средній выводъ, но нисколько не укажетъ на абсолютное достоинство самихъ способовъ леченія. Предположимъ, напримѣръ, что кромѣ натуры или сущности болѣзни, или хирургической операціи, существуетъ для обѣихъ еще постоянно вліяющій факторъ и что вы сами, напримѣръ, съ одинаковымъ стараніемъ и искусствомъ предприняли бы: леченіе ста первичныхъ сифилитическихъ язвъ или сто ампутацій бедра, или сто камнесѣченій; но изъ нихъ нѣкоторыхъ на теперешнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, другихъ въ Montpellier, а послѣднихъ въ Петербургѣ въ Обуховской больницѣ, то неужели вы думаете, что результаты вашихъ успѣховъ и процентъ смертности только незначительно будутъ между собою разниться? Я думаю, что между вашими успѣхами будетъ огромная разница Они были бы блистательными въ Монпелье, весьма неудачны на театрѣ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Сопоставивъ эти два ряда наблюденій, выведенныя изъ нихъ среднія статистическія цифры отнюдь не дадутъ вѣрнаго понятія ни о натурѣ лечимыхъ вами болѣзней или предпринятыхъ вами операцій, ни о степени вашего искусства и тщанія, онѣ, быть можетъ, привели бы насъ къ страшному заключенію, что Обуховская больница, давая приблизительно тождественныя съ вышеупомянутыми статистическими выводами цифры, выражаетъ

собою точную оцѣнку хирургическихъ болѣзненныхъ процессовъ и хирургіи вообще.

Вліяніе такихъ невѣрныхъ выводовъ, вѣроятно, породило нѣсколько грустное настроеніе, проглядывающее въ 3-мъ выпускѣ вашей клиники.

Подъ вліяніемъ этого безотраднаго настроенія духа, вы выразили научную ересь, „что процентъ смертности независимъ отъ врачебнаго вліянія". Это мнѣніе высказывалъ Гуфеландъ, и оно проникло въ публику и съ тѣхъ поръ до пресыщенія повторялось врачами.

Пусть только врачебное вліяніе будетъ надлежащее и вы увидите, что не только въ отдѣльныхъ случаяхъ, но и въ массѣ % смертности совершенно измѣнится. Non est crimen artis, quod est crimen professoris. Тайна надлежащаго врачебнаго вліянія кроется не въ извѣстныхъ школахъ, ни во врачахъ извѣстной эпохи en masse, но только въ отдѣльныхъ врачахъ всѣхъ школъ и всѣхъ временъ. Если крестьянинъ, съ своей заржавленной иглою, лучше снималъ бѣльмо, чѣмъ Рустъ, то онъ счастливымъ пріемомъ усвоилъ себѣ настоящее искусство этой операціи, которымъ не вполнѣ владѣлъ Рустъ. Когда Рустъ своими наставленіями нарушилъ успѣхи доморощеннаго оператора, онъ совершилъ crimen professoris относительно операціи катаракты. Ему бы слѣдовало усвоить себѣ пріемы, очевидно, счастливо оперирующаго крестьянина и потомъ ввести ихъ въ хирургію, при ученіи объ операціи катаракты. Если старая баба при уходѣ за роженицами имѣетъ менѣе неудачъ, чѣмъ указываетъ статистика родовспомогательныхъ заведеній, то она лучше дѣйствуетъ, нежели работающія въ этихъ заведеніяхъ лица. Я желалъ бы, чтобы вы хоть разъ увидѣли, какъ эстляндскій мужикъ въ моемъ имѣніи скоро и ловко выхолащиваетъ моихъ козловъ и бычковъ своимъ хлѣбнымъ ножемъ, который онъ оттачиваетъ на подошвѣ своего сапога, и при этомъ изъ цѣлой сотни не терялъ ни одного оперированнаго, между тѣмъ какъ ветеринары далеко не такъ счастливы. Еслибы всѣ хирурги такъ ловко оперировали катаракты, какъ рустовскій крестьянинъ, или дѣлали кастраціи, какъ мой эстонецъ, или камнесѣченіе, какъ frère Côme, то статистика успѣховъ была бы выгоднѣе нынѣшней относительно неудачъ и смертности, на которую теперь вліяетъ то, что болѣе дурныхъ, чѣмъ хорошихъ врачей. Извѣстно, что во всѣхъ отрасляхъ знанія и искусства хорошіе адепты несравненно рѣже плохихъ; такъ какъ одна ласточка еще не указываетъ на лѣто, такъ и одинъ Пироговъ еще не составляетъ золотой вѣкъ хирургіи. Хорошая десятина моей пахатной земли можетъ дать до 30-го зерна, но изъ этого не слѣдуетъ, что прочія 999 десятинъ даютъ больше средняго дохода, получаемаго вообще въ остзейскихъ губерніяхъ. Только въ этомъ смыслѣ вы правы, что врачебное вліяніе, по разницѣ школы и метода, имѣетъ только второстепенное вліяніе на успѣхъ. Очень жаль, что мы не всѣ доктора Мандты, относительно его чудесныхъ излеченій, и что не всѣ мои десятины даютъ такой урожай, какъ та

особенно плодородная—будь это такъ, то акціи общества страхованія жизни и моей сумы стояли бы очень высоко. И такъ, дорогой другъ мой, стремитесь неустанно къ постоянному улучшенію хирургіи, такъ какъ и я посильно постараюсь удобрить и оплодотворить мою землю, и постепенно улучшатся проценты смертности и урожая. Несомнѣнно, что продолжительность жизни народовъ съ вѣками увеличилась, а на поляхъ, по здравому ученію доктора Тера, увеличились урожаи. Измѣните же и вы, достойнѣйшій другъ мой, въ новомъ изданіи вашей хирургіи вашъ неутѣшительный взглядъ на вліяніе хирургіи на % смертности на болѣе отрадный.

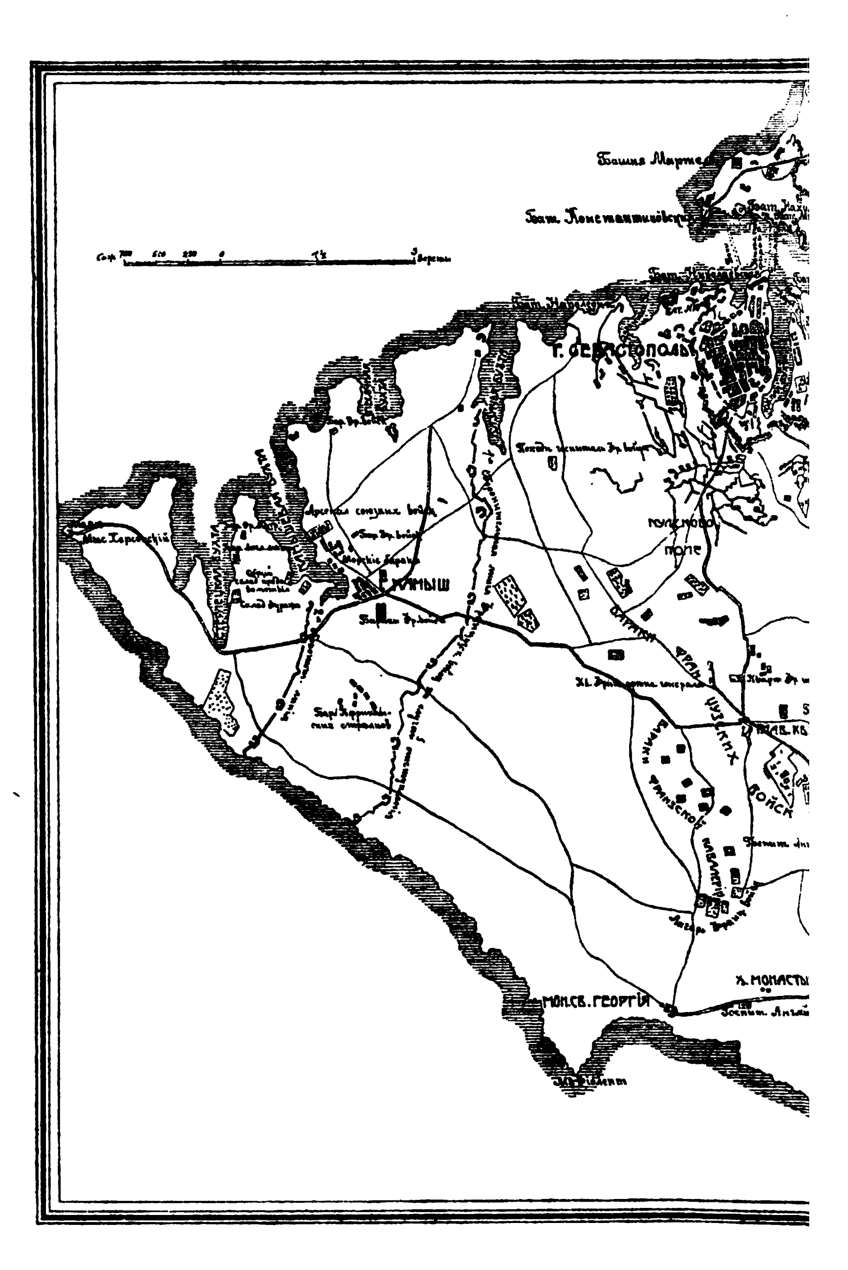
Вашъ другъ и collega д-ръ Зейдлицъ".

56) **Буяльскій**, Илья Васильевичъ, родился 26 іюля 1789 г., среднее образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ и въ семинаріи, оттуда былъ принятъ въ Московскую Медико-Хирургическую Академію, въ 1809 г., а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1814 г. Еще будучи студентомъ, исполнялъ обязанности прозектора у проф. Загорскаго. Въ 1823 г. получилъ степень доктора медицины. Буяльскій былъ любимымъ ученикомъ проф. хирургіи Буша, клиническимъ помощникомъ котораго Буяльскій былъ въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ (съ 1817 по 1823 г.). Въ дальнѣйшемъ, однако, вмѣсто каѳедры хирургіи Буяльскій попалъ на каѳедру анатоміи, которую и занималъ до ухода своего изъ Медико-Хирургической Академіи, въ 1844 г.

Буяльскій въ свое время пользовался широкою извѣстностью, какъ хирургъ. Онъ былъ болѣе 30-ти лѣтъ (1831 — 1864) консультантомъ по хирургіи въ Маріинской больницѣ для бѣдныхъ и на богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ этой больницы Буяльскій развилъ очень обширную хирургическую дѣятельность. Умеръ 6-го декабря 1864 г.

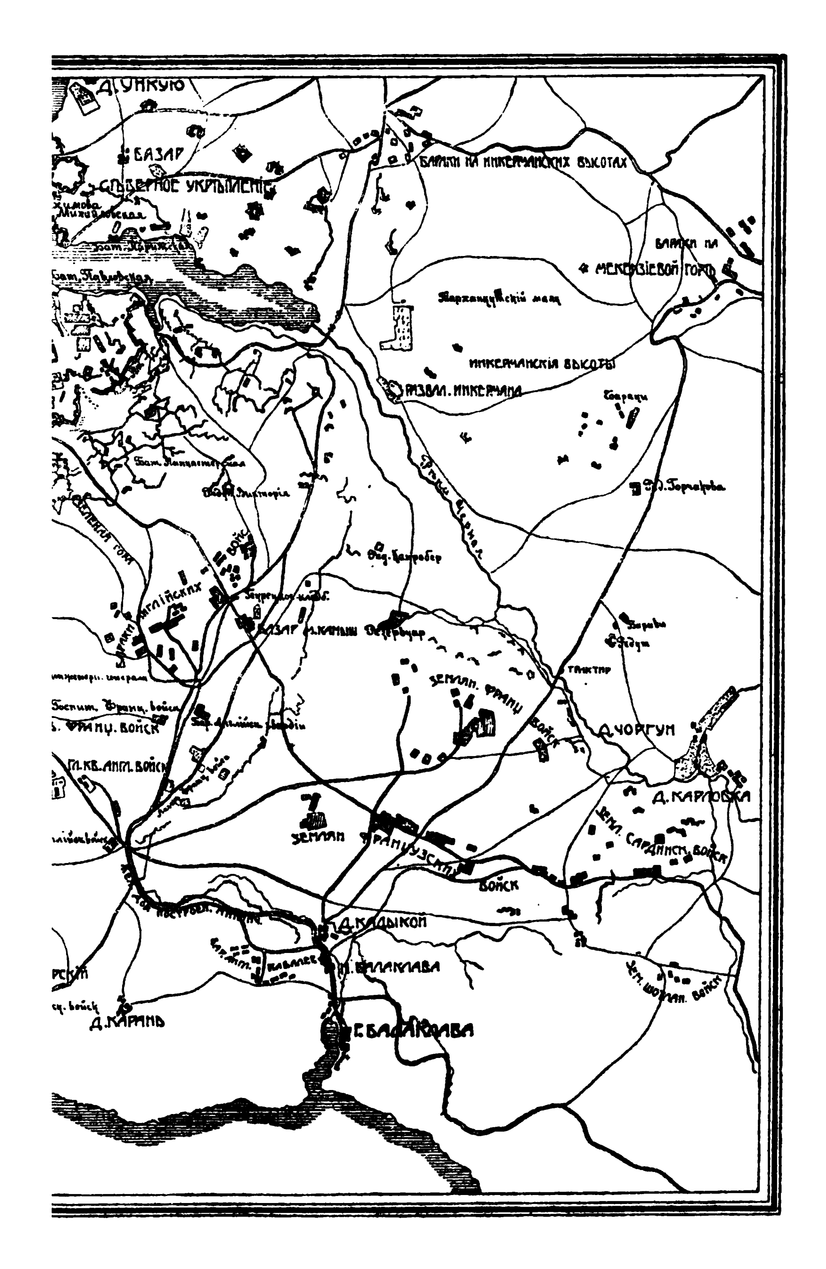
Указатель личныхъ именъ.

Оглавленіе.

Укрѣпленія русскихъ войскъ.

Планъ окрестностей Сев

~~–21~~ Укрѣпленія союзныхъ войскъ.

(с)тополя въ 1854-1855 г.г.

Англо-русская распря. С. Южакова. Ц. 1 р.

Iезуиты. Губера. Перев. съ нѣмец. Ц. 1 р.

Исторія книги на Руси. А. Бахтіарова. Со многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Очерки самоуправленія, земскаго, городского, сельскаго. Приклонскаго. Ц. 2 р.

Нашъ вексельный курсъ. Сементковскаго. Ц. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. А. Бахтіарова. Ц. 1 р. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. (1879 г.) Бар. Корфа. Ц. 60 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. В. Фармаковскій. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Популярно-юридическая библіотека. Я. В. Абрамова. 11 книжекъ. Цѣна каждой книжки 25 к. До 1 октября 1905 г. вышли слѣдующія книжки: 1. Духовныя завѣщанія.—2. Наслѣдство и раздѣлъ.—3. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ.—5. Заемъ, закладъ и залогъ.—6. Личный наемъ и служба.—8. Бракъ и семья.—9. Разводъ.—10. Усыновленіе и узаконеніе.

Философія, этика, психологія.

Положительная философія Огюста Конта. Въ популярномъ изложеніи д-ра Робине. Ц. 50 к.

Философія Герберта Спенсера. Въ сокращенномъ изложеніи Коллинза. Перев. съ англ. П. Мокіевскаго. 2-е русск. изд. Ц. 2 р.

Философія Шопенгауера. Въ популярномъ изложеніи д-ра Т. Рибо. Перев. съ франц. Э. Ватсона. Ц. 50 к.

Исторія религій. Проф. Мензиса. 3-е изд. Ц. 1 р.

Психологія религіи. Р. де-ла Грассери. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 25 к.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. Пэйо. Съ фран. Ц. 50 к.

Эволюція общихъ идей. Рибо. Съ фран. Ц. 60 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Проф. Сабатье. Ц. 75 к.

Жизнь и смерть. Публ. лекціи проф. Сабатье. Ц. 75 к.

Пессимизмъ. Селли. Популярный обзоръ пессимистическихъ ученій. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Этика. (Ученіе о нравственности). Проф. Маккензи. Перев. съ франц. Ц. 75 к.

Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Проф. Э. Эванса. Съ англ. Ц. 75 к.

Прогрессивная нравственность. Проф. Фауллера. Съ англ., подъ ред. Влад. Соловьева. Ц. 40 к.

Нравственный инстинктъ. Его происхожденіе и развитіе. Сутерланда. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. В. Лекки. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. Лоскутова. Ц. 1 р.

Путь къ счастью. Кирхнера. Съ нѣмец. Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. Проф. Мантегацца. Перев. съ итал. 3-е изд. Ц. 60 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Кейра. Съ франц., подъ ред. С. Сементковскаго. Ц. 40 к.

Воспитаніе воли. Пэйо. Съ франц. 5-е изд. Ц. 60 к.

Воспитаніе чувствъ. Составилъ Тома. Съ фран. Ц. 75 к.

Очерки психологіи. Тиченера. Съ англ. Ц. 1 р.

Душевныя движенія. Популярно-научный очеркъ. Ланге. Пер. съ франц. и нѣмец. Ц. 40 к.

Привычка и инстинктъ. Моргана. Съ англ. Съ рис. Ц. 1 р.

Психологія вниманія. Рибо. Съ франц. 3-е изд. Ц. 30 к.

Психологія характера. Полана. Съ франц. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Жоли. 3-е изд. Ц. 60 к.

Физіологія страстей. Летурно. Перев. съ франц. д-ра В. В. Святловскаго. Ц. 1 р.

Патологія души. Опытъ гигіены ума. Д-ра Мориса Флери. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Геніальность и помѣшательство. Ломброзо. Перев. съ итал. Съ портретомъ автора и рис. 3-е изд. Ц. 1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ соврем. лит. и искусствѣ. Макса Нордау. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

